

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

ISSN 2949-3714

**Записки Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

**2023
№ 2(5)**

ISSN 2949-3714

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

2023
№ 2(5)

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества
№ 2(5), 2023**

Издатель: Федеральное бюджетное государственное учреждение высшего образования «Забайкальский государственный университет»

Издаётся с декабря 2021 г.

Язык издания: русский, английский

Периодичность: 2 раза в год

Политика журнала – информировать научное сообщество об исследованиях по отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Публиковать результаты оригинальных работ, знакомить общество с новыми тенденциями исторической науки.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение материалов статей. Высказанная в статьях позиция может не отражать точку зрения редакции.

Правила для авторов опубликованы в конце издания.

Публикация в журнале бесплатная.

Адрес редакции:
672039, Россия, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, д. 30
Забайкальский
государственный университет

Главный редактор

Дроботушенко Е. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редакционная коллегия

Антропов Р. В., кандидат юридических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Волочаева А. В., кандидат исторических наук (г. Чита, Россия)

Камнева Г. П., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Карасев С. В., доктор исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Кузнецов В. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Ланцова Ю. Н., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Пряженникова М. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Сотников С. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Сотников А. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Цацралт Батсуур, доктор философии (г. Улан-Батор, Монголия)

Чапыгин И. В., кандидат исторических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Шаронова В. Г., кандидат исторических наук (г. Москва, Россия)

Яремчук О. А., кандидат исторических наук, доцент (г. Чита, Россия)

Редактор А. А. Рыжкова
Вёрстка Н. Ю. Добрецькой

Подписано в печать 20.12.2023.

Дата выхода в свет 25.12.2023.

Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 10,6. Уч.-изд. л. 9,0. Заказ № 23098. Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–33 экз.).

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society
No. 2(5), 2023**

Publisher: Federal Budgetary State Institution of Higher Education "Transbaikal State University"

Published since December 2021.

Language of publication: Russian, English.

Frequency: 2 times a year.

The journal's policy – is to inform the scientific community about research on Russian history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia. To publish the results of original works, to acquaint society with new trends in historical science.

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the materials of the articles. The position expressed in the articles may not reflect the editorial board's point of view.

The rules for authors are published at the end of the publication.

Publication in the journal is free of charge.

Adeditorial address:

672039, Russia, Chita,
Alexandro-Zavodskaya St. 30,
Transbaikal State University

Editor-in-Chief

Drobotushenko E. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editorial Board

Antropov R. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Russia, Chita)*

Volochaeva A. V., *Candidate of Historical Sciences (Russia, Chita)*

Kamneva G. P., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Karasev S. V., *Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Kuznetsov V. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Lantsova Yu. N., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Pryazhennikova M. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Sotnikov S. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Sotnikov A. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia)*

Tsatsralt Batsuur., *PhD (Ulaanbaatar, Mongolia)*

Chapygin I. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Irkutsk, Russia)*

Sharonova V. G., *Candidate of Historical Sciences (Moscow, Russia)*

Yaremchuk O. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Chita, Russia)*

Editor A. A. Ryzhkova
Layout by N. Yu. Dobretskaya

Signed for printing on 20.12.2023.

Release date 25.12.2023.

Format 60×84/8. Xerographic paper. Digital printing method.

CONV. print I. 10,6. Uch.-ed. I. 9,0. Order no. 23098. Circulation 500 copies. (1st plant 1–33 copies).

Printed at FSBEI HE "Transbaikal State University"
672039, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30

Содержание

Семенов В. В. Генерал на белом коне: сложение культурного архетипа и символа	6
Санжиева Т. Е. История переселения предбайкальских бурят в Забайкалье	10
Мясников А. В., Мясникова Г. В. Евгений Чебаевский – исследователь Сибирских недр	15
Волочаева А. В. Проблемы организации труда ссыльнокаторжных на рудниках и промыслах в Забайкалье во второй половине XIX века	21
Кузнецов В. В. История образования в Японии в период реформ Мэйдзи	26
Ланцова Ю. Н. Анализ деятельности Ветеринарного отдела Китайско-Восточной железной дороги в первой четверти XX века	30
Дроботушенко Е. В. Чайные плантации в Китае: по рукописи 1918 года Генерального консула в Ханькоу А. Т. Бельченко	34
Баринов А. О. Бесславный финал правления социалистов в Забайкальской области осенью 1918 года	39
Таскин Д. А. Новые материалы об особенностях белого террора режима атамана Г. М. Семёнова	43
Косых В. И. Пребывание православных клириков-беженцев в Чите (1919–1920)	46
Сазонова В. А. Участие китайских рабочих в развитии золотопромышленности Забайкалья в 1920-х годах	49
Беспалько Д. Н. Михайловский Николай Александрович – заслуженный охотовед и лесовод Забайкалья	52
Шойдонова А. М. Создание системы гражданско-патриотического воспитания в Бурят-Монгольской АССР (1920–1930-е гг.)	57
Сунь Ичжи Истоки большевистской пропаганды в Шанхае: социалист Г. Ф. Семешко и газета «Шанхайская хроника»	65
Константинов А. В. Китаевед из Пури	75
Якунин В. Н. Основные события и повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2006 году	78
Митыпова Г. С. Искатель прибрежных историй Посольского мыса Виктор Абрамов	85

Contents

Semenov V. V. Man on Horseback: the Formation of a Cultural Archetype and Symbol	6
Sanzhieva T. E. The History of the Resettlement of Cisbaikal Buryats in Transbaikalia	10
Myasnikov A. V., Myasnikova G. V. Evgeny Chebaevsky – Researcher of the Siberian Subsoil	15
Volochaeva A. V. Problems of Labor Organization of Exiled Convicts in Mines and Fields in Transbaikalia in the Second Half of the XIX Century	21
Kuznetsov V. V. The History of Japans Education of Period the Meiji Reforms	26
Lantsova Y. N. Activities of the Veterinary Department the Chinese-Eastern Railway in the First Quarter of the XX Century	30
Drobotushenko E. V. Tea Plantations in China: According to the 1918 Manuscript of the Consul General in Hankou A. T. Belchenko	34
Barinov A. O. The Inglorious Finale of Socialist Rule in the Transbaikal Region in the Autumn of 1918	39
Taskin D. A. New Materials on the Features of the White Terror of Ataman G. M. Semenov Regime	43
Kosyh V. I. Stay of Orthodox Clerics-Refugees in Chita (1919–1920)	46
Sazonova V. A. Participation of Chinese Workers in the Development of Gold Mining Transbaikalia in the 1920s	49
Bespalko D. N. Mikhailovsky Nikolay Alexandrovich – Honored Hunter and Forester of Transbaikalia	52
Shoydonova A. M. Creation of a System of Civic-Patriotic Education in the Buryat-Mongolian ASSR (1920–1930s)	57
Sun Yizhi The Origins of Bolshevik Propaganda in Shanghai: the Socialist G. F. Semeshko and His “Shanghai Chronicle”	65
Konstantinov A. V. Sinologist from Puryi	75
Yakunin V. N. Main Events and Daily Life of the Samara and Syzran Dioceses in 2006	78
Mitypova G. S. The Seeker of Coastal Stories of the Embassy Cape Viktor Abramov	85

УДК 908:93/94

Генерал на белом коне: сложение культурного архетипа и символа

Вадим Владимирович Семенов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург, Россия
syrovodka@gmail.com

Автор статьи анализирует образ Всадника на белом коне, принявший в России своеобразную словесную форму – Генерал на белом коне и приобретший особое значение на рубеже XIX–XX вв. Содержательное осмысление образа показало, что Белый всадник – это сложный синкретический культурный символ, поэтапно вобравший в себя целый ряд смысловых компонентов. Перспектива изучения роли этой символической фигуры в ключевых внутрироссийских процессах столетней давности обнажает значимый потенциал дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Генерал на белом коне, символ, образ, образ-символ, Наполеон

Man on Horseback: the Formation of a Cultural Archetype and Symbol

Vadim V. Semenov

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Saint Petersburg, Russia
syrovodka@gmail.com

The author of article analyzes the image of the White Horseman or the Man on Horseback, which acquired special significance in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. A meaningful comprehension of the image showed that the White Horseman is a complex syncretic cultural symbol that gradually absorbed many semantic components. The prospect of exploring the role of this symbolic figure in key internal Russian processes of a century ago reveals significant potential for further research.

Keywords: Man on Horseback, Symbol, Image, Image-Symbol, Napoleon

Даже поверхностное обращение к культурным произведениям минувших эпох обнаруживает немало образов, претерпевших своего рода шифрование временем. Явления и предметы, столь обычные ещё совсем недавно, сиюминутно порой кажутся бесконечно далёкими и чужими. Без лишних слов понятные своему современнику, они способны составить для сознания потомков трудноразрешимую загадку. Стоит ли говорить, что если в сотворённый мыслью или рукой человека образ изначально вкладывался дополнительный, подспудный смысл, то с отживанием этого образа и это прежде лишь подразумеваемое значение становится почти неразличимым. В таких случаях его современная концептуализация нередко принимает вид умозрительного конструирования: в частности, такая судьба, согласно мнению некоторых учёных, постигла многие образы нашего языческого прошлого [8]. Возможно, что теоретическая реконструкция такого рода в чём-то, бесспорно, искусственная, это единственное, что нам остаётся, если прочной доказательной основы оказывается недостаточно для исчерпывающего отображения какого-либо фрагмента исторической реальности. Тогда

весь вопрос заключён даже не в строгой непротворочивости, а в убедительности получаемых концептов.

Предмет сегодняшнего разговора обязывает заметить, что теснейшая ежедневная связь человека и лошади, ставшая неоспоримой в день, когда пять с половиной тысячелетий назад наш предок впервые вложил удила в лошадиный рот, к настоящему времени прервана. Конный образ человека, претерпевший развитие от скальных петроглифов до фотографических снимков, ещё столь типичный в начале прошлого столетия, ныне изжит из повседневности. «Живых коней, – как живописал классик, – победила стальная конница» [7, с. 7]. И функции лошади взяла на себя машина. Но смысловая многозначность фигур лошади и её седока не была воспринята и замещена. «Сегодня, когда кавалерия давно исчезла с полей сражений, а верховая езда в значительной степени ассоциируется с гонками и спортом привилегированной элиты, – неоспоримо отмечает современный историк Д. А. Белл, – мы легко забываем, насколько впечатляющим может быть зрелище командира в яркой форме на боевом коне, держащего в руках тяжелый отточенный

меч» [17, с. 15]. Эта образность невосвратно унесена от нас убыстрившимся историческим временем, и те мысли и чувства, что выражала собой фигура наездника, во многом перестали быть интуитивно понятны. На ещё более сложном уровне находится символизм Всадника или Генерала на белом коне – образа, вынесенного в заглавие.

Этот маскулинный образ, претерпевший тысячелетнее развитие, включает в себе несколько смысловых компонентов. Первая, мифологическая составляющая почти целиком определяется колористическим наполнением: множество народов, не исключая русского, полагали человека на белом скакуне олицетворением солнца, рассвета, дня [2]. Эта мифология, ассоциируясь с неизбежностью прихода света после ночной тьмы, знаменовала собой надежду. Другая, не менее важная интерпретация – воинствующая и торжествующая. С белым скакуном неразделимо сопряжено восприятие святого Георгия Победоносца, покровительствующего с небес всем носящим оружие. Белоснежный жеребец – привычный атрибут образа воина-победителя, от античного героя Беллерофонта, поразившего с коня чудовище, до советского маршала Жукова, принимавшего на нём Парад Победы. Со дня, в который римский диктатор Марк Фурий Камилл впервые выбрал четвёрку коней белой масти для своего триумфа, белый конь стал традиционным символом, выделяющим триумфатора. Когда «подпольный человек» Достоевского мечтает «выступить вдруг на свет божий, чуть ли не на белом коне и не в лавровом венке» [6, с. 63], он не мыслит дальше этого поверхностного смысла. Однако нередко значение принимаемого во внимание образа оказывалось и шире, и сложнее.

Конечно, данный образ глубоко милитарен по самой своей сути. Верхов на белом скакуне изображался Ангел Маккавеев: этот «небесный сборник», принесший, согласно библейскому тексту, судьбоносную ратную победу иудейскому народу, являет собой один из наиболее ранних примеров, когда белый окрас лошади дополнялся или замещался белыми одеждами наездника при неизменности прежнего символизма (2 Мак. 11:7–11). Нельзя не вспомнить, что Откровение Иоанна Богослова в кавалькаде всадников Апокалипсиса рисует нам «коня белого и на нем всадника... и вышел он победоносный, и чтобы победить» (Откр. 6:2). В ряде библейских комментариев этот наездник представлялся эмблематическим символом войны, причём войны праведной, что оттенялось вековечным смысловым содержанием белого цвета

как синонима чистоты. На белом коне в окружении ангелов евангелист видел и самого Христа, «Верного и Истинного, Который праведно судит и воинствует» (Откр. 19:11). Фигура Спасителя более всего придаёт целостность образу белого всадника, объединяя в себе все присущие последнему ассоциации. Итоговый символизм сливает брань и победу в едином лице, в нём заключены исключительные сила и власть, неизбывная надежда на спасение и проистекающая из неё живая вера в будущее. Именно в этих рамках обретались чаяния и представления, помещавшиеся людьми в наивную мечту о появлении всадника на белом коне, отголоски которой обнаруживаются нами в нарративах прошлого.

Те же сакральные фигуры Христа и святого Георгия – воина Царя Небесного, как представляется, связывают данный символизм и содержательное наполнение всаднического образа с харизматическим типом лидерства. В границах оригинального теоретического построения власти влиятельного немецкого социолога М. Вебера сверхъестественно воспринимаемая личная харизма пророков, спасителей и героев способна вызвать к жизни особую форму властных отношений [3, с. 29]. Присущие харизматическому лидерству энергетическая сила, динамизм, иррациональность и идея эмоциональной общности по своей природе обладают огромной, завораживающей привлекательностью для общественного сознания. До конца раннего Нового времени эта тяга проявлялась прежде всего в религиозном чувстве: в частности, в культе святых, на что обращает внимание американский историк Д. А. Белл [17, с. 174]. Впоследствии, как справедливо обозначает учёный, революционная трансформация отношений между народами и их политическими лидерами не только укоренила первые ростки современной демократии, но и парадоксальным образом придала новое значение и форму тоске по вождям-харизматикам [Там же, с. 8]. Не первым, но определённо наиболее заметным из таковых стал Наполеон Бонапарт.

Феномен Наполеона сыграл определяющую роль в метаморфозе Белого всадника в Генерала на белом коне. Художественная традиция, изображающая его верхом на белом жеребце и имеющая своей жемчужиной знаменитое полотно Давида «Бонапарт на перевале Сен-Бернар», не только преподнесла рукоплещущей публике неповторимый образчик романтического кумира, но и неразрывно связала бонапартистскую легенду с экспрессивной фигурой Белого всадника. Наполеон привнёс поч-

ти словарную определённую в понимании во многом ещё абстрактного идеала, подтвердив узловую значимость харизмы и энергии. Харизма призвана дисциплинировать и ассимилировать разномыслящих приверженцев перед лицом авторитета единственной личности. Во втором, не менее важном понятии заключена способность умножать энергию приверженцев, а находясь у власти, – социальную и национальную энергию общественных сил, мобилизуя и аккумулируя её в нужных моментах и управляя её всплесками. «Народы – французы, немцы, итальянцы, поляки, русские, – все они поверили, что Наполеон был рожден, чтобы наэлектризовать их, ибо это правда, что он вытащил их из летаргии», – с проникновенностью вывел одарённый французский литератор рубежа XIX–XX вв. М. Баррес, который, назвав Наполеона «учителем энергии», возбуждающим души, сумел подметить, что уже столетие в каждом юношеском стремлении присутствует частица, принадлежащая Бонапарту [16, с. 218–219].

В Наполеоне, как точно подметил Ф. Ницше, нашёл живое воплощение «античный идеал» [12, с. 269]. Он шёл к власти на волне ожидания – со страхом или надеждой – современного Цезаря как ниспровергателя республики, но, оказавшись на вершине, фактически сам заново конструировал цезаризм как систему «господства личности гения» [3, с. 35; 15, с. 101]. Через Наполеона было закреплено новое истолкование исследуемого образа: не без воздействия тех же античных реминисценций всадник явился символом носителя диктаторской власти. С лёгкой руки одной из известнейших женщин своего времени мадам де Сталь Бонапарт был окрещён «Робеспьером на коне» за готовность без колебаний применять силу для достижения собственных политических целей [18, с. 121–164; 19, с. 436–445]. Упростившись, это выражение превратилось в просто «Человека на коне» (*L'homme à cheval*, *Man on Horseback*), что стало синонимом диктатора в западных странах. В конце XIX в. ту же характеристику получил генерал Ж. Буланже, добившийся благосклонности толпы с тем, чтобы управлять ею [20, с. 5]. Этот не чуравшийся внешнего эффекта француз любил будоражить публику эпохи *fin de siècle* уже немного старомодным, но всё столь же магнетическим появлением перед нею верхом на коне. Жизненный путь и политическая карьера Буланже кончились одинаково скверно, но некогда ему обещали лавры нового Наполеона.

По-видимому, именно из контаминации наполеоновской характеристики и традицион-

ной фразеологии белого коня в русском языке позапрошлого столетия родилась выразительная формула – Генерал на белом коне. Ранее, с течением времени конный образ приобрёл в русской культуре прочную и определённую взаимозависимость с совокупностью названных прежде категорий. Современный исследователь Б. Л. Шапиро верно отмечает его давнюю тройственность, слившую в себе воедино сакральное, державное и воинское [14, с. 174]. К сожалению, упомянутый учёный, предпринявший попытку сопрячь концептуальную модель российской власти с парным образом коня и наездника, акцентируя внимание на разноликих деталях вековой связи человека с лошастью, практически упускает из виду особый символизм Белого всадника. Меж тем его самодостаточность и цельность способны говорить сами за себя, и, как уже обозначалось, колоратив «белый» – здесь, бесспорно, стержневой элемент. По определению В. И. Даля, «народ называет белым: веру, свою, царя и отечество» [5, с. 135], – тем самым за этим словом встал осмысленный патриотический идеал. Наконец, как несомненный, интуитивно понятный атрибут верховной власти, белый цвет подчёркнуто и закономерно благоприятствовал использованию высвеченного им образа в политической аргументации и пропаганде. При этом именно белый цвет должным образом сакрализует эту фигуру.

Углубляющийся кризис патримониального самодержавия с некоторым запозданием привёл к появлению в российском обществе нарастающего запроса на харизматического лидера. Подобно тому, как на Западе в конце раннего Нового времени обращались к классическому античному наследию и его примерам, в России апеллировали к более близким образцам и прежде всего – к персоне Наполеона. Почти в то же время, что оказалось отмечено буланжизмом, к судьбе стать русским Бонапартом был, казалось, близок М. Д. Скобелев. Этот молодой полководец, выдвинувшийся благодаря своим неоспоримым талантам и полубезумной доблести, сам сотворил свой образ «Белого генерала», бесстрашно появляясь в гуще сражений в белоснежном кителе и на молочного цвета коне [9, с. 37; 11, с. 306, 358]. Ещё не отживший, глубоко памятный наполеоновский феномен вдохновлял Скобелева, занимал мысли, возможно, невольно управляя и его жестом [4]. Во многом благодаря ему символ Генерала на белом коне стал в России новым типом героя, не просто оказавшись интуитивно понятным и близким всем слоям населения, но, более того, вылившись в народную мечту о преиспол-

ненном энергии и харизмы национальном лидере, вожде нации [13, с. 204–205]. Апогей этой мечты наступил позднее, в годы Первой мировой войны, Революции и Гражданской войны, пронизав страну от династических вершин до народных толщ и проявившись в самых разных видах вплоть до причудливых форм «окопной религиозности» [1, с. 654–657]. Не останавливаясь подробно на сопоставлении данной символической фигуры изменчивого содержания с историческими личностями вековой давности, отметим, что она нашла широкое отражение в репрезентативных практиках власти поддерживающих того периода, включая и последнего русского самодержца [10, с. 190].

Итак, мы можем утверждать, что на пути к Новейшему времени семантически сложный, многосоставный символ Всадника на белом коне прошёл длительный путь, вместивший в себя этапы сакрализации, милитаризации, христианизации, романтизации

и, наконец, консолидации смыслов в единой словесно-предметной форме. На каждом этапе архаический первообраз вбирал в себя всё новые сущностные значения и чувственные оттенки: органично сопрягая надежду и веру, волю и власть, брань и победу, силу и порядок, спасение и умирение. Наполеон придал этому образу личностную полноту и некую новую классичность, Скобелев вложил в него русский характер. Сложившийся из череды смысловых напластований, фактурный символ Генерала на белом коне стал одним из крупнейших идеалов «долгого XIX века», будучи априорно востребованным в качестве стойкого запроса на героя во власти, национального вождя и спасителя. В России этот образ ярчайше вспыхнул уже на руинах отжитого периода, и в данном аспекте нынешнее исследование является прологом к постановке значимой научной проблемы о роли символизма Генерала на белом коне в годину русской смуты минувшего столетия.

Список литературы

1. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
2. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. Текст: электронный // RUTHENIA. Объединенное гуманитарное издательство. URL: www.ruthenia.ru/folklore/berezkin (дата обращения: 08.08.2023).
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 4. Господство. М.: ВШЭ, 2019. 542 с.
4. Генерал М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем собственном доме» / публ. Л. Рябченко // Документы русской истории. 1993. № 5–6. С. 38–59.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 1: А–З. М.: Изд. общ-ва любителей российской словесности, 1863. 627 с.
6. Достоевский Ф. М. Записки из подполья. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. 146 с.
7. Есенин С. А. Исповедь хулигана. М.: [б. и.], 1921. 12 с.
8. Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
9. Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд // Белый генерал. М.: Патриот, 1991. С. 13–276.
10. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 657 с.
11. Немирович-Данченко В. И. Скобелев: личные воспоминания и впечатления // Белый генерал. М.: Патриот, 1991. С. 277–538.
12. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Случай «Вагнер». Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. М.: Культурная революция, 2012. 480 с.
13. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
14. Шапиро Б. Л. Русский всадник в парадигме власти. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 699 с.
15. Baehr P. Caesarism, Charisma, and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Brunswick: Transaction, 2008. 243 p.
16. Barrès M. Les déracinés. Paris: Émile-Paul, 1911. 491 p.
17. Bell D. A. Men on Horseback : The Power of Charisma in the Age of Revolution. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 352 p.
18. Higonnet P. Terror, Trauma and the 'Young Marx' Explanation of Jacobin Politics // Past & Present. 2006. No. 191. P. 121–164.
19. Higonnet P. The Meaning of the Terror in the French Revolution // Commentaire. 1986. No. 3. P. 436–445.
20. The Cambridge Sentinel. 1933. 19 Aug. P. 5.

Сведения об авторе

Семенов В. В. – ассистент кафедры истории культуры, государства и права, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», г. Санкт-Петербург, Россия, syrovodka@gmail.com

Semenov V. V. – Assistant of the Department of History of State, Culture and Law, Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia, syrovodka@gmail.com

.....

УДК 95:325(=512Ю31)1600/1700

История переселения предбайкальских бурят в Забайкалье

Татьяна Ефремовна Санжиева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия

sanj_te@mail.ru

Статья посвящена переселению бурятских этнических групп из Предбайкалья в Забайкалье в долину р. Селенги. Первая волна миграции была вызвана появлением русских казаков и служилых людей в XVII в., вторая – в XVIII в. – постановлениями государственной администрации в связи с нехваткой земли в Предбайкалье. Переселенцы заселяли пустующие земли, развивая скотоводческое хозяйство. Первое время они посещали родные кочевья, проводили там родовые обряды – тайлганы, затем стали осуществлять их на новом месте жительства, утрачивая родственные связи.

Ключевые слова: бурятские роды, Предбайкалье, причины, процесс переселения, Забайкалье

The History of the Resettlement of Cisbaikal Buryats in Transbaikalia

Tatyana E. Sanzhieva

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia

sanj_te@mail.ru

The article is devoted to the resettlement of Buryat ethnic groups from Cisbaikalia to Transbaikalia to the Selenga River valley. The first wave of migration was caused by the appearance of Russian Cossacks and servicemen in the XVII century, the second – in the XVIII century – resolutions of the state administration in connection with the shortage of land in the Baikal region. Settlers settled empty lands, developing cattle breeding. At first, they visited their native nomads and conducted family ceremonies there – tailgans, then they began to carry them out at a new place of residence, losing family ties.

Keywords: Buryat Clans, Cisbaikalia, Reasons, Resettlement Process, Transbaikalia

История переселения предбайкальских родов в Забайкалье всегда привлекала внимание исследователей. Но если переселение на р. Баргузин хорошо известно, появление монгольских родов в Забайкалье на р. Селенге тоже достаточно изучено. Однако заселение Селенгинской долины предбайкальскими бурятами слабо изучено, хотя представляет значительный интерес для этнической истории бурят, особенно для формирования территориально-этнической группы – селенгинские буряты. Когда впервые западные буряты перекочевали в Забайкалье – не ясно. Известно, что до появления русских в Забайкалье здесь уже обитали некоторые роды предбайкальских бурят. Некоторые сведения об этих событиях приведены

бурятскими летописцами и известным этнографом, собирателем старины С. П. Балдаевым (1889–1978), который начал опрашивать знатоков старины в 1908 г. и посвятил этому всю жизнь, работая в Государственном институте культуры, затем в Бурятском комплексном научно-исследовательском институте. Поскольку советская власть строила политику на интернациональной основе, то его обвинили в национализме и арестовали в 1937 г. по политическим мотивам.

Статья написана на основе материалов летописей селенгинских бурят Дамби-Жалсана Ломбоцыренова, Будажаба Будаева, Дашины-мы Ендонова, анонимной летописи «История шести отоков и восьми отцов», «Бичихан запи-

скэ», а также учёного-этнографа С. П. Балдаева «Родословные предания и легенды бурят». Целью данной статьи является исследование причин миграции и процесс переселения с родовых мест. Несмотря на то, что источниковая база поднятой проблемы узка, использованные в статье документы дают возможность рассмотреть основные причины переселения. Материалы, собранные С. П. Балдаевым, показывают, как буряты бежали в ходе присоединения их земель к России. Летописи также упоминают об этих событиях, но не так подробно. Главное достоинство летописей, что они позволяют раскрыть причины переселения, организованного административными органами российского правительства. И в летописях, и у С. П. Балдаева указывается следующее географическое положение расселения бурят: северный Байкал – западная территория, южный Байкал – восточная часть. В статье западная часть указана как Предбайкалье, восточная – Забайкалье.

Селенгинские буряты сформировались в XVII – начале XVIII в. из булагатско-эхиритских родов Предбайкалья и из родов Монголии, составив крупную сборную этнотерриториальную группу. Селенгинские буряты составляли тогда 18 родов и кочевали по обоим берегам р. Селенги. Современные буряты, живущие в долине р. Селенги, знают и помнят своё предбайкальское происхождение. Они сохранили традиционную бурятскую культуру, шаманизм, несмотря на доминирование буддийской культуры и буддизма.

В селенгинских летописях указано, что Булагат и Эхирит имеют общее происхождение – от шаманки Асуйхан. В «Истории селенгинских монгол-бурят» Дамби-Жалсана Ломбоцыренова написано: «У Булагата было шесть сыновей. Их потомки живут на той стороне Байкала, в Балаганске, Китое и на Ольхоне. В Нижнеудинске живут харануты и ашабагаты. Остальные, размножившись, живут в Забайкальской области, в районах Селенги и Кудары. Некоторые отделившиеся роды живут вместе с поздними родами, прибывшими из Монголии» [7, с. 96].

Переход булагатов и эхиритов из Предбайкалья в Забайкалье прошёл через две волны. Первая, как указывает Б. Р. Зориктуев: «Начавшееся в 30-х гг. XVII в. и достигшее пика в период правления И. Похабова бегство бурятов в Забайкалье приводило к смешению племен, осознанию населением как Предбайкалья, так и Забайкалья своего этнического единства» [5, с. 224]. Б. Р. Зориктуев отмечает, что перекочевки привели к сближению Предбайкалья и Забайкалья и к разрушению территориаль-

но-этнической разобщённости, что в свою очередь дало толчок к формированию народности – бурят.

Более подробно первую волну миграции бурят описывает С. П. Балдаев. Начиная раздел «Иволгинские буряты», он пишет: «Иволгинские буряты прежде входили административно в Селенгинскую степную думу Забайкальской области. Основную массу населения составляли пришлые из Предбайкалья роды, перекочевавшие сюда относительно недавно» [1, с. 501]. В приведённых рассказах указаны разные причины переселения в Селенгинскую долину. Например, «Сыновья Улахана Юмсу и Шабаг вследствие притеснения русских колонизаторов с верховьев р. Куда перебрались в Забайкалье, навьючив свое имущество на пеструху – корову, с семьями перешли Байкал зимою, поселились в Кударе. Тунгусы рода хухэ шулэгут их прогнали. Тогда они перебрались и поселились в местности Харгана, где их потомки проживают до се времени» [Там же, с. 504]. «Тулай и Тармай были братьями, жили в местности Хабсал, где сородичи их проживают до сего времени. Улус Хабсал находится по Якутскому тракту, в 60 верстах от г. Иркутска» [Там же, с. 506]. Здесь указана другая причина: отсутствие пастбищ вследствие появления русских поселений Хомутовского, Оекского, Хомойского и др. Братьям стало негде пасти скот, тогда они перебрались в Забайкалье и поселились на пустых землях.

С. П. Балдаев приводит рассказ Р. Эрдынеева, записанный им в мае 1944 г., о переходе семьи Напрая в Забайкалье. История начинается с того, что два старших брата Напрая ушли на охоту на южный Байкал и не вернулись. Их имена рассказчик не назвал. По совету шаманки Напрай женился на 18-летней девице. От второго брака родились два сына – Дарби и Андаг. После того как Напрай умер, родственники хотели присвоить его имущество себе, тогда вдова Напрая, забрав своих, ушла зимой по льду Байкала. Старшему, Дарби, исполнилось 12 лет, младшему, Андагу, было 6 лет [Там же, с. 508]. Как и в других рассказах о переходе, говорится, что вещи они навьючили на пёструю корову. Они поселились в Нижней Березовке, затем переехали к горе Ахаян Ундэр, окончательным местом кочевков стала Иволга.

История семьи Напрая, в записи С. П. Балдаева, повторяется в летописи «История народа эхирит-булагатского рода соогол», только здесь имя звучит немного по-другому – Нааярай. Оба сообщения идентичны, кроме имени отца семейства, в летописи есть некоторые подробности, которых нет в записях С. П. Балдаева.

В частности, сообщается, что род соогол жил на левом берегу Лены в местности Атарай. У Бутухая рода соогол было три сына. Два старших сына – Алаг и Абугул – молодыми ушли на южный берег Байкала и остались там. Младший сын Наярай остался с отцом. Эпидемия тифа унесла много жизней, в том числе жену и детей Наярая, в 68 лет он остался один. Он женился во второй раз. У него с молодой женой родились два сына: в 69 лет старший сын Адаг, в 73 года – Дариба. Когда Наярай умер, родственники решили усыновить детей, а её выдать замуж. Тогда женщина (имя её нигде не указано), забрав сыновей, вместе с небольшим стадом ушла на восточный берег Байкала за дядьями и стала жить среди людей рода борсой шоно. Затем они перекочевали на р. Итанца, где пасла скот у богатого русского Кайдалова. В 1772 г. поселилась в местности Удын Шэрэнги, затем в Гильбиру в местность Оер в низовья Баян-гола. Адагу тогда было 13 лет, Дарибе – 9 лет [4, с. 136–137]. Окончательный выбор местожительства летописец указывает на местность Булаг, расположенную на северном берегу Баян-гола.

По подсчётам Г. Н. Румянцева, если одно поколение посчитать 25 лет, то старшие сыновья Бутухая перекочевали в Забайкалье приблизительно в 1670–1680 гг. и расселились здесь. Потомки Алага и Абагула расселились по рекам Гильбира и Баян-гол, а Адаг, сын Наярая, пришёл в Забайкалье около 1720 г., расселившись в Янгажине и по р. Баян-гол [8, с. 143–144]. Из-за слабого развития исторической географии Бурятии в рамках этой статьи сложно указать точное место их кочёвок. Упоминание одного и того же события в двух разных источниках свидетельствует о его достоверности.

Большинство переселенцев ушли в Забайкалье, спасаясь от набегов русских отрядов. Зимой они переходили Байкал, попадали на восточный берег, здесь их враждебно встречали тунгусы, и они были вынуждены идти дальше, таким образом, попадали в долину р. Селенги, где можно было пасти скот. Так, люди бумал-готоволовского рода, жившие в долине р. Куда, бежали на восточный берег Байкала, они поднялись вверх по р. Селенге и попали в долину р. Иволги. Здесь они обнаружили много перебежчиков с рек Ангары и Лены.

Переселенцы постепенно заселили устье реки Селенги, несмотря на протесты тунгусов рода хухэ шулэгут, кочевавших здесь издавна. Осевших здесь бурят стали называть кударинскими, все они прибыли с р. Лены. Прибывшие первыми не смогли остановиться в устье

Селенги из-за тунгусов, но, когда их прибыло достаточно много, они смогли их одолеть и прогнать.

В анонимной летописи селенгинских бурят «Краткая история шести отоков и восьми отцов», написанной между 1886 и 1911 гг., указано, что «на левом берегу Селенги, от Джиды до Тунки, а также на северном побережье Байкала проживали 6 племен бурят-монголов» [6, с. 171–172]. Это были харануты, алагуй, бабай, хурумчи, готол, бумал, предбайкальские роды. Время переселения в Забайкалье и причину летописец не указывает, но, судя по предшествующим событиям, миграцию вызвало появление русских отрядов. При царе Алексее Михайловиче около 1660 г. буряты начали принимать русское подданство: платили ясак и подчинились Иркутскому острогу. «Первые буряты, которые обычно жили по обоим берегам озера Байкал, до 1677 г. находились в юрисдикции Иркутского острога, к ним позднее присоединились роды, пришедшие из Монголии и предводимые родом цонголов. Вместе с шестью родами местных бурят они стали подчиняться канцелярии селенгинского воеводы» [Там же, с. 172].

Шесть родов увеличились до десяти: чикойские харануты, иройские харануты, первый селенгинский харанутский и второй селенгинский харанутский род, первый и второй шоно, ользон, бумал, бабай хурумши и алагуй [Там же].

В это же время на территории Халха-Монголии шла ожесточенная междоусобная война. Результатом стало бегство монголов на север. Как указано в летописи, переселение началось после 1660 г. в связи с нападением олетов на Халху и завершилось в 1696 г. Беженцы присоединились к бурятам и стали пасти скот по обоим берегам Селенги. Появление и вхождение новых кочевников, как пишет летописец, изменило родовую структуру кочующих здесь бывших предбайкальцев. Сначала шесть родов распались на восемь: ашибагаты, цонголы, атаганы, сартулы, хатагины подгородные, ользоны и табангуты. Позднее восемь родов выросли до двенадцати: ашибагаты, цонголы, первый и второй сартульские роды, первый и второй атаганские роды, подгородный, хатагин, олзон, первый и второй табангуты [Там же].

Буряты бежали под натиском русских казаков и служилых людей, но главной причиной, как они отмечают в своих воспоминаниях, стало другое. «За отрядами шли целые орды беглых, гулящих и промышленных людей. У них ничего не было» [1, с. 513]. В боевых действиях они не участвовали, забирали отбитый казаками у бурят скот и этим кормились.

Вполне закономерно, что в XVII в. часть бурят бежала на восток в поисках спокойной жизни. Однако в летописях есть упоминания о миграции предбайкальских бурят в Забайкалье из Халха-Монголии.

Позднее инициатором переселения предбайкальских бурят в Забайкалье выступало государство, о чём красноречиво пишут бурятские летописцы.

Процесс переселения описан в «Истории возникновения шести селенгинских родов» Будажаба Будаева. Точная дата написания летописи неизвестна. Будажаб Будаев происходил из булагатов Иволгинской долины, являлся бывшим главой харанутского рода.

Летописец сообщает, что в 1689 г. наместник Томской губернии Головин пригласил найонов шести родов, сказал им, что монголы, проживающие на южной стороне Байкала, откочевали на юг от р. Селенги, там появилась свободная земля, и предложил перекочевать на южную сторону Байкала к живущим в степи монголо-бурятам. Между Селенгинским и Верхнеудинским острогом были незаселённые земли, просторы, богатые лесами и живностью. «Эхиритским и булагатским тайшам было предложено переселить в район р. Селенги 500 семей» [2, с. 121]. Тайши, посоветовавшись, выразили согласие с предложением наместника. Однако, когда они вернулись домой, оказалось, что соплеменники не хотят покидать родные места. Тайшам, как пишет Б. Будаев, пришлось уговаривать людей, учитывать количество душ в семье и состоятельность. «Начиная с 1704 г. в течение 20 лет продолжалась перекочевка групп семей с той стороны Байкала, и они заселили земли к югу от Верхнеудинска, к югу по реке Селенга, обосновываясь по урочищам до острога Селенгинск» [Там же, с. 121–122].

Следует отметить достоверность времени начала переселения, указанная Б. Будаевым – переселение началось в 1704 г. Это сообщение подтверждается русскими документами. В указе от 88 июля 1710 г. иркутскому воеводе Лариону Синявину говорится, что в 1704 г. часть ашабагатского рода переселилась на Селенгу. В качестве причины шуленга рода Босхол Немнеев указал то, что на старом месте скоту кормиться нечем, появилось много черного зверя и волков, которые стали нападать на стада [Там же, с. 142–143].

О шести западных родах пишет Дашинама Ендонов в летописи «История народа эхирит-булагатского рода согог». Летопись написана в 1910 г. Рукопись хранится ЦВРК. Текст написан на монгольском языке вертикальным письмом на 6 листах с обеих сторон, перевод

и комментарии сделаны Г. Н. Румянцевым. Исследователь летописи Г. Н. Румянцев оценил её скорее как генеалогию, нежели летопись.

Д. Ендонов начинает своё произведение следующими словами: «Да будет благополучие! Краткая история шести родов, имеющих бурят-монгольское происхождение. Алагуя, харнута, олзона, бумала, ашабагата и хурумши (их называют шестью родами)» [4, с. 136]. Указанные шесть родов летом пришли из Предбайкалья в Забайкалье. Все они имели общее происхождение от шаманки Асуйхан. Размножившись, они разделились на булагатов и эхиритов, в знак этого раскололи разветвлённое дерево. Автор пишет о «восьми эхиритах» и «шести булагатах». К булагатам, по мнению автора, относятся такие как: ашабагат, хурамша, алагуй, харанут, олзон, буумал. Однако род олзон относится к эхиритам. К эхиритам относились баяндай, шоно, бабай, готол, абаганут, буян, абазай и сэнгулдэр. Шоно в свою очередь делились на семь подродов: хамнай, согог, босой, тануд, яртага, шибтухэй и хаядул. Г. Н. Румянцев в комментариях пишет, что у Д. Ендонова роды булагат и эхирит спутаны. Так, олзон относится к эхиритам, а не к булагатам, готол – к булагатам. По мнению Г. Н. Румянцева, путаница произошла из-за того, что в древности булагаты и эхириты были едины [Там же, с. 138].

Подрод согог относился к роду шоно. Дашинама Ендонов относит переселение рода согог к 20-м гг. XVIII в., что согласуется с другими источниками [8, с. 143].

Дашинама Ендонов отмечает места переселения булагатов в Иволгинскую долину, по долинам рек Селенга и Хилок, отдельные группы переселились в Закамну. В комментариях к летописи Г. Н. Румянцев отмечает, что в народной памяти сохранились разные сведения о племенах и родах. «В этих различиях мы усматриваем отражение процесса формирования бурятского народа. Происходившие в средневековые частые перемещения отдельных групп населения, принадлежавших к различным родам, приводили к их смешению» [4, с. 138]. Оторвавшись от своего рода, эти группы сближались с кочующими рядом бурятами и постепенно забывали своё прошлое. Поскольку род был податной единицей в России, то это окончательно определило переселенцев в составе нового рода.

К селенгинским летописям относится «Бишыхан (Бичихан) запискэ», составленная по просьбе О. М. Ковалевского, представляет свод летописей селенгинских родов. Авторы (Ниндак Вампилов, Юмдаши Буянтуев, Ешидоржи Галсанов, Банзаракца Гениндашиев, Цэдэб Гэсэров, Ринчин-Чойдар Замбалаев,

Дугаржаб Линхобоев, Дамби-Жалсан Ломбо-цыренов, Цыбен Норбоев) написали летопись в 1833 г. Каждый автор писал о своём роде. Летописцы описывают переход ряда монгольских родов в подданство России и переселение части булагатских и эхиритских родов в Забайкалье, но основное внимание уделяют административным должностям бывших переселенцев, указывая их имена. Раздел «Западные роды. История шаманки Асуйхан. 1832 г.» начинается с истории прародительницы шаманки Асуйхан, которая воспитала трёх братьев: старшего Булагада, среднего Хоридая и младшего Эхирида. В этой летописи писано появление подрода Бабай Хурамша. «Говорят, в далекие времена между этими родами случился конфликт, который был улажен двумя представителями группы населения аймака Булагад и аймака Эхирид. По решению старейшин эту группу стали называть родом Бабай Хурамша» [3, с. 155]. Далее летописец сообщает, что некоторые представители родов Булагата и Эхирита переселились в долины рек Худай (Куда) и Унга. Из этих мест несколько десятков семей откочевали на южный берег Байкала – в Забайкалье. Как указывает летописец, это случилось не более 200 лет и не более 160 лет назад. Если летопись написана в 1833 г., то дату перекочёвки можно определить как 1633–1673 гг., период присоединения бурятских земель к России. Далее летописец сообщает, что перекочёвки продолжались и позднее. Переселенцы на новых землях находились в постоянном движении, в поисках богатых пастбищ.

Летопись «История селенгинских монгол-бурят», написанная Дамби-Жалсаном Ломбоцэреновым в 1868 г., описывает историю селенгинских бурят, в ней нет прямых указаний на миграцию предбайкальских бурят в Забайкалье. Летописец пишет, что среди прихожан Хулнорского, Дырестуйского дацанов и дацана в Аце было много потомков шести сыновей Булагата [7, с. 105].

В летописях описано административное деление и численный состав селенгинских бурят, бывших предбайкальцев. Так, Б. Будаев в летописи «История возникновения шести селенгинских родов» приводит статистические сведения. Когда на западном берегу реки Темник открыли контору управления 18 отоков, которая провела среди них административную перепись. Тайша Ломбо-Цэрэн Туртуев разделил население на десятки, которые были объединены в отоки-роды.

Род харанутов состоял из 7 десятков:

Булагаты – иволгинские шаралдай-харануты, дунда (средние) харануты, загустайские харануты.

Доодо (нижние) оронгойские шаралдай-харануты.

Эхириты – Иволгинская десятка бабай-хурамша, селенгинская десятка хурамша, жаргалантуйская десятка хурамша – они эхириты.

К эхиритам относятся олзоны, баяндай и хэнгэлдэры.

Десятка олзоны дээдэ (Верхнего) Оронгоя. Десятка загустайские олзоны.

Булагатские бумалы и присоединившиеся к ним эхиритские готолы, иволгинская десятка бумал-готоволов и ангинская десятка бумал-готоволов составили один оток.

1-й селенгинский харанутский оток, 2-й селенгинский енхорский харанутский оток, 3-й иройский харанутский оток, 4-й чикойский харанутский оток – булагатского происхождения, живут во многих местах [2, с. 124].

В летописи «История шести отоков и восьми отцов» приведена численность населения Селенгинского ведомства – 30 447 чел.

Из них семь родов Булагаты (4024 чел.):

1. Ашибагаты – 1 014 чел.
 2. Чикойско-харанутский – 253 чел.
 3. Иройско-харанутский – 428 чел.
 4. Первый харанутский род – 1 115 чел.
 5. Второй селенгинско-харанутский род – 285 чел.
 6. Алагуевский род – 268 чел.
 7. Бумал-готольский род – 661 чел.
- Четыре рода Эхириты (1 259 чел.):
1. Олзонский род – 350 чел.
 2. Первый шоносский род – 481 чел.
 3. Второй шоносский род – 278 чел.
 4. Бабай-хурамшинский род – 150 чел.

Итого булагатов и эхиритов: 5 283 чел. Численность переселенцев вместе с 6 819 чел., прибывшими из Монголии 12 102 чел. из них 43,6 % – предбайкальские буряты [6, с. 176].

Таким образом, в воспоминаниях знатоков старины по поводу причин переселения наблюдается повторяющаяся информация: пришли русские отряды, собрали пожитки, перешли по льду Байкала, расселились в долине р. Селенги. В материалах С. П. Балдаева указано место прежнего расселения – Лена и её притоки. У Булагатов, кочевавших по Ангаре и её притокам, такие воспоминания не сохранились.

В летописях, хотя немного, но всё же есть упоминания о перекочёвке в ходе присоединения Бурятии к России. Миграции бурят, организованные российским государством, связаны с заселением пустопорожних земель в Забайкалье. Большинство русских крестьян селилось в Предбайкалье, земельное стеснение ограни-

чивало ведение кочевого скотоводства, поэтому администрация прилагала немалые усилия для переселения бурят на восток.

Не все булагатские и эхиритские роды переселились в Забайкалье. Мигрировали булагаты: харануты, готолы, шаралдай, алагуй, ашабагаты; эхириты: абзай, баендай, олзон, шоно, хурамша, хэнгэлдэр, хайталов, цэгэнов, сэгэнут. Во всех летописях говорится о шести булагатских и восьми эхиритских родах, переселившихся в Забайкалье.

Материалы С. П. Балдаева и летописи указывают места расселения булагатов и эхи-

ритов после присоединения Бурятии к России. От Верхнеудинска по рекам Селенга, Иволга, Оронгой, Темник и Баян-гол.

Сообщения летописей подтверждаются русскими документами. Следует отметить, что более поздние переселенцы появились в Забайкалье в местах, где уже кочевали их родичи. В летописях указано о смешении переселенцев по территориальному признаку. В смешении участвовали не только предбайкальские роды, но и роды, вышедшие из Монголии. Хотя за ними оставалось название рода, но к XIX в. соединение завершилось.

Список литературы

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 720 с.
2. Будаев Б. История возникновения шести селенгинских родов // Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. С. 121–125.
3. Бишихан (бичихан) запискэ / Н. Вампилов, Ю. Буянтуев [и др.] // Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. С. 139–164.
4. Ендонов Д. История народа эхирит-булагатского рода соогол // Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. С. 136–138.
5. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
6. Краткая история шести отоков и восьми отцов // Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. С. 171–185.
7. Ломбоцьеренов Д.-Ж. История селенгинских монгол-бурят // Бурятские летописи / сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ: НоваПринт, 2022. С. 96–170.
8. Румянцев Г. Н. Летопись рода соогол селенгинских бурят-монголов: сб. тр. по филологии. Улан-Удэ: Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1949. Вып. 2. С. 133–175.

Сведения об авторе

Санжиева Т. Е. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Институт истории и филологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия, sanj_te@mail.ru

Sanzhieva T. E. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Institute of History and Philology, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, sanj_te@mail.ru

.....

УДК 908:929

Евгений Чебаевский – исследователь Сибирских недр

Алексей Владимирович Мясников¹, Галина Васильевна Мясникова²

¹Издательство «Вокруг света», г. Москва, Россия

²Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

¹avmyasnikov@mail.ru, ²chita131957@yandex.ru,

В статье на основе архивных материалов описываются основные вехи жизни видного горного инженера Евгения Гавриловича Чебаевского. Основное внимание уделено его жизни и геологическим исследованиям в Сибири. Показана его связь с представителями интеллигенции – поэтом Ф. И. Бальдауфом и декабристом С. Г. Волконским.

Ключевые слова: Е. Г. Чебаевский, Нерчинские горные заводы, Сибирь, Ф. И. Бальдауф, С. Г. Волконский

Evgeny Chebaevsky – Researcher of the Siberian Subsoil

Alexey V. Myasnikov¹, Galina V. Myasnikova²

¹Publishing House “Vokrug Sveta”, Russia, Moscow

²Transbaikal State University, Russia, Chita

¹avmyasnikov@mail.ru, ²chita131957@yandex.ru

Based on archival materials, the article describes the main milestones in the life of a prominent mining engineer Yevgeny Gavrilovich Chebaevsky. The main attention is paid to his life and geological research in Siberia. His connection with representatives of the intelligentsia – the poet F. I. Baldauf and the Decembrist S. G. Volkonsky is shown.

Keywords: E. G. Chebaevsky, Nerchinsk Mining Plants, Siberia, F. I. Baldauf, S. G. Volkonsky

20 января 1790 г. в семье Нерчинско-заводского обер-офицера Гавриила Чебаевского родился сын. Мальчика назвали Евгением. Он был третьим ребёнком в семье (до него у супругов Чебаевских было два сына – Прокопий 1777 г. р. и Иван 1785 г. р.). Спустя три года в семье родился ещё один сын – Семён.

Гавриил Чебаевский, начавший горную службу плавильным учеником и благодаря собственному труду поднимавшийся по карьерной лестнице, стремился дать детям хорошее образование. В 1803 г. он отправил Евгения в Петербургское горное училище – старейшее высшее техническое учебное заведение в России. В 1804 г. в нём начались преобразования, и оно стало называться Горным кадетским корпусом.

Кадеты изучали физику, астрономию, химию, механику, иностранные языки, танцы и фехтование. Особое внимание уделялось геогнозии, горному и маркшейдерскому искусству. Преподавателем горного искусства был уроженец Нерчинского завода Стефан Якимович Бояркин.

Спустя много лет Евгений Чебаевский охарактеризует годы учёбы как «переход от родительского очага к жизни общественной и от детской научности к существенным познаниям и образованию ума и сердца». По его признанию, корпус дал «твердое основание для умственной жизни и для поучительного безукоризненного существования» [11, с. 165, 166].

В 1810 г. пришло время покидать Северную Пальмиру и ехать на службу в чине шихтмейстера в родной Нерчинский Завод. Возвращение на родину заняло почти два года, так как Кабинет его Императорского Величества приказал молодому специалисту осмотреть Колыванские заводы и сделать «надлежащие познаниям» замечания [4, л. 518].

В Нерчинском Заводе прибывшего шихтмейстера сразу определили «к разным порученностям», а через некоторое время доверили ему управление главной лабораторией.

В 1813 г. начальник заводов Я. А. Рычков поручил Чебаевскому провести разведку месторождений соли в окрестностях Борзинского озера, которое было основным источником соли в крае.

13 августа 1813 г. Е. Г. Чебаевский приехал на Дабасу-Пор и первым делом осмотрел окрестности водоёма. Тогда в полевом журнале появилась запись: «Страна сия, в коей кроме соленого озера находится довольно число и других озёр; состоит большею частью из пород намытых и весьма разрушенных как то: песку, хрящу и различного рода глин. Некоторые только возвышеннейшие и более обнаженные места сказанных холмов состоят из глинистого сланца, вакки, траппа и кварцоватого известкового камня, большею частью разрушившихся, простирающихся в большую глубину и служащих основанием для сказанных намытых гор. На сих более первобытных породах расположены в большом количестве разного виду песок с мелкими валунами, спускающимися в низкие места и покрывающими в сих последних разные роды глин, сии же служат днищем всем озерам будучи несколько прикрыты наносным песком» [2, л. 41 об.]. Результаты осмотра явно не воодушевили исследователя. В рапорте Я. А. Рычкову он доложил, что окрестности озера «по свойству своему и по наружности не оказывают никаких почти явственных признаков к содержанию в оных каменной соли», но от продолжения изысканий не отказался [Там же, л. 34 об.]. За месяц им было сделано восемь шурфов и четыре буровых углубления по окружности озера. Работа давалась с большим трудом, о чём красноречиво свидетельствуют документы. В упомянутом уже рапорте есть строчки: «По прибытии же команды делал в соответствующих к нахождению каменной соли местах испытания земляным буром; но встречающийся в малой глубине и идущий весьма глубоко сыпучий песок и потом притекающая пресная вода, делая размывы и осыпания, не

позволяет углубляться более 3 сажень; сверх сего многие части бурового снаряда, будучи сделаны из хрупкого железа, переломились» [2, л. 34]. Поиски продолжались при помощи обыкновенных лопат даже тогда, когда буровой снаряд окончательно вышел из строя, и прекратились с наступлением сентябрьских заморозков.

Описывая Борзинское озеро, исследователь изложил интересные сведения об образовании на нём соли: «В зимнее время Борзинское соляное озеро покрывается льдом и до оттепели, т. е. до февраля или до марта, никаких явлений на нем не замечается: суровость даурского климата оцепеняет все. Сколько бы ни изобилён был снег, но по открытии места он разносится ветрами, а песчаная почва при малейшем действии солнечной теплоты уничтожает и остальную часть его, и потому окрестности озера еще более представляют унылую степь. В конце февраля или в начале марта месяца в разных местах озера ближе к середине его начинают возвышаться небольшие ледяные бугры. При наступлении весны бугры эти разрываются, и из них истекает в озеро рассол, некогда они были постоянно на одном месте, как видно и теперь из оставшихся и теперь не извергающих уже рассола, но теперь подобные бугры образуются в разных местах. Далее, когда начинают бить ключи во многих местах озера, открываются родники, из которых некоторые выдают рассол; другие же, напротив, доставляют одну пресную воду. Этими источниками наполняется Борзинское соляное озеро, и жителями замечено, что чем более будет образовываться на озере бугров, тем изобильнее будет рассол... При постепенном уменьшении, таким образом, рассола сперва оседают серно-кислый и углекислый натр и серно-кислая магнезия и образуют на дне озера слой, называемый черепом; затем рассол, очищаясь мало-помалу и выделяя из себя излишнюю воду, достигает той степени густоты, при которой образуется уже поваренная соль, при этом случае сначала показывается на растворе тончайшая плёнка этой соли (набойка), потом, когда объём этой набойки, следовательно, и тяжесть увеличится, она упадет на череп, и тогда атомы соли, соединяясь, образуют чистую кристаллическую поваренную соль. Толщина осевшей соли весьма редко достигает половины вершка.

Образование черепа не всегда бывает прежде оседания поваренной соли и не есть непременно условие к образованию последней» [Там же, л. 43].

К полевому журналу Е. Г. Чебаевский приложил «Примечание о происхождении садки

поваренной соли в Борзинском озере». Здесь он попытался объяснить сущность наблюдавшихся на Дабасу-Поре явлений. Так, в самом начале «Примечания» ежегодно образующийся череп был назван им «несовершенной минеральной щелочностью». Далее приводилось мнение местных жителей о том, что соль «сидится единственно в тот год, когда в последние зимние месяцы в озере поднимаются бугры и пробивают соляные ключи» [Там же]. «Сие замечание доводит к тому вероятному положению, – рассуждал Е. Г. Чебаевский, – что сидящая в озере соль накапливается в оное подземными соляными рассолами и имеет источником какое ни есть соляное месторождение или скопище, распространяющееся под самым озером в значущей глубине, и, вероятно, толстая масса глины покрывает оное, достигнуть же до оною от притекающей воды весьма трудно» [Там же]. Его догадки опирались не только на сведения, полученные от местных жителей, но и на результаты специальных исследований. Во время бурения, у самой кромки озера, в скважину притекала пресная вода, между тем как сам водоём был соленым. А это, по мнению Е. Г. Чебаевского, доказывало, что «притекающие подземные воды сквозь песок и глину не приносят в озеро соляных частей, а оные доставляются из глубины под самым озером» [Там же, л. 44].

Некоторое время среди местных горных специалистов такая версия признавалась убедительной. Одним из первых усомнился в ней начальник Нерчинских заводов Т. С. Бурнашев, обративший внимание на то, что Борзинское озеро представляет собой «нижайший пункт» по отношению к своим окрестностям. Иначе говоря, находится в котловине, очень удобной для стока подземных вод, которые могут приносить соляные частицы издалека. «А что в прорезах битых тем чиновником (Чебаевским – А. М., Г. М.) показывалась пресная вода, – писал Бурнашев, – то сие могло происходить от того, что они биты были в некоторых токмо местах выше поверхности озера. А по сим обстоятельствам и нельзя решительно определить тот тракт, в котором находится месторождение поваренной соли» [Там же]. Дальнейшие исследования покажут, что Бурнашев был прав, но это ничуть не умаляет ценности труда Чебаевского.

После командировки на озеро Евгений Гаврилович вернулся к своим делам по управлению лабораторией. Через два года получил чин берггешворена. Затем управлял Газимуро-воскресенскими рудниками.

В декабре 1817 г. министр финансов Д. А. Гурьев сообщил начальнику Нерчинских

заводов С. А. Аистову, что в Иркутском уезде в семи верстах от Зиминской слободы открыты жилы «чистого самородного купороса», и приказал командировать к новому месторождению «из служащих по Нерчинским заводам сведущего и опытного чиновника, предписав ему посредством разведочных работ испытать и определить простирание и богатство купоросных жил» [3, л. 1098]. Кроме разведки месторождения купороса, требовалось описать его окрестности, выяснить, возможно ли судоходство в низовьях р. Оки, подыскать место для строительства кварцево-купоросного завода, а также выполнить ещё целый ряд предписаний.

С. А. Аистов для выполнения столь важного и ответственного задания выбрал Е. Г. Чебаевского, который, получив от начальства инструкции, отправился в новое путешествие. 30 апреля 1818 г. он со своей командой из шести опытных рабочих приехал в Зиминскую слободу. Однако сильный ледоход на р. Оке не дал ему продолжить путь и задержал начало исследований.

6 мая был проведён осмотр месторождения. Оно, как следует из его рапортов, находилось на правом берегу Оки, в горе Белой. Крутой, постоянно осыпающийся склон Белой горы, на котором выделялась чёрная полоса, угрожающе спускался прямо в реку, что обещало сделать разведку очень трудной и опасной.

Дальнейшие работы показали, что месторождение бесперспективно. В письме Я. А. Рычкову Чебаевский с сожалением сообщал об этом. «Природа не всегда щедро награждает трудящихся, и подземные сокровища ее не всегда открыты для ищущих. Таково для меня и месторождение купороса, которой с поверхности находился по местам слоями в песке в виде самородном видимыми частями, но при производимых разведках оный внутри горы столь скоро и постепенно уменьшился до совершенного уничтожения присутствия его, как из рапортов моих Ваше Высокоблагородие усматривали; ныне же совершенно оный купорос во всех разведках пресекается» [Там же, л. 1156 об.].

Несмотря на очевидную безнадёжность положения, он не прекратил изысканий, размышлял о происхождении купоросных залежей, о строении гор. Ещё в конце мая Евгений Гаврилович обнаружил в десяти верстах от месторождения купороса странную гору, из ущелий которой струился дымок с неприятным запахом горящего угля. Местное население окрестило её Горелой сопкой. У её подножия попадались куски каменного угля.

Исследователь полагал, что внутри сопки происходит подземный пожар. Аналогичное явление, по его мнению, привело к образованию купороса, о чём было подробно изложено в отчёте: «Так как отмытая водою довольно высокая гора есть, видимо, остаток или продолжение от других гор в западной стороне, кои в продолжении может быть уже нескольких десятков столетий были от наводнений, водяных прорывов и сильного стремления воды смыты; что доказывается всею низменною странною на противном берегу реки Оки... В сей то западной стороне разрушенные и смытые горы, будучи в соединении с нынешним остатком купорососодержащей горы, должны, я думаю, содержать в себе какой ни есть хотя не вулкан, но подземный пожар, происходящий от горения пластов горючих веществ... но только в оном может быть находились кроме каменного угля колчеданы или другие содержащие серу тела, которая при горении, превратясь в серную кислоту, распространилась в окружности в виде пару и, находя в оных способные к соединению своему тела, действовала по законам природою ей данным и образовывала с оными разные соединения как то: с известью – гипс, железною окисью – купорос, растительные части обратила в каменный уголь. Сему то действию я приписываю и происхождение видимых частей купороса в месторождении» [Там же, л. 1174].

Департамент горных и соляных дел, высоко оценив эти исследования, прислал начальнику Нерчинских Заводов уведомление: «Производивший по предписанию г. Министра финансов разведки купоросного месторождения в Иркутской губернии при реке Оке гиттенфервалтер Чебаевский вследствие представления Директора департамента горных и соляных дел произведен, как известно уже вашему Высокоблагородию из предписания кабинета Его императорского Величества, в маркшейдеры 9 класса, чин сей исходатайствован Чебаевскому Директором Департамента горных и соляных дел, несмотря на последствия разведок ожиданиям не соответствовавшая, потому что успех разведок не зависит от горного офицера; что г. Чебаевский возложенную на него обязанность выполнил с усердием и деятельностью и сделал подробное описание местам, кои им были обозреваемы; что как приближенный к Нерчинским заводам край во все не разыскан; и следственно в оном могут открываться прииски, достойные разведок и изыскания; то чиновники, имея в виду, что труд и усердие ни в каком случае не остаются без награды, будут с большей охотою стремиться к выполнению делаемых им поручений» [Там же, л. 1194].

В дальнейшем Е. Г. Чебаевский управлял рудниками Кадаинской дистанции, Кутомарским и Екатерининским заводами. В сентябре 1825 г. крестьянин Газимурской волости Иван Трифанов принёс ему несколько кусков «железистых затверделых охр» и рассказал, что нашёл их в десяти верстах от деревни Донинской, горе между падыми Щербеем и Шивеей. Служащие горнозаводской лаборатории выяснили, что в тех образцах содержалось большое количество свинца и серебра. 26 сентября, в день Св. Иоанна Богослова, на месте, показанном Трифановым, рабочие забили три шурфа. Так был открыт рудник, названный по предложению Чебаевского Богословским [5, л. 532, 533].

Крестьяне деревни Донинской, узнав, что их односельчанин Иван Трифанов имеет отношение к открытию серебряно-свинцовых руд, начали притеснять его. Очевидно, они опасались, что разработка нового месторождения повлечёт за собой ухудшение их собственного положения. Евгений Гаврилович попросил начальника заводов разобраться с ситуацией и прекратить несправедливые гонения на первооткрывателя богословских руд. Ему вообще было свойственно вставать на сторону угнетённых, помогать людям, отстаивать интересы сослуживцев и товарищей перед начальством.

В 1828 г. Е. Г. Чебаевский стал членом Нерчинской горной экспедиции. На этой должности он занимался организацией поисков полезных ископаемых, руководил работой рудоискательных партий. В 1829 г. временно исполнял обязанности начальника Нерчинских заводов, а через год изучал состояние плавильного дела на них. Уделял особое внимание поискам золотоносных песков, составлял альбомы чертежей главных рудников Нерчинского округа.

Одновременно Евгений Гаврилович работал инспектором Нерчинского горного училища и частных школ. Учитывая опыт учебных учреждений на Алтае, он составил положение об учебных заведениях Нерчинских заводов, предложил разделить процесс обучения на пять классов: в первых четырёх изучались «общие» дисциплины, а пятый предназначался для изучения языков некоторых специальностей. Обучавшиеся в горном училище дети заводских офицеров готовились к поступлению в Горный кадетский корпус. Ребятышки заводских служащих после обучения могли поступить в канцелярскую или заводскую службу [7, с. 98].

Чебаевский руководил горным образованием края семь лет. За это время ему удалось сделать обучение более эффективным. Многие выпускники училища пополнили ряды

горнозаводских специалистов. Самые успешные из них продолжали обучение в высших учебных заведениях. Тем не менее к середине 30-х гг. XIX столетия в Нерчинском горном училище не хватало квалифицированных учителей, ученики из бедных семей жили почти впроголодь. Чебаевский обращал внимание начальства на возникшие проблемы, требовал улучшить материальную базу училища. В частности, добивался выделения отдельных помещений для минералогического, химического, физического кабинетов, библиотеки. За успехи на поприще образования он был награждён орденом Св. Станислава III степени.

В течение этого времени он сблизился с поэтом и горным инженером Федором Ивановичем Бальдауфом, который преподавал в горном училище грамматику, географию и историю. Несмотря на разницу в возрасте в десять лет, у них было много общего: они с интересом изучали местную природу, старались передать свои знания другим.

Как известно, в жизни Бальдауфа было много несчастий: внезапный и трагический уход из жизни отца, смерть брата, разлука с возлюбленной, ложные доносы подчинённых. Товарищи защищали стихотворца от нападок, старались оградить от неприятностей, оказывали ему моральную поддержку. Впоследствии Бальдауф писал Чебаевскому: «Вы удержали меня над пропастью... Я обязан вам тем, что служу еще моему Государю по мере сил моих; что не могла сделать взыскательная строгость, то может сделать Ваше редкое человеколюбие».

Бальдауф очень хорошо знал семью Е. Г. Чебаевского. Его супруга Екатерина Христиановна была дочерью уважаемого горного офицера Христиана фон Фитингофа. Кроме того, Екатерина Чебаевская приходилась сестрой коллеге и товарищу Бальдауфа Александру фон Фитингову. Сын Евгения Гавриловича Александр учился в Нерчинском горном училище, после окончания Горного кадетского корпуса был напарником Бальдауфа на Борзинском соляном промысле.

В 1834 г. в семье Чебаевских случилось горе: умерла дочь Анна. Судьба распорядилась так, что почти одновременно глава семьи был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени. Бальдауф находился тогда на Борзинском озере и, узнав о несчастье, написал Чебаевскому следующие строки:

Пускай теперь нелестливый голос мой,
К Вам с голосом приверженных несется...
Но ах, зачем среди радости самой, –
И скорбная слеза печали льется.

Стоит упомянуть, что в 1839 г. у Чебаевского родилась дочь, которую так же назвали Анной. Позже она вышла замуж за горного офицера Виктора Алексеевича Бабина [1].

Весьма примечательной представляется связь Чебаевского ещё с одним видным представителем интеллигенции, декабристом Сергеем Григорьевичем Волконским. Нам неизвестно, при каких обстоятельствах они познакомились. Но очевидно, что их объединяли интересы к проблемам морали, улучшения условий содержания ссыльных. Об этом свидетельствует письмо Волконского к Чебаевскому, отправленное из Петровского Завода в 1836 г.: «Милостивый государь, Евгений Гаврилович!

Посылаю вам творение, о котором я вам говорил. Прошу вас принять оное в память моего к вам уважения.

В течение вашей службы, имея случаи обращать особенное внимание на быт ссыльных, вы усматривали, по сродным вам благородным чувствам, необходимость вносить некоторого рода облегчение в их положении. В книге сей вы найдете описание всех исправительных тюрем просвещенного мира и проект человека, посвятившего жизнь на пользу ближнему. Из оной же усмотрите опыты, приведенные в действие для перерождения часто закоснелого преступника в мирного и полезного гражданина. Всякий край имеет свойственный ему характер политического и нравственного быта – трудно нашу Россию и в особенности Сибирь подводить под общие выводы – но вы, милостивый государь, при степени вашей образованности, усмотрите, что можно из испытанных начал применить к обстоятельствам и положению здешнего края.

Благое дело имеет всегда успех, иногда поздний, но неминуемый; поверьте, что я буду счастлив, если книга сия будет найдена вами полезною в применении и доставит случай напомнить иногда вам и искренне вас уважающего и готового к услугам вашим Сергея Волконского» [10, с. 443–444].

Очевидно, Волконский надеялся, что усилия Чебаевского помогут смягчить режим в тюрьмах Нерчинской каторги. Вполне вероятно, что Евгений Гаврилович общался и с другими декабристами.

В 1835 г. на Нерчинских заводах ощущался дефицит запасов руд, предназначенных для плавки на следующий год. Причём в запасах, хранившихся при заводах и составлявших 3 314 тыс. пудов (менее половины годовой расплавки), преобладали тугоплавкие руды. Чебаевский составил доклад, в котором обозначил главную причину возникшей проблемы: «До настоящего времени общая годовая добыча руд

при рудниках всегда превосходила препорцию годовой расплавки их при заводах; между тем для усиления расплавки руд и выплавки металлов руды легкоплавкие и богатые перевозились в заводы и расплавлялись по мере добычи почти без остатку, напротив того перевозка и расплавка убогих и трудноплавких и частью среднеплавких и сухих руд происходили всегда в меньшем количестве против добычи их при рудниках. Сие обстоятельство и недостаточное обогащение и сокращение руд при рудниках сортировкой и прочими средствами было единственною причиною невыгодного состояния наличности руд» [6, л. 140, 140 об.].

Он предупредил о том, что в данной ситуации очень сложно будет избежать затруднений в плавильном процессе и не нанести ущерб казённым интересам. В качестве выхода из наметившегося кризиса предложил увеличить в 1836 г. пропорцию расплавки тугоплавких руд и употреблять для этого обогащённые руды. «Легкоплавких же руд полагать в расплавку в той пропорции, которая необходима для флюсования первых и поддержания годового и мешения шихты, по крайней мере, на средней степени плавкости» [Там же, л. 144].

Эта мера, как подчёркивал Е. Г. Чебаевский, должна быть временной. Администрация заводов, чтобы более не прибегать к ним, по его мнению, должна была обратить внимание на содержание в исправности и улучшение воздухоудных машин при плавильных печах, улучшение конструкций самих печей, проведение опытов с различными составами шихты. Для лучшего снабжения заводов рудой требовалось быстро предпринять следующие меры: максимально задействовать в перевозке руд приписных к заводам крестьян, приглашать в рудовозы «наличных» (т. е. временно не занятых) мастеровых и рабочих, нанимать вольных извозчиков [Там же, л. 145].

Вскоре после этого доклада Чебаевский был переведён на службу на Урал. Там он стал начальником Екатеринбургских горных заводов и почётным смотрителем Екатеринбургского горного училища, в 1837 г. получил чин полковника.

В 1839 г. в Екатеринбурге он встретил своего товарища Ф. И. Бальдауфа, ехавшего из Забайкалья в Петербург. Это была их последняя встреча. Федор Иванович в дороге ослаб от чахотки и попал в Екатеринбургский госпиталь, где и скончался 21 марта. Донесение в столицу о преждевременной кончине сибирского поэта направил Чебаевский [9, с. 122].

Его дальнейшая служба складывалась очень удачно. В 1845 г. Евгений Гаврилович

был назначен помощником Главного начальника Уральских горных заводов. В 1849 г. служил берг-инспектором в Москве. Дослужился до генерал-лейтенанта, в 1864 г. вышел в отставку.

В 1873 г. радостно воспринял известие о 100-летнем юбилее Горного института (бывшего Горного кадетского корпуса), в сборнике, посвященном знаменательной дате, опубликовал воспоминания о Бальдауфе и учёбе в корпусе. На приглашение принять участие в торжествах вежливо ответил: «С глубоким душев-

ным впечатлением и признательностью принял я Ваше предложение, но, к сожалению моему, обстоятельства, от меня не зависящая, не позволяют мне исполнить оное: закон природы неизбежен – старость, дряхлость и недуги ослабляют чувства и силы мои во всем организме и не позволяют мне выходить из Московского моего жилища. Надеюсь, ко мне будут добродушно снисходительны» [8, с. 104]. Умер Евгений Гаврилович Чебаевский 30 июня 1874 г. в Москве.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 479.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 543.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 662.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 874.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 923.
6. Гаврила Алексеевич Чебаевский (1743–1820). Текст: электронный // LIVEJOURNAL. URL: <https://fagocar.livejournal.com/9602.html> (дата обращения: 20.09.2023).
7. Константинова Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье. Новосибирск: Наука, 2010. 168 с.
8. Описание празднования столетнего юбилея Горного Института. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1874. 299 с.
9. Петряев Е. Д. Впереди – огни. Чита: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 327 с.
10. Письмо декабриста С. Г. Волконского Е. Г. Чебаевскому // Русская старина. 1893. Т. 80. С. 443–444.
11. Чебаевский Е. Г. Извлечение из моих записок о том времени, в которое произведена была правительством реформа и переименование Горного училища в Горный кадетский корпус // Воспоминания бывших питомцев Горного института. СПб.: [б. и.], 1873. С. 165–171.

Сведения об авторах

Мясников А. В. – краевед, корреспондент издательства «Вокруг света», г. Москва, Россия, avmyasnikov@mail.ru

Myasnikov A. V. – Correspondent of the Publishing House “Vokrug sveta”, Moscow, Russia, avmyasnikov@mail.ru

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

.....

УДК 908:343.813(571.55)

Проблемы организации труда ссыльнокаторжных на рудниках и промыслах в Забайкалье во второй половине XIX века

Анна Владимировна Волочаева

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Rossav1@yandex.ru

Во второй половине XIX в. каторга в Забайкалье была основным местом отбывания наказания ссылкой в каторжные работы. На рудниках и промыслах Нерчинского горного округа, а также на приисках частных лиц трудились политические и уголовные преступники. Проблемы организации каторжного труда, его экономическая и пенитенциарная эффективность на протяжении длительного времени исследовались историками, правоведами, экономистами и неоднократно

обсуждались на страницах различных изданий и конференций всероссийского уровня. На данном этапе развития общественных наук эти же проблемы остаются актуальными.

Ключевые слова: история Российской империи, ссылка в каторжные работы, каторга в Забайкалье, Нерчинская каторга, разряды ссыльнокаторжных, каторжные рудничные работы, каторжные работы на промыслах, кабинет Е. И. В., частные золотые промыслы

Problems of Labor Organization of Exiled Convicts in Mines and Fields in Transbaikalia in the Second Half of the XIX Century

Anna V. Volochaeva

Transbaikal State University, Chita, Russia

Rossav1@yandex.ru

In the second half of the XIX century, penal servitude in Transbaikalia was the main place of serving a sentence by exile to hard labor. Political and criminal criminals worked in the mines and fields of the Nerchinsk mining District, as well as in the mines of private individuals. The problems of the organization of hard labor, its economic and penitentiary effectiveness have been studied for a long time by historians, jurists, economists and have been repeatedly discussed on the pages of various publications and conferences of the all-Russian level. At this stage of the development of social sciences, these same problems also remain relevant.

Keywords: History of the Russian Empire, Exile to Hard Labor, Penal Servitude in Transbaikalia, Nerchinsk Penal Servitude, Categories of Exiled Convicts, Hard Mine Work, Hard Labor in the Fields, H. I. M. Cabinet, Private Gold Crafts

Каторжные работы были важным видом наказания в XIX в. Основным местом его отбывания в изучаемое время стала Нерчинская каторга в Забайкалье. Преступники размещались по тюрьмам каторги в местах расположения рудничной промышленности – серебросвинцовые рудники и золотоносные промыслы Нерчинского горного округа Его Императорского Величества (далее – Е. И. В.). Изучением данной тематики занимались историки, правоведы, экономисты разного времени и регионов страны, в том числе и местные краеведы. В работах исследователей представлены различные проблемы, такие как организация принудительного труда и его особенности в Забайкалье, эффективность каторги в экономическом и в пенитенциарном аспектах, роль каторги в освоении региона (как Забайкальского, так и всей Сибири) и др. Данная проблематика актуальна и в современных исследованиях учёных [22; 33–35 и др.].

В данной статье представлены основные проблемы и особенности организации каторжных работ в Забайкалье на примере рудничных и промысловых работ, проблемы соблюдения каторжного режима при их выполнении и результаты отдельных районов каторги по данной деятельности.

Основной и важной частью ссылки в каторжные работы как вида наказания был обязательный тяжкий труд. Поэтому государственной властью предполагалось его отбывание в самых сложных местах, подконтрольных Ка-

бинету Е. И. В., там, где также не хватало рабочих рук. Таким местом и стала Нерчинская каторга. Все преступники, пребывавшие сюда (политические и уголовные), подлежали обязательному применению их в работы. Но, пока не появилось в 1845 г. Уложение о наказаниях, условия труда и виды каторжных работ особо не различались, каторжные по местам каторги распределялись по степени надобности. В середине 1850-х гг., в условиях начала разработки общих проектов реформирования страны, обсуждался вопрос о преобразовании системы каторги. Поэтому появилось известное всем исследователям Уложение о наказаниях 1845 г., а позже и Устав о ссыльных 1857 г. Согласно данным документам ссыльнокаторжные были разделены по разрядам в соответствии со степенью сложности работ. Так самым тяжким трудом был определён труд на рудничных работах, на втором месте были работы в крепостях, на третьем – на заводах [13, л. 173 об., 174; 31, с. 81]. Если положение 1845 г. не учитывало сложности, с которыми могло столкнуться местное начальство в связи периодическими остановками в работе рудников, их исчерпанием и др., то в документе 1857 г. уже предполагалось временное назначение преступников в другие разряды при сокращении работ. Например, при сложности организации рудничных работ ссыльнокаторжные могли трудиться на заводах, но предполагался только самый тяжкий труд – например, съёмка торфов и др.

В Забайкалье на каторгу отправлялись самые опасные преступники (уголовные и политические), относящиеся к I разряду. Американский журналист Дж. Кеннан в своей работе дал подробное описание местности Нерчинского округа и тюрем каторги. Одной из особенностей каторги здесь было то, что рудники и тюрьмы были разбросаны на тысячи квадратных миль по безлюдной местности [21, с. 197]. Всего на момент работы комиссии в 1852–1853 гг. известно 505 рудников (реально же разрабатывались всего 9). Для каторжных III разряда в Забайкалье действовал Петровский железоделательный завод, Кутомарский сереброплавильный завод.

В исследуемое время началось истощение запасов руд. Неоднократно во второй половине XIX в. собирались комиссии для анализа возможностей восстановления серебросвинцового производства в Нерчинском округе: 1852–1853 гг. (комиссия Озерского), 1857 г. (Ю. И. Эйхвальд), 1867–1868 гг. (местные горные инженеры), 1881 г. (комиссия М. А. Шестакова), 1882 г. (комиссия Ребиндера [1, с. 12, 13; 17, л. 7; 24, с. 17; 30, л. 24]); также из центральной России с инспекциями приезжали представители тюремного ведомства, чтобы отследить эффективность данного наказания в пенитенциарном его значении (комиссия Власова 1873 г., Галкина-Враского 1881–1882, Дриля 1896 г. и др.) [2; 19; 20]. Фактически все комиссии в своё время постановили, что необходимо продолжать разработку рудников Нерчинского округа (часть нерентабельных предполагалось закрыть), для их восстановления требовалось дополнительное финансирование: на разведку, закупку нового оборудования (паровых машин для откачки воды и др.). Последнее вызывало сложности в Кабинете Е. И. В., что в итоге привело сначала к уменьшению количества каторжан на рудниках, например в 1863 г. по одному человеку находились в Алгачинском и Кадаинском рудниках, в 1864 г. по два человека там же. Поэтому с 1863 г. и до второй половины 70-х гг. можно говорить о том, что наказание ссылкой в каторжные работы на рудниках не действовало вообще, а труд преступников стали активно применять в промысловых работах на Каре [2, с. 19; 13, л. 175]. Фактически впервые произошло отклонение от основной нормы: к категории каторжных работ был приравнен труд заключённых на промыслах. Активно в разработке проектов преобразования каторги участвовала местная власть – генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский (проект о замене рудничных работ на промысловые [15, л. 15]), военный губернатор Забай-

кальской области, позже также генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков (проект о переносе каторги на Алтай [15, л. 6 об.]). Проект Забайкальского военного губернатора, в котором к рудничным работам был отнесён труд на золотых промыслах Кабинета и частных лиц, а также на Петровском заводе, был утверждён в Главном управлении Восточной Сибири (ГУВС) в 1873 г. [27, л. 286 а., 287].

Отдельные шаги в деле сокращения ссыльнокаторжного контингента в Сибири позволили уменьшить их количество и скорректировать привлечение к обязательному труду. Так, в 1869 г. был принят закон, по которому в Забайкалье теперь направлялись только преступники Пермской и Оренбургской губерний, женщины (со всех регионов), мужчины, за которыми следовали их семейства [26, с. 330, 331].

Со второй половины 70-х гг. по ведомостям ссыльнокаторжных начинает наблюдаться рост числа каторжан на рудниках, но только на Алгачинском руднике до 150 чел. (этот максимальный показатель зафиксирован в 1876 г.), а в 1881 г. на Алгачинском и Покровском рудниках суммарный показатель количества преступников составлял в течение года от 169 до 195 чел.; в 1883 (по ведомостям ссыльнокаторжных) – от 232 до 347 чел. [6, л. 14; 8, л. 20 об., 40 об., 60 об., 81 об., 106 об., 136 об., 143 об., 163 об., 180 об., 197 об., 212, 229 об.; 10, л. 2], хотя по отчёту военного губернатора Забайкальской области зафиксировано не менее девяти постоянных мест каторги из рудников (Горно-Зерентуйский, Мальцевский, Савинский, Трёхсвятительский, Кадаинский, Смирновский, Михайловский, Алгачинский, Покровский) и двух временных – Акатуйский и Гречево-Каперский [7, л. 98–99].

Об эффективности труда можно судить также по отчётным документам, которые свидетельствуют о незначительных денежных средствах, по сравнению с промыслами [11, л. 5, 5 об.]. То есть на рудниках труд каторжан был финансово невыгодным. Кроме того, работы проходили очень медленно, заключённые не выполняли годовые уроки [4, л. 16 об.].

Проблемы в организации рудничных работ в системе каторги и наличие местных инструкций по их разрешению привели к тому, что Государственный совет Российской империи своим нормативным документом ввёл новое разделение каторжных работ на разряды. В основу деления был положен срок отбывания наказания: бессрочная и срочная каторга более 12 лет – I разряд, 8–12 лет – II разряд и 4–8 лет – III разряд [23, с. 300, 301]. При этом

назначение преступников II и III разрядов на работы под землёй было ограничено [32, с. 1]. В 1886 г. появился также закон, предоставивший право ссыльнокаторжным на получение заработков (10 % от дохода). При этом оплачивались в Забайкалье только работы на рудниках и частично на золотых промыслах Кабинета [28, л. 1, 1 об.].

В предпоследнее и последнее десятилетия XIX в., несмотря на активную разработку различных месторождений (Мальцевский, Трёхсвятительский, Савинский рудники, Дмитровское, Ивановское и др.), число каторжных, работающих на них, снова сократилось [14, л. 122–125, 128 об.]. Об экономической и пенитенциарной невыгодности труда каторжан вновь свидетельствуют отчёты чиновников [18, с. 78; 20, с. 23].

Но рудники продолжали действовать, как и использование в работах здесь преступников-каторжан. В 1890 г. на тюремном конгрессе в Петербурге на международной выставке была даже представлена модель Нерчинского серебряного рудника [25, с. 5].

В периоды отсутствия рудничного производства в Нерчинском горном округе, как уже было сказано выше, труд каторжан применялся на золотых промыслах Кабинета Е. И. В., особое место среди которых играли Карийские. Труд каторжан здесь применялся ещё с 1838 г. Во второй половине XIX в. (точнее с начала 60-х гг.), когда частные лица также были допущены к золотодобыче [1, с. 63–64; 12, л. 1, 11], местная власть предложила использовать на них тоже труд заключённых. В 1869 г. были утверждены правила по этому поводу (касалось только промыслов Кабинета Е. И. В.), предложенные в совместном проекте начальника горного ведомства Кокшарова и заведующего ссыльнокаторжными Загарина [27, л. 4–10 об.]. Данные нормы были утверждены в соответствующих министерствах – внутренних дел и императорского двора [16, л. 106 об.]. В правилах указаны нюансы применения труда преступниками разных разрядов (испытываемые, исправляющиеся), перерасчёт в связи со сложностью работ.

Однако и этот вид работ каторжных не стал постоянным. Труд каторжан на промыслах начинает сокращаться примерно с 1873 г.: по отчётам зафиксировано, что из более 2 500 чел., которые размещались в тюрьмах на Каре, в работы употреблялись только 250 [5, л. 28–28 об.]. Если же сравнить финансовые выгоды Кабинета, то промысловые работы приносили больше дохода, чем рудники. Например, в 1876 г. ссыльнокаторжные на раз-

личных промыслах (Карийских, Урюмском, Ключевском, Кудеченском и Итакинском) заработали более 34 тыс. р., а на рудниках в это же время – около 1 400 р. [11, л. 5–5 об.]. Поэтому преступников продолжали использовать на промысловых работах. Кроме того, инспекторы наблюдали нарушения установленных правил постоянно. Ситуация с каждым годом всё более усугублялась. Поэтому в 80-е гг. начинается упразднение тюрем на Каре. К 1891 г. практически все ссыльнокаторжные были переведены на рудники.

Помимо промыслов Кабинета Е. И. В. был небольшой период в истории Нерчинской каторги, когда преступников отправляли на работы на частные золотые промыслы для поддержки и развития местной золотопромышленности. Сначала для этого использовали ссыльнопоселенцев при распределении их по местам ссылки, а с 1870-х гг. здесь появляются и ссыльнокаторжные [29, л. 5–5 об.]. В 1872 г. появились специальные правила по этому поводу [3, л. 63–71; 9, л. 16–17 об.], в которых были представлены основные критерии для отбора заключённых (срок каторги менее 12 лет, возраст менее 45 лет, здоровье; не допускались – рецидивисты и лица без статейных списков), также предполагалось установление круговой поруки в артелях по 10 чел. (денежная и карательная формы ответственности). Реализация данной инициативы также вызвала споры по её внедрению, поскольку требовала от частных владельцев организации дополнительной охраны (конвоя) и помещений отдельно от вольнонаёмных рабочих этих приисков. Всё это, в том числе и питание, оплачивалось за счёт золотопромышленников. В конечном итоге данный проект применения труда ссыльнокаторжных на частных золотых промыслах завершился в 1884 г.

Таким образом, особенностью и проблемой в организации рудничных работ на Нерчинской каторге в Забайкалье было то, что они носили непостоянный характер; а сами преступники были распределены по рудникам по всему Нерчинскому горному округу. Эффективность работ на рудниках была низкой с экономической точки зрения, требовала дополнительных затрат на развитие горной промышленности и содержание здесь каторжан. Поэтому взамен рудничным работам была продумана система организации работ сначала на золотых промыслах Кабинета Е. И. В., а потом и на частных золотых промыслах. Активно в проектах преобразований участвовала местная власть, местное горное начальство. Предполагалось, что в промысловых

работах будут трудиться только каторжные исправляющегося разряда, поскольку этот вид работ считался менее тяжким, по сравнению с рудниками. Но при отсутствии работ на рудниках этот вид каторжных работ стал основным в 1850–1870-е гг., частично 1880-е гг. Экономическая эффективность данного труда также начала постепенно снижаться, но также была выше работы на рудниках. Из-за

сложности организации работ по разрядам – рудничные, крепостные и заводские работы, государство пошло на корректировку разрядов преступников и с 1885 г. стало распределять их по сроку отбывания наказания. В 1890-е г. на Нерчинской каторге начинает просматриваться системный кризис в организации каторжных работ. Начинается поиск других форм применения обязательного принудительного труда.

Список литературы

1. Боголюбовский И. Историко-статистический очерк производительности Нерчинского горного округа с 1703 по 1871 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 88 с.
2. Власов В. И. Краткий очерк неурстройств, существующих на каторге. [Б. м.], 1873. 56 с.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 12738.
4. ГАЗК. Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 1570.
5. ГАЗК. Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 7950.
6. ГАЗК. Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 8145.
7. ГАЗК. Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 9030.
8. ГАЗК. Ф. 1 о. о. Оп. 1. Д. 8988.
9. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 1. Д. 53.
11. ГАЗК. Ф. 1 т. о. Оп. 4. Д. 113.
12. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 926.
13. ГАЗК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 20.
14. ГАЗК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 22.
15. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 712. Оп. 1. Д. 379.
16. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 29. Оп. 1. Д. 235.
17. ГАРФ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 445.
18. Гогель С. К. Арестантский труд в русских и иностранных тюрьмах. Из журнала министерства юстиции (февраль-март 1897 г.). СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1897. 134 с.
19. Записки начальника Главного тюремного управления Галкина-Враского, по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин в 1881–1882 гг. [Б. м.]: [б. и.], 1888. 99 с.
20. Каторга и ссылка на Сахалин, в Приамурский край и в Сибирь. Извлечение из отчета чиновника особых поручений при МЮ, магистра уголовного права Дриля Д. А. по командировке в 1896 году. СПб.: [б. и.], 1898. 25 с.
21. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). СПб.: Русский балтийский информационный центр Блиц, 1999. Т. 2. 400 с.
22. Кораблин К. К. К вопросу об использовании труда ссыльнокааторжных при освоении и заселении Сибири и Дальнего Востока в XVI – начале XX вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 54–58.
23. Об отмене установленных Уложением о наказаниях подразделения каторжных работ на рудничные, крепостные и работы на заводах // ЗПСЗ. СПб., 1887. Т. 5 (за 1885 г.), № 3046. С. 300–301.
24. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления 1879–1889. СПб.: [б. и.], 1890. 197 с.
25. Очерк развития арестантского труда в русских тюрьмах. 1885–1886 гг. СПб: Тип. Лебедева, 1890. 23 с.
26. По вопросу о будущей организации каторжных работ и временном распределении каторжных // ПСЗ. СПб. [б. и.], 1873. Т. 44 (за 1869 г.). Отд. 1. № 46984. С. 330–331.
27. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 701. Оп. 1. Д. 16.
28. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 77.
29. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1284. Оп. 69. Д. 331.
30. РГИА. Ф. 565. Оп. 5. Д. 19908.
31. Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. СПб.: [б.и.], 1857. Т. 14. 152 с.
32. Свод учреждений и уставов о ссыльных // Свод законов Российской империи. СПб.: [б. и.], 1890. Т. 14. 174 с.
33. Степанова (Шенмайер) Н. Г. Участие каторжан в хозяйственно-экономическом развитии Восточно-Сибирского региона (XIX в.) // Проблемы и перспективы устойчивого развития агропромышленного комплекса: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти Александра Александровича Ежевского. Иркутск: Иркутский гос. аграрный ун-т им. А. А. Ежевского, 2018. С. 268–275.

34. Упоров И. В. Регулирование труда арестантов в России в XVIII–XIX веках: основные тенденции // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2022. № 2. С. 33–36.

35. Шиловский М. В. Экономическая эффективность каторжного труда в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирская ссылка. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6. С. 223–236.

Сведения об авторе

Волочаева А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, rossav1@yandex.ru

Volochaeva A. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, rossav1@yandex.ru

.....

УДК 37:94(520)

История образования в Японии в период реформ Мэйдзи

Виктор Владимирович Кузнецов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

smith14101961@mail.ru

Содержание статьи затрагивает вопросы становления системы образования в Японии в период реформ Мэйдзи. Цель статьи – показать, что в рассматриваемый период были проведены реформы, оказавшие существенное влияние не только на экономическую и внутривнутриполитическую жизнь страны, но и на систему образования. Автор приходит к выводу, что фактически система образования в Японии оформилась только в период Мэйдзи («Просвещённого правления») и была подчинена амбициозным задачам, поставленным политическим руководством страны.

Ключевые слова: Муцухито, образование, Япония в период Мэйдзи, грамотность и иероглифика, «кокутай», конституция, парламент, синтоизм, дзэн-буддизм

The History of Japans Education of Period the Meiji Reforms

Victor. V. Kuznetsov

Transbaikal State University, Chita, Russia

smith14101961@mail.ru

The content of the article touches upon the formation of the of the education system in Japan on the period of the Meiji reforms. The purpose of the article is to show that during the period under review, reforms were carried out that had a serious impact not only on the economic and domestic political life of the country, but also on the education system. The author comes to the conclusion that, in fact, the education system in Japan took shape only during the Meiji period (“Enlightened Rule”) and was subordinated to ambitious tasks set by the country’s political leadership.

Keywords: Muzuhito, Education, Japan in the Meiji Period, Literacy and Hieroglyphics, “Kokutay”, Constitution, Parliament, Shinto, Zen Buddhism

Официальное объявление 2023 года в России «годом педагога и наставника» способствовало пробуждению у определённой части россиян огромного внимания к истории образования и формированию педагогики как науки. При этом если труды на ниве просвещения Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Песталоцци, А. Дистервега и других классиков европейской педагогики XVIII–XIX вв. были известны давно, а исследования в сфере экспериментальной

и «реформаторской» педагогики Э. Кей, Л. Гурлитта, М. Монтессори, Ф. Гансберга, Э. Меймана и других западников активно изучаются сейчас, то о становлении и развитии образовательной системы в странах Востока в настоящий момент информации чрезвычайно мало. Практически нет данных о преемственности поколений регионов южной и экваториальной Африки. К сожалению, не так много дошло до нас документов и о развитии системы образо-

вания в странах Магриба и Арабского Востока, хотя историки утверждают, что первое учебное заведение высшего образования – университет Аль-Караун – было создано на территории древнего Ирака.

Стимулом оформления педагогики как науки в Европе послужило стремительное распространение капиталистических отношений и последующий за этим промышленный переворот. Относительно быстрое развитие техники и науки требовало большое количество грамотных работников. Отсюда и рост числа разного рода учебных заведений. Страны Востока в этот период были замкнуты и ограничены в отношениях не только со странами Запада, но и со своими соседями. Причинами этому были как узость в представлении о существующем мире (азицентричность Японии и Китая), так и колониальная политика европейских стран, захвативших страны Азии и Африки и не допускавших повышения уровня грамотности в колониях, так как это естественно повлияло бы на рост самосознания народов колониальных и зависимых стран и активизировало их борьбу за независимость.

Единственным государством на Востоке, которое смогло сохранить суверенитет и удачно провести экономические и политические преобразования в последней трети XIX в., является Япония. Однако, говоря о преобразованиях в образовательной сфере периода Мэйдзи, необходимо подчеркнуть, что определённый уровень грамотности и образованности населения отмечается ещё со времён японского средневековья. Правда, если в период VII–XII вв. отсутствие серьёзных противоречий в феодальной среде и мирное сосуществование императорского двора (кугэ) и самурайской верхушки (дайме) способствовали распространению культуры эстетического наслаждения природой и искусством, росту числа грамотного населения среди высших слоёв японского общества, то с переходом реальной власти в стране в руки высшего дворянства и установлением сёгуната в XII в. распространяемая религиозная и философская литература толкала к грамотности не только средние слои общества – безземельное самурайство и жителей городов, но и крестьян. Наиболее показательным в этом плане был период сёгуната феодального дома Токугава или сёгуната Эдо (1603–1868) [9, с. 280–281]. Нельзя сказать, что существовавшая до того времени школьная система не удовлетворяла потребностей государства в грамотных служащих.

Начиная с XV в. при буддистских храмах дети аристократов и самураев получали светское образование. С XVI в. с развитием тор-

говли и укреплением купеческих гильдий – кабунакама – в хорошем образовании стали заинтересованы дети торговцев и ростовщиков. Дзэнские монахи обучали их чтению, письму и арифметике. Правда, вплоть до реформ периода Мэйдзи образование в стране оставалось сословным. Существовали отдельные школы для детей аристократов и знатных самураев, торговцев и крестьян. Сама феодальная система сёгуната Токугава предусматривала существование тысячи школ «теракоя». Это были маленькие частные учебные заведения, как правило, с одним учителем. Чаще всего такие школы были семейными: отец учил мальчиков, мать – девочек. Помимо учебных дисциплин учеников таких школ учили навыкам повседневной жизни. Мальчики немало времени уделяли физическим упражнениям, девочек обучали основам домоводства – шитью, искусству составлять букеты, готовить пищу. В эти же годы появились клановые школы, являвшиеся образовательными структурами самураев, которые создавались как обязательные для всех самурайских кланов (букэ). И хотя и в этих учебных заведениях основной упор также делался на обучение грамоте и счёту, здесь были и свои особенности. Детей знатных особ обучали придворному этикету, каллиграфии и стихосложению. В конце эпохи Эдо получили широкое распространение храмовые школы, как образовательные структуры для простых людей. Обучение в клановых школах было сконцентрировано на преподавании таких традиционно восточных дисциплин, как основы религий синтоизма и дзэн-буддизма, философия конфуцианства и Чжу Си. В последние годы токугавского сёгуната, особенно после «насильственного открытия Японии», стала заметной в образовательной сфере активно заимствованная европейско-американская современная культура. Тем не менее ещё до проведения реформ периода Мэйдзи около 40 % жителей Японии умели читать и писать. Таким образом, к середине XIX в. небольшое островное азиатское государство вряд ли уступало по степени грамотности населения развитым европейским державам [13, с. 78].

Несмотря на достаточно высокие показатели в сфере грамотности японского населения в последние годы правления токугавского сёгуната, следует признать, что всплеск интереса к образованию среди рядовых японцев пришёлся на годы реформ периода Мэйдзи. Первые годы правления императора Муцухито – «Мэйдзи исин», или реставрация императорского правления, по сути, покончили с господством самурайской феодальной власти. Эпоха

Мэйдзи или «Просвещённого правления» стала периодом радикальных реформ в экономике и политике Японии. Эти серьёзные преобразования, превратившие Японию из практически полукolonии и феодального отсталого государства в суверенную капиталистическую развитую державу, не могли не оказать воздействие на систему образования в стране. После свержения власти сёгунов, уже в 1871 г., в Эдо было создано министерство просвещения [4, с. 7], а император выпустил ставший впоследствии знаменитым рескрипт, в котором говорилось: «Знание необходимо для каждого человека, для его умственного и физического совершенствования, для улучшения условий жизни. Невежество же – причина всех несчастий, поражающих общество. Хотя школы существуют уже несколько лет, народ всё ещё противится необходимости учиться, ошибочно полагая, будто образование является привилегией высших классов. Ни крестьяне, ни ремесленники, ни торговцы до сих пор не посылают в школы своих сыновей, не говоря уже о дочерях. Наш замысел таков: не ограничиваться обучением нескольких избранных, но распространять образование так, чтобы не осталось ни одной деревни, где была бы неграмотная семья, и ни одной семьи, член которой был бы неграмотен. Отныне знания не должны принадлежать только высшим классам, оно – общее наследие, равную часть которого получают аристократ и самурай, крестьянин и ремесленник, мужчина и женщина...» [8, с. 185].

Долгое время императора в Японии считали божественной личностью, ведь, как свидетельствует религия синто, все тэнно являются потомками и продолжателями дела великого Дзимму – первого императора японского государства, внука богини солнца Аматерасу. Именно поэтому указ императора получил широкий резонанс среди японской общественности. Большое количество рядовых японцев устремились выполнить призыв монарха и получить образование. Быстрый рост количества желающих получить образование японцев стимулировал процесс строительства школ и выпуск учителей. Последних катастрофически не хватало, поэтому на работу в школы шли даже те, кто имел навыки с трудом читать и считать. Так или иначе, но к концу эпохи Мэйдзи почти всё население островного государства получило школьное образование. В отчёте Министерства просвещения за 1906–1907 гг. сообщается, что в Японии в то время насчитывалось 27 269 начальных школ, а уровень их посещаемости достигал 98 % среди мальчиков и 95 % среди девочек [Там же, с. 186]. Массовое появление

школ в деревнях изначально вызвало широкое недовольство местных жителей. Дело в том, что процесс открытия школ был связан с существенными тратами общинных средств, да и само обучение было платным. Для урегулирования образовательных вопросов и введения контроля за школьной системой государство разделило всю территорию островов на 9 университетских округов. Каждый округ делился на 33 района, по числу сформированных колледжей. Каждый район, в свою очередь, делился на 210 деревень, имеющих начальную школу. Таким образом, созданная новая образовательная система означала, что на одну начальную школу приходилось 600 чел., а на население в 33 миллиона жителей – 8 университетов, 256 колледжей и 53 760 начальных школ [Там же].

Новая образовательная система, введённая императором, отвечала всем запросам проводимых в этот период реформ. Радикальные реформы в экономике, финансовой системе, внутривластной сфере требовали тысячи грамотных работников. Вот почему осуществление нововведений в системе образования не заставило долго себя ждать. Однако проведение новой образовательной реформы испытывало немало трудностей. В первую очередь в деревнях не хватало помещений под школьные классы, поэтому многие школы создавались в помещениях буддистских и синтоистских храмов, что не встречало одобрения со стороны религиозных служащих. Как вспоминал свой образовательный процесс один из японских чиновников: «Школа представляла собой маленький дом с соломенной крышей, который стоял посреди рисового поля. Она ничем не отличалась от прежних храмовых школ феодальной постройки, но у нас помимо прежних каменных стержней для письма были и грифельные доски. Летом мы собирались в школе ещё затемно и занимались при свечах. Это называлось “утренней каллиграфией”» [Там же, с. 187]. Кроме того, новая школа стала дороже, чем в дореформенную эпоху, да и с грамотными учителями была проблема, тогда как раньше мог преподавать чтение и счёт каждый полуграмотный монах. Новая образовательная система предусматривала введение обязательного начального образования, хотя и оставляла за учащимся многочисленные льготы. Курс обучения в народных школах низшего типа занимал 3–4 года. Помимо чтения, письма и счёта ученикам преподавали правила поведения и нормы морали. Русский японист и путешественник Виктор Алов писал в книге «Япония и японцы» накануне русско-японской войны: «Число народных школ

в Японии велико. Всего в 1868 г. в стране было 26 800 школ с 83 500 учителями и 4 миллионами учащихся (64 % мальчиков и 36 % девочек). Средние учебные заведения Японии по уровню соответствуют нашим реальным училищам и, по сравнению с народными школами, немногочисленны, немного более 1,5 % числа учащихся в народных школах. В профессиональных средних училищах занимается менее 1 % числа учеников народных школ. Лицеев, которые готовят к поступлению в университет, всего 8. Университетов всего два, в них студентов – 2500 человек» [1, с. 8]. В целом, новую систему образования планировалось использовать до 1875 г., однако она приносила свои положительные плоды ещё много лет, вплоть до принятия первой японской конституции в 1887 г. [6, с. 2–4]. Число школ к этому периоду увеличилось на 3,6 %, а учащихся – на 47,5 % [1, с. 8]. Однако это была уже не традиционная классическая школа. Уже с 1872 г. началась ревизия системы образования, построенной на основе классового принципа, с заменой её на единообразную демократическую систему западного образца. Перенимая опыт многих европейских стран в становлении экономики, промышленности, науки или армии, японцы за эталон для школьной реформы выбрали учебную практику, существующую в США. В страну были приглашены американские советники, по чьим рекомендациям к 1886 г. были разработаны единые учебные планы для всех школьных учреждений. Начальное образование было рассчитано на 4 года и включало помимо уроков чтения, письма, арифметики, каллиграфии, физкультуры ещё и сюсин – патриотическое воспитание. Иногда к этому списку добавляли уроки рисования и пения. К 1875 г. в стране было открыто 25 тыс. школ (городских и сельских). Таким образом, несмотря на общую нехватку средств для строительства новых учебных заведений, к концу XIX в. школу посещали 90 % юных японцев. Соответствующим был и уровень грамотности [11, с. 514].

В 1890 г. был издан императорский рескрипт по вопросам образования на основных догматах конфуцианства. Он закрепил курс на воспитание верноподданных, для которых высшим смыслом жизни было беззаветное служение императору, а значит, стране. Этот документ оставался основополагающим для всей системы образования в Японии вплоть до окончания Второй мировой войны. С развитием народного хозяйства, строительством новых заводов и фабрик потребность в грамотных кадрах неуклонно возрастала. В соответствии с этим в стране в 1907 г. произошла очередная реформа системы образования. Сроки обязательного обучения были увеличены с четырёх до шести лет. Тематику школьных дисциплин расширили за счёт введения уроков истории, географии, основ научных знаний. Но обязательные уроки сюсин в школьной программе сохранились. Более того, одновременно с втягиванием страны в захватнические войны в Азии задача воспитания абсолютно лояльных императору патриотов была признана главной. Начальные учебные заведения были переименованы в народные школы. Не только уроки сюсин, но и история, география и все социальные науки получили инъекцию дополнительных доз национализма и милитаризма. Другие задачи отходили в тень. Ведь для дисциплинированного солдата знание физики или каллиграфии было не столь уж обязательным, что отразилось на содержании школьных программ.

Таким образом, давая оценку развития истории Японии, мы можем сказать, что система образования в стране с появлением школ и высших учебных заведений сложилась только в период Мэйдзи («Просвещённого правления») с проведением широкомасштабных реформ в экономике, политике и социальной жизни. В конце же этой эпохи система образования была подчинена амбициозным задачам, поставленным политическим руководством страны.

Список литературы

1. Алов В. Япония и японцы (главы из книги) // Япония сегодня. 1992. № 8. С. 8.
2. Все о Японии / под ред. Царева. М.: Профит Стайл, 2019. 602 с.
3. Дейноров Э. История Японии. М.: АСТ: Астрель, 2011. 767 с.
4. Исидзака Кадзуо. Школьное образование в Японии. Tokyo: International Society for Educational Information, 1988. 52 с.
5. История культуры Японии: обзор / Ютака Тадзава [и др.]. Токио: МИД Японии, 1989. 120 с.
6. Конституция Японии: пер. на рус. Токио: Научно-исследовательский ин-т при Обществе «Япония – страны Европы», 1985. 48 с.
7. Лазарев А. Школа в преддверии новой реформы // Япония сегодня. 2002. № 3. С. 2–3.
8. Фредерик Луи. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия: Палимпсест, 2007. 312 с.
9. Мейсон Р., Кайгер Дж. Г. Краткая история Японии. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2021. 512 с.

10. Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского милитаризма. М.: Наталис, 2009. 592 с.
11. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол классик, 2006. 736 с.
12. Нагата Хироси. История философской мысли Японии. М.: Прогресс, 1991. 416 с.
13. Народное образование в Японии в вопросах и ответах (беседы с иностранцем) // Япония о себе и мире. Дайджест. 1994. № 8. С. 76–100.

Сведения об авторе

Кузнецов В. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита, smith14101961@mail.ru

Kuznetsov V. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Russia, Chita, smith14101961@mail.ru

.....

УДК 93/94:355.511.52(470+510)

Анализ деятельности Ветеринарного отдела Китайско-Восточной железной дороги в первой четверти XX века

Юлия Николаевна Ланцова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
astra205@yandex.ru

В статье анализируется деятельность одного из отделов, обеспечивающих работу КВЖД – Ветеринарного отдела. Его основной функцией было обслуживание железнодорожных перевозок мясной продукции и обязательный осмотр всего перевозимого скота, прививание его против чумы. Чуть позднее был организован и санитарный надзор на скотобойнях полосы отчуждения, страхование и мероприятия по увеличению молочной продукции.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Ветеринарный отдел, вакцинация, противочумная станция, эпизоотия, ветеринарный врач, фельдшер, институт страхования скота, полоса отчуждения, Монголия

Activities of the Veterinary Department the Chinese-Eastern Railway in the First Quarter of the XX Century

Yuliya N. Lantsova

Transbaikal State University, Chita, Russia
astra205@yandex.ru

The article analyzes the activities of one of the departments supporting the work of the CER – the Veterinary Department. The main function of which was to service the railway transportation of meat products and compulsory inspection of all transported livestock, vaccinating them against the plague. A little later, sanitary supervision at the slaughterhouses of the right-of-way, insurance and measures to increase dairy production were organized.

Keywords: China-Eastern Railway, Veterinary Department, Vaccination, Anti-Plague Station, Epizootics, Veterinarian, Paramedic, Livestock Insurance Institute, Exclusion Zone, Mongolia

Стратегическое, социально-экономическое, политическое значение железной дороги трудно переоценить. КВЖД не исключение, к тому же она перенесла большое количество коренных изменений, структурных преобразований и напрямую была связана политическими связями между Россией и Китаем.

Для её эффективной деятельности были созданы такие различные отделы, как земельный, учебный, метеорологический, лечебно-санитарный, ветеринарный и т. д. Дорога проходила по территории (полосе отчуждения), которая была крайне благоприятна для развития скотоводства и скотопромышленности, что

в свою очередь определило особую роль для Ветеринарного отдела.

Наличие достаточно качественного и дешёвого мяса в Монголии и его востребованность в Приамурье обеспечивали постоянный спрос у населения, соответственно, спрос на услуги КВЖД по транспортировке скота и мясной продукции.

Естественно, что такая продукция, поступающая в Российскую империю, не должна была стать источником распространения очень опасной в тот период чумы и других заболеваний. Первоначально надзор за качеством продукции, привозимой из полосы отчуждения, возлагался на ветеринарных врачей штаба Заамурского округа пограничной стражи. Однако практически сразу же выяснилось, что они не могут качественно выполнять свои прямые обязанности и дополнительную нагрузку, и уже в 1908 г. на службу в КВЖД было приглашено пять ветеринарных врачей и девять фельдшеров [10, с. 15].

Основной функцией Ветеринарного отдела стало обслуживание железнодорожных пере-

возок мясной продукции и обязательный осмотр всего перевозимого скота, прививание его против чумы. Чуть позднее был организован и санитарный надзор на скотобойнях полосы отчуждения, причём контроль должен был осуществляться по правилам ветеринарного осмотра в рамках российского законодательства. Так как вывоз сырого мяса с территории, где полностью отсутствовал контроль, требовал особой осторожности, для дезинфекции стали использовать специальные пароформалиновые камеры, так как растворы сурьмы, используемые до этого, сильно ухудшали качество товара. Для такой деятельности требовался дополнительный штат сотрудников, и уже к 1922 г. в отделе работало 11 врачей и 27 фельдшеров [Там же, с. 16].

Стоит отметить, что первоначально Ветеринарный отдел фактически находился на самоокупаемости и даже приносил доход (табл. 1, 2), так как Правление КВЖД установило сбор за осмотр скота, противочумные прививки, контроль перевозимого сырья и т. д.

Таблица 1

Отдельные статьи доходов Ветеринарного отдела, р.*

Год	Прививки	Осмотр скота	Бойни	Дезинфекция	Скотопригонные дворы	Случайные
1913	14 8008,46	14 016,83	52 343,45	7 334,63	2 735,13	2 749,92
1914	32 285,28	20 209,40	59 242,97	10 380,31	7 150,41	806,70
1915	3 871,23	22 578,53	66 281,77	22 785,22	10 363,49	250,60
1916	50 741,23	21 361,86	11 749,08	25 776,15	12 699,15	2 889,20
1917	28 480,15	22 836, 20	61 218,90	22 431,60	18 150,90	10 769,97
1920	54 491,49	21 571,19	44 409,00	18 186,65	14 498,17	1 768,76
1921	41 655,38	28 011,41	33 788,35	27 589,66	26 208,41	2 148,62
1922	25 388,87	61 864, 62	27 507,14	24 116,74	8 076,46	1 053,70

*Источник: [10, с. 17].

Таблица 2

Финансовая деятельность Ветеринарного отдела*

Год	Доход	Расход	Прибыль
1913	94 025 р. 42 к.	79 362 р. 05 к.	14 666 р. 37 к.
1914	130 075 р. 07 к.	96 717 р. 60 к.	33 357 р. 47 к.
1915	160 228 р. 84 к.	108 903 р. 09 к.	51 325 р. 75 к.
1916	225 214 р. 67 к.	54 247 р. 09 к.	170 967 р. 67 к.
1917	163 944 р. 81 к.	146 749 р. 14 к.	17 195 р. 67 к.
1920	154 925 р. 26 к.	153 885 р. 90 к.	1 039 р. 36 к.
1921	159 396 р. 83 к.	144 868 р. 54 к.	14 528 р. 29 к.
1922	148 007 р. 53 к.	121 748 р. 00 к.	26 259 р. 53 к.

*Источник: [10, с. 16].

Проанализировав статистические данные, можно отметить рост с 1913 по 1916 г., что объяснялось повышением доходов за счёт увели-

чения заказов на мясные продукты для нужд армии, а в 1916 г. была очень продуктивной Монгольская экспедиция Министерства зем-

леделия (из полосы отчуждения вывезли $\frac{1}{2}$ миллиона пудов мясных продуктов) [10, с. 16]. Затем доходность значительно сократилась, а данных за 1918–1919 г. вообще нет (из-за отсутствия стабильных денежных знаков).

Из таблицы 1 видно, что достаточно стабильный доход был от прививочной работы против чумы. Хотя расходы по ней были большими из-за покупки сыворотки, в 1909 г. было принято решение о строительстве временной Харбинской противочумной станции.

Открытию способствовало и экономическое состояние КВЖД. Во время русско-японской войны КВЖД, находясь в сложных полити-

ческих условиях, довела провозоспособность до 20 поездов в сутки, из дефицитной превратилась в доходную, получив за год до 5 млн р. дохода, соответственно, имела средства для открытия станции. В июле 1909 г. на должность ветеринарного врача был назначен А. С. Мещерский.

Работы по её устройству были закончены в 1911 г., содержалось 78 голов гипериммунного скота.

Всего с 1911 по 1922 г. было выработано 34,196 литров вакцины или примерно 62,175 доз в год (табл. 3).

Таблица 3

Количество сыворотки, полученной на Харбинской противочумной станции*

Год	В граммах	В дозах
1911	730 160	14,609
1912	2 551 915	51,038
1913	1 811 900	36,898
1914	2 330 800	46,616
1915	2 787 350	55,747
1916	3 828 450	76,568
1917	3 489 500	69,790
1918	2 622 700	52,454
1919	2 781 050	55,621
1920	2 156 260	43,125
1921	4 788 170	95,763
1922	5 015 300	100,306
Итого	34 925 855	698,537

*Источник: [4, с. 66].

Однако эпидемиологическая ситуация как в Харбине, так и в полосе отчуждения была сложной, а диагностика заболевания требовала проведения анализов, чего без лаборатории сделать было невозможно. Поэтому при Ветеринарном отделе КВЖД ещё до окончания строительства станции в 1910 г. была оборудована бактериологическая лаборатория. Первоначально она размещалась на квартире врача, затем в специально нанятом помещении.

Принимавший участие в работе II Всероссийского съезда ветеринарных врачей А. С. Мещерский лично отобрал в Петербурге все необходимые лабораторные препараты и оборудование. 20 мая 1910 г. лабораторное оборудование было получено в Харбине и на станции приступили к проведению бактериологических исследований. Окончательное оснащение и оборудование лаборатории завершилось к сентябрю 1910 г. и обошлось в 1 931 р.

38 к. Бактериологическая лаборатория Харбинской противочумной станции играла значительную роль во время борьбы с эпидемией лёгочной чумы, возникшей в полосе отчуждения железной дороги (с 24 ноября 1910 г. по 10 мая 1911 г.).

Летом 1916 г. на территории противочумной станции построили отдельное здание бактериологической лаборатории площадью 26,24 кв. саженой. Тогда же соорудили крематорий с помещением для вскрытия трупов, оборудовали погреб и ледники для хранения произведённых вакцин и сывороток [7, с. 62].

В период Первой мировой войны и революционных событий её продуктивность была снижена, но в 1922 г. она возобновила все связи с российскими и западноевропейскими лабораториями, приобрела необходимые материалы, реактивы и расширила сферу деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Прививочные материалы, полученные лабораторией противочумной станции в 1922 г.*

Прививочный материал	Дозы	Граммы
Противочумная сыворотка рогатого скота	100,300	1 015 300
Противочумная сыворотка свиней	1,050	21 000
Вакцина Antrax'a по способу профессора Ценковского	10,000	5 000
Антирабическая вакцина	185	9 320
Нормальная лошадиная сыворотка	108	1 080
Перепневматическая лимфа	200	50

*Составлено по: [4, с. 67–68].

Все препараты оформлялись Ветеринарным отделом КВЖД, стоимость утверждалась Советом Управления дороги и публиковалась через приказ.

Несмотря на хорошую работу лаборатории, доход от вакцинации в 1922 г. упал с 41 655,38 до 25 388,87 р., что объяснялось понижением платёжеспособности населения полосы отчуждения из-за сокращения закупок скота в Монголии. Однако, чтобы не допустить эпизоотии, в планах отдела было проведение 100 % иммунизации скота комбинированными прививками и создание зоны с иммунной защитой от чумы на всей территории дороги. Это было эффективной мерой по сохранению скотоводческого фонда от потерь.

В первые годы работы Ветеринарного отдела главной задачей было проведение в основном ветеринарно-санитарных мероприятий, в дальнейшем же он стал заниматься и организационной работой. Например, начал предпринимать меры по развитию молочного скотоводства, даже при недостатке персонала и постоянной угрозе распространения чумы поголовье молочных пород увеличилось с 6 000 в 1912 г. до 18 000 голов в 1922 г.

Хотя в местном поголовье сохранялся племенной скотоводческий материал, вывезенный из Российской империи ещё до 1914 г., Ветеринарный отдел должен был не только его сбереечь от эпизоотий, но и организовать работу по

подбору, развитию и улучшению скотоводства в полосе отчуждения в целом.

Также Ветеринарный отдел организовывал сбор шерсти и сырья, что требовало организации технических предприятий и приспособлений по сбору, хранению, очистке, упаковке в соответствии с требованиями рынков сбыта за границей. Для этого была оборудована горячая мойка и гидравлический пресс для тюков шерсти.

Ещё одной функцией КВЖД, обеспечивающей стабильность местных хозяйств, стало формирование института страхования скота, где средства Дороги стали основным страховым фондом. Как отмечает А. С. Мещерский, при поголовной иммунизации при одновременном страховании от всех видов смертей, при взимании страховой премии в минимальных размерах, это не будет обременительным для КВЖД.

Несмотря на все эти мероприятия, для их результативности необходимо было взаимодействие с Земельным отделом КВЖД, который бы изучал местное полеводство, исследовал химический состав кормовых растений в лабораториях, что привело бы к улучшению местного молочного хозяйства.

Таким образом, КВЖД в целом и в частности Ветеринарный отдел в рассматриваемый период создавали условия для развития скотоводства, стимулирования торговых связей, что в конечном итоге приводило к ускорению экономического развития полосы отчуждения.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
2. Белоглазов Г. П. КВЖД – объект российско (советско)-китайского взаимодействия и российских инвестиций в 20-е гг. XX в. (к 90-летию установления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой и подписания «Соглашения о временном управлении КВЖД 1924 г.»). Текст: электронный // Ойкумена. 2014. № 4. С. 63–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvzhd-obekt-rossiysko-sovetskoko-kitayskogo-vzaimodeystviya-i-rossiyskih-investitsiy-v-20-e-gg-hh-v-k-90-letiyu-ustanovleniya> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Быстрянцева Л. А. Исторический очерк строительства и развития КВЖД и Харбина. Текст: электронный // Б. Н. Абрамов: жизнь и творчество. URL: <https://bn-abramov.ru/biography/15923/?ysclid=lfzf4degls667451526> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Велимирович Б. Противочумная станция Ветеринарного отдела Китайской Восточной железной дороги // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 21–22. С. 65–68.

5. Дроботушенко Е. В. Общественное управление в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в начале XX века // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 64–70.
6. Кобзарева А. П. Китайская Восточная железная дорога в 1926 году // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 15–22.
7. Коршунов В. А. Деятельность Харбинской противочумной станции в 1903–1925 гг. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1998. № 1. С. 62.
8. Кротова М. В. Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139–150.
9. Кротова М. В. Уроки истории: особенности советско-китайского управления КВЖД в 1920-е годы. Текст: электронный // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 166–176. URL: http://intelros.ru/pdf/Sravnitel'naya_politika/2020_02/1138-2336-1-SM.pdf (дата обращения: 02.04.2023).
10. Мещерский А. С. Задачи Ветеринарного отдела Китайской Восточной железной дороги // Экономический вестник Маньчжурии. 1923. № 10. С. 15–21.
11. Олейников И. В. Деятельность администрации Китайской Восточной железной дороги в 1917–1920 гг.: социально-экономические, политические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2003. 29 с.
12. Перминов В. В. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=5124> (дата обращения: 08.10.2023).

Сведения об авторе

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, astra205@yandex.ru

Lantsova Y. N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, astra205@yandex.ru

.....

УДК 93\94(510)

**Чайные плантации в Китае: по рукописи 1918 года
Генерального консула в Ханькоу А. Т. Бельченко**

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

drzz@yandex.ru

В статье на основе записок Генерального консула Российской империи в Ханькоу А. Т. Бельченко характеризуется история и современное (на момент написания) состояние чайного дела в Китае, т. е. производство и продажа чая. Анализируемый документ не получил широкой известности, хотя даёт представления об изменениях в чайном деле Китая в середине второго десятилетия XX в.

Ключевые слова: чай, чайное дело, производство чая, чайная торговля, Китай, Ханькоу, А. Т. Бельченко, Цзянсу, Аньхой

**Tea Plantations in China: According to the 1918 Manuscript
of the Consul General in Hankou A. T. Belchenko**

Evgeniy V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita, Russia

drzz@yandex.ru

The article, based on the notes of the Consul General of the Russian Empire in Hankou, A. T. Belchenko, characterizes the history and current, at the time of writing, the state of the tea business in China, i. e. the production and sale of tea. The analyzed document is not widely known today, although it gives an idea of the changes in China's tea business in the middle of the second decade of the XX century.

Keywords: Tea, Tea Business, Tea Production, Tea Trade, China, Hankou, A. T. Belchenko, Jiangsu, Anhui

История чайного дела в Китае в целом и в Ханькоу в частности не раз становилась предметом научного анализа. Находила она отражение и в научно-популярных публикациях. Первые из них относятся ещё к последней четверти XIX – началу XX в. [6; 7].

Значительное внимание чайной торговле, торговым путям, Ханькоу уделено исследователями и в дальнейшем [1; 3–5; 8; 9 и др.].

Одним из ведущих специалистов по данной проблематике сегодня, несомненно, является В. Г. Шаронова [10–12 и др.].

В то же время сказать, что названная история сегодня написана полностью, вероятно, нельзя. Её серьёзное дополнение находим в интереснейших записках Генерального консула в Ханькоу Андрея Терентьевича Бельченко. Они хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации. В названии читаем «Чайная плантация в Китае», от руки приписано: «Рукопись Андрея Терентьевича Бельского, Генерального консула Ханькоу, Китай, 1918». Данный документ относится к делу 15 (коробка 10, папка 11) шестой описи «Бельченко А. Т.» фонда 10143 «Коллекция микрофильмов музея русской культуры, Сан-Франциско» [2].

Андрей Терентьевич Бельченко с 1915 по 1920 г. занимал пост Генерального консула Российской империи в Ханькоу, далее некоторое время был советником по русским делам при комиссаре иностранных дел провинции Хубэй, после этого – представителем русской колонии в Ханькоу. В Китае же он с 1899 г. и страну знал не понаслышке, объехав многие места. «Чайная тема» его занимала невероятно. По истории и современному на тот момент состоянию чайного дела он оставил заметки, подробные отчёты.

А. Т. Бельченко при написании рассматриваемых записок позиционировал себя как «любителя путешествовать», и описанное им – это, по сути, путевые заметки, которые относятся к 1917 г. Автор не говорит обо всём чайном деле в Китае, акцентирует внимание на его отсталости по сравнению с ведущими в этом плане странами. Он описывает своеобразную опытную станцию в одном из местечек страны, которая осуществляла выращивание и переработку чая на новых основаниях, и новую фабрику чая в ином месте, где применялись машины, что было новым для Китая. Знакомство с производствами позволило автору записок говорить о значительных перспективах чайного дела и большом потенциале торговли китайским чаем.

Закончены рассматриваемые записки были 14/27 сентября 1918 г. [Там же, л. 27].

«Чайные плантации в Китае» – это не научный труд, не отчёт Генерального консула. Это научно-популярные записки по впечатлениям от увиденного и узнанного. Тем не менее это интереснейший источник, с одной стороны, по истории чайного дела в Китае, а с другой – по истории русского, российского присутствия в стране.

Сложность работы с текстом заключается в том, что многие названия населённых пунктов даются в транскрипции автора. Часть из них не всегда можно ассоциировать с современными поселениями. В отдельных случаях присутствуют исправления путём наложения напечатанных на машинке букв одна на другую.

Начинается текст со следующего замечания: «Многие и очень многие удивятся, если я скажу, что в Китае, в этой обширной стране чая, нет, собственно говоря, чайных плантаций.

Обычные путешественники, как и люди, никогда не бывавшие в Китае, представляют себе всю страну покрытой сплошными плантациями, на самом деле, как это ни странно, этого нет. В Китае, как и Японии, мы имеем дело с мелким производством» [Там же, л. 15].

Далее А. Т. Бельченко отмечал, что по всей стране в различных местах, пригодных для культуры чая, есть чайные плантации. Владельцы названных плантаций привозили «результаты» своих трудов в торговые пункты округов, где представители различных фирм скупали чайный лист, перерабатывали его на своих фабриках в тот или иной сорт чая и отправляли его для продажи в портовые города [Там же].

Такой подход к выращиванию чая в Китае, помимо прочего, по мнению автора записок, привёл к тому, что чай Цейлонский и Индийский, а также чай, поставляемый Японией, стали в рассматриваемое время завоёвывать рынок [Там же, л. 16].

При этом Россия вывозила огромное количество чая из Китая и, по мнению А. Т. Бельченко, посредством деятельности торговых домов в Ханькоу и Фучжоу должна была «обращать... внимание китайцев... научить их» [Там же].

Только в «последнее время», на момент написания записки, «...китайцы пришли к убеждению необходимости изменения в делах и в стране, появляются действительно чайные плантации, обрабатывающие лист машинным способом» [Там же].

Китайские власти, по мнению А. Т. Бельченко, были обеспокоены вытеснением с рынка чая Китая. Они осознавали, что цейлонский и индийский чай это постепенно делали. Как изменение отношения к производству чая

автор записок приводит пример Лу Жунь из провинции Цзянсу, который знаком с чайным делом в Китае и который в 1902 г. отправился на средства Нанкинского генерал-губернатора в Индию и на остров Цейлона для изучения «... поставленного дела в указанных странах» [2, л. 17].

В 1914 г. Лу Жунь был приглашён Министерством земледелия и торговли (Министерство земледелия, промышленности и торговли – Е. Д.) Китая на официальную службу для развития чайного дела в стране. Как отмечал А. Т. Бельченко, начав свою службу, Лу Жунь, «как бы оплачивал Нанкинскому генерал-губернатору ту помощь, что ему была оказана. Однако начало серьёзного чайного дела в Нанкине, по мнению автора записок, было не оправдано. По своему положению это был не тот город. Значительно более подходили уезд Аньфу (Ань-хуа) в провинции Хунань или Циминь (Ци Мэнь – Е. Д.) в провинции Аньхой [Там же, л. 18].

В итоге местом расположения чайного производства было выбрано местечко Пинли недалеко от границы провинций Цзянсу и Аньхой, на территории последней, в южной части уезда Цимэнь. Работа была начата в 1914 г. [Там же].

«Все чайное дело, расположенное на правом берегу реки по соседству с парком... где располагаются контора и жилище Лу Жуня у подножия высокой горы... имеется 10 000 чайных кустов, содержащихся Лу Жунем в полном порядке...» Количество кустов с момента начала чайного дела и до момента посещения плантаций А. Т. Бельченко в 1917 г. постоянно росло и достигло почти 17 000 [Там же, л. 19].

Старые кусты, выкупленные у китайцев, дали в 1916 г. 4 600 английских фунтов байхового чая, а в 1917 г. – более 5 300 английских фунтов [Там же].

Молодые посадки на 1917 г. исчислялись шестизначным числом, кусты высажены по особому плану, однако ежегодный урожай давать должны были только через 7–8 лет. Ожидаемая урожайность – более чем в 10 раз должна превышать показатели 1917 г. [Там же].

По мнению автора записок, значение описываемого хозяйства, прежде всего, в том, что оно служило наглядным уроком возможности ведения чайного дела в Китае. Это образцовое хозяйство имело свои «отделения» в уездах, которые славились своими чаями. Таких отделений к 1917 г. было около 50 в провинции Аньхой и около 40 в Цзянси. Заведующими этими своеобразными филиалами большой чайной плантации были по преимуществу ученики бывшей Нанкинской школы. Все отделения

были подчинены головной конторе в Пинли. Целью же их работы А. Т. Бельченко называл стремление «...приучить местных поселян к новейшему способу изготовления чая и культурной обработки чайного куста. С этой целью, помимо лекций и устных бесед, главным отделением издаются наставления, брошюры и т. п. [Там же, л. 20].

В отделениях на местах населению выдавались саженцы чайных кустов и определённая денежная сумма, чтобы жители занимались только выращиванием чая. Полученные чайные листья поступали в качестве возврата средств в опытное хозяйство в Пинли [Там же].

На содержание опытной станции в Пинли Лу Жунь получал как собственное жалование 150 долларов и от Министерства земледелия и торговли 400 долларов в месяц. Названной суммы для полноценного содержания плантаций и развития чайного дела было недостаточно. Дефицит возмещался за счёт заинтересованных в серьёзном чайном производстве провинций. К 1917 г. на эти цели, а также на субсидирование работы жителей по выращиванию чая в местных отделениях властями провинции Цзянси тратилось в год до 9 000 долл., а властями провинции Аньхой – до 6 000 [Там же].

В 1917 г. Лу Жунь строил планы обработки чая новым способом, принятым к тому времени в Индии, на островах Ява и Цейлон. В то же время велась речь о соединении традиционного китайского подхода к выращиванию и переработке чая с индийским. Планировалось постепенное сосредоточение обработки чая в опытном хозяйстве Пинли и дальнейшая продажа его иностранцам через китайских купцов [Там же].

Т. А. Бельченко отмечает, что изменения, произошедшие в чайном деле Китая в связи с нововведениями Лу Жуня, отвечают на многие вопросы, которые стояли перед Русской чайной комиссией, направленной Министерством финансов за границу для знакомства с мировыми чайными рынками. Эти вопросы представители комиссии задали Чайному отделу Императорской Китайской торговой палаты. Ответы последняя не могла дать ввиду «невежества и незнания» [Там же, л. 21].

Значимым является, на наш взгляд, следующее замечание А. Т. Бельского: «Вообще с успешным проведением дела Лу Жунем возможно ожидать значительного поворота к лучшему в торговле чаем в Китае» [Там же].

А. Т. Бельченко, как настоящий путешественник, не обошёл стороной и вопрос о том, как добраться до столь интереснейшего местечка, как Пинли. Наиболее простой путь по

Янцзыцзяну (Янцзы, Чанцзян) до тогдашней столицы провинции Аньхой города Аньцин [2].

Здесь следует отметить, что Аньцин стал отдельным самостоятельным городом только в 1927 г., во время же путешествия А. Т. Бельченко – это административный центр провинций Аньхой с резиденцией губернатора [Там же, л. 22].

Далее путь от Аньцина лежал «...на паровом катере до деревни Хутяньпу при слиянии небольшого озера с Янцзы в 26 верстах от Аньцина». Дальнейший путь – пешком через горный перевал Дажунлин [Там же].

Наиболее известными (к моменту описываемых событий) своими чаями были южная часть провинции Аньхой, а именно земли уезда Цимэнь и прилегающая к последнему северо-восточная часть провинции Цзянси [Там же].

В то же время в самом Китае не менее известна своими чаями была противоположенная южному Аньхой северная часть провинции Цзянси, на границе с провинциями Хунань и Хэбэй, земли уезда Ининчжоу. Речь шла о территории вокруг озера Поян (Поянху – Е. Д.) [Там же].

Посвятив значительную часть времени преобразованиям в выращивании и переработке чая в Китае в первой половине второго десятилетия XX в., описав путь до опытной станции, сказав о важности чайных мест в Китае, А. Т. Бельченко остановился на особенностях торговли китайским чаем.

В 1910-х гг. в Китае было организовано акционерное общество по производству и продаже чая, инициатором создания которого выступила китайская чайная фирма «Цянь-шунь-ань», которая работала в сфере торговли чаем более 30 лет. Она имела свои торговые представительства во всех главных городах Китая, соприкасавшихся с чайной торговлей: Шанхай, Ханькоу, Ининчжоу, Кьюкиан. В Ининчжоу, так же как в Аньфу (Ань-хуа), у названной фирмы были свои чайные фабрики [Там же, л. 23].

Фирму «Цянь-шунь-ань» преследовали неудачи на протяжении даже не ряда лет, а последних практически полутора десятилетий, при этом причиной несчастий далеко не всегда было само предприятие, т. е., говоря современным языком, некомпетентный менеджмент. Так, в 1901 г. чайные плантации компании пострадали от сильнейшего наводнения. Постоянно сокращались объёмы производства чая «в знаменитой долине Ининчжоу». В начале XX в. она давала 200 000 ящиков чая, в 1916 г. – 72 000, а в 1917 г. всего 18 700 ящиков [Там же].

Значительное падение производства привело к тому, что глава фирмы, уроженец Кантона Чень Юй-ци, совместно с другими представителями руководства (в основной своей массе также выходцами с Кантона) были вынуждены пойти на какие-то меры. Ими стало появление акционерного общества, судя по всему, достаточно значимого игрока на чайном рынке Китая. Одним из его представителей стал компрадор Русского товарищества чайной торговли и складов «братья Т. и С. Поповы» в Ханькоу Тан Цан-сян. Организаторы нового акционерного общества серьёзно озаботились «...разведением настоящих чайных плантаций и постройкою фабрики, оборудованной машинами по образцу, принятому на чайных плантациях в Индии и на островах Цейлоне и Яве» [Там же, л. 24].

В основу общества лёг капитал в 110 000 лан, 8/10 из которых принадлежало «кантонцам», а 2/10 – пайщикам из Нинбо [Там же].

Созданное акционерное общество достаточно активно взялось за работу. Основные плантации было решено организовать в местечке Вай-сян-кен, расположенном в гористой местности. Общая площадь территории составила 40 кв. ли. При этом часть её, а именно одна треть, была занята небольшими усадьбами и рисовыми полями, треть – земля неудобная. А вот остальное – под чай. Там побывал и автор записок А. Т. Бельченко. Он писал о невероятной красоте окружающего [Там же].

Пробуя оценить эмоциональную составляющую в описании происходящего А. Т. Бельченко, первой мыслью является убежденность в его вере в начатое предприятие. Автор рассматриваемых записок полностью его поддерживал, видел в нём возможность развития чайного дела в Китае. Представляется, что не зря было упоминание компрадора российского торгового предприятия в Китае. А. Т. Бельченко видел, с одной стороны, перспективы развития выращивания и переработки чая в Китае, а с другой – перспективы Российской империи на китайском чайном рынке. И, судя по эмоциональному фону записок в рассматриваемом месте, эти перспективы представлялись ему более чем радужными.

К началу работы нового предприятия в местности для работы было более 180 000 старых кустов чая, годных к переработке, с началом процесса пересажено до 190 000 новых кустов и иных мест. В планах общества было ежегодное увеличение количества чайных кустов до 7 000 000 в итоге [Там же, л. 25].

В 1917 г. из учёта урожая старых кустов и новых было заготовлено 898 ящиков чая. В планах: в 1918 г. – 1 600 ящиков, через пять лет – 4 000–5 000, через десять лет – 10 000, через 20–30 лет – 70 000–100 000 [Там же].

В рабочее время на совместном предприятии работало до 300 чел., вне сезона – 80–100 чел. [2].

А. Т. Бельченко писал: «Рассматривая вопрос о будущем предприятии Общества, нужно сказать, что последнее вправе рассчитывать на хорошие результаты, оно находится в опытных руках, а соединив фабрику и плантации вместе с кустарной фабрикой, если так можно выразиться, фирма «Цянь-тунь-ань» тем более обеспечивает успех» [Там же, л. 26].

В 1919 г. планировалось отправление обществом в Индию своего представителя для учёбы [Там же].

Таким образом, в Китае образовалось два больших центра производства и переработки чая, которые старались поставить дело по-новому, используя опыт передовых производителей Индии, Шри-Ланки и Явы. Это опытная станция Пинли, где работа велась Министерством земледелия, промышленности и торговли в лице Лу Жуня, и противоположенный конец «Цзянси-Аньхуйской провинции», где действовало фирма «Цянь-тунь-ань» [Там же].

А. Т. Бельченко отмечал, что «мнения относительно качества чая, изготовленного фабрикой Общества, образцы которого переданы местным русским торговым домам, пока (на момент написания записок – Е. Д.) различны. Представительство одного Торгового дома пишет: «Присланный образец Инчжоуского чая, изготовленный по новому способу, с помощью машин, я пробовал и нахожу его очень хорошим по качеству.

Видно, что это дело для фабрики ещё новое и лист не совсем чисто отсортирован, мне встречается довольно много палочек. Впослед-

ствии я полагаю, что эта фабрика достигнет блестящих результатов...» [Там же].

Таким образом, можно утверждать, что анализируемые записки Генерального консула Российской империи в Ханькоу А. Т. Бельченко являются богатейшим источником по истории и современному (на момент написания) состоянию чайного дела в Китае. В совокупности с иными публикациями они делают историю производства и продажи чая в стране более полной.

Интересно, по нашему мнению, оценить подход региональных властей провинций Цзянсу, Аньхой, Цзянси начала второго десятилетия XX в. Их представители видели потенциал развития чайного дела, с одной стороны, и его отсталость на тот момент в Китае – с другой. Чиновники не просто вложились деньгами один раз, чтобы научить одного человека новым способам выращивания и обработки чая, принятым у передовых на тот момент чаепроизводителей и чаепродавцов – Индии и Цейлоне. Они оплатили организацию большого опытного хозяйства и десятков его отделений на местах, годами финансово поддерживали ведущиеся работы.

Записки А. Т. Бельченко рассказывают о своеобразном переломном моменте в выращивании и производстве чая в Китае, уходе от традиционных, но устаревших к тому времени форм, использовании передового мирового опыта.

Важным видится проведение связи между изменениями в чайном деле Китая и интересами Российской империи в данном вопросе. Так или иначе автор записок подходил к вопросу торговли китайским чаем русскими торговыми домами.

Представляется, что проанализированный и охарактеризованный документ – это только часть чайной истории Китая в работах А. Т. Бельченко. Дальнейшая работа с источниками может выявить и иные, не известные сегодня и документы по проблематике.

Список литературы

1. Бутина В. «В памяти всплыли образы прошлого...». Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами / пер. с англ. Е. Фалёва // Вестник Ариаварты. 2005. № 1–2. С. 64–71.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10143. Оп. 6. Д. 15. Коробка 10. Папка 11.
3. Дацзышен В. Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX вв. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН, Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 67–80.
4. Лю Цзайци Чайная торговля между Китаем и Россией. Текст: электронный // TeaTerra. Чайный портал «Все о чае». URL: <https://www.tea-terra.ru/2014/01/16/12445> (дата обращения: 06.10.2023).
5. Лю Цзайци Чайный путь и русская диаспора в Ханькоу // Enciclopedica. Revistă de istorie a științei și studii enciclopedice. 2014. No. 1–2(6–7). С. 197–204.
6. Надаров В. И. Материалы к изучению Ханькоу, его географического положения, связанных с ним транзитных путей, его торговли и пр. Владивосток: Тип. Т-ва Сущинский и Ко, 1901. 185 с.

7. Попов А. Ф. Драгоман дипломатической миссии в Пекине. Путевые заметки о Хань-Коу и русских чайных фабриках // Записки по отделению статистики РГО. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1871. Т. 2. С. 539–570.
8. Русские в Китае / под общ. ред. и предисл. А. А. Хисамутдинова. Шанхай: Издание Координационного совета соотечественников в Китае и Русского клуба в Шанхае, 2010. 572 с.
9. Христолюбова Ю. С. Жизнь русской общины чаеоторговцев в Ханькоу со второй половины XIX до середины XX вв. Текст: электронный // История и культура Китая. URL: https://china.ivran.ru/f/Khristoliubova_Iu_S_Zhizn_russkoi_obshchiny_chaetorgovtsev_v_Khankou.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
10. Шаронова В. Г. Русская эмиграция в Ханькоу (Китай) // Россия и современный мир. 2015. № 4. С. 218–224.
11. Шаронова В. Г. Русско-китайская торговля в Ханькоу в годы Первой мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 1. С. 104–109.
12. Шаронова В. Г. Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Русское Зарубежье: история и современность: сб. ст. / ред.-сост. Т. Г. Петрова, В. Г. Шаронова. М.: Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2017. Вып. 6. С. 153–159.

Сведения об авторе

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, the Dean of the Faculty of History and Philology of the Transbaikalian State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru

.....

УДК 908:93/94:316.323.72(571.55)

Бесславный финал правления социалистов в Забайкальской области осенью 1918 года

Александр Олегович Баринов

г. Чита, Россия

ao.barinov@yandex.ru

В статье обобщаются и анализируются данные о финальных событиях, связанных с приходом к власти в Забайкальской области после падения власти Советов в августе-сентябре 1918 г. социалистов (социалистов-революционеров и социал-демократов) и их бесславным финалом в октябре того же года. Рассказывается не только о последнем областном комиссаре Сибирского временного правительства, но и о тех военных, которые также участвовали в управлении регионом, подготавливая общественность к приходу к власти диктатуры атамана Г. М. Семёнова. С именем последнего связаны репрессии не только против большевиков, но и против социалистов других оттенков.

Ключевые слова: социалисты, переворот, третий путь, гражданская война, интервенты

The Inglorious Finale of Socialist Rule in the Transbaikalian Region in the Autumn of 1918

Alexander O. Barinov

Chita, Russia

ao.barinov@yandex.ru

The article summarizes and analyzes data on the financial events associated with the coming to power in the Trans-Baikalian region after the fall of Soviet power in August-September 1918 of the Socialists (Socialist revolutionaries and Social Democrats) and their inglorious finale in October of the same year. It tells not only about the last regional commissar of the Siberian Provisional Government, but also about those military men who also participated in the management of the region, preparing the public for the coming to power of the

dictatorship of ataman G. M. Semenov. The name of the latter is associated with repression not only against the Bolsheviks, but also socialists of other shades.

Keywords: Socialists, Coup, Third Way, Civil War, Interventionists

В советский период роль социалистов (социалистов-революционеров, сокращённо эсеров, социал-демократов, которых в отличие от большевиков называли меньшевиками, а также других социалистических партий) в революционных событиях 1917 г., а также в гражданской войне 1918–1922 гг. либо была заклеена как реакционная (исключительно контрреволюционная), либо просто замалчивалась (это был излюбленный метод советской историографии).

Историк Леонид Григорьевич Прайсман во введении в монографию «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года» справедливо сослался на другого российского историка В. И. Миллера, который очень точно отметил, что, к примеру, партии социалистов-революционеров (ПСР) «не повезло дважды: первый раз в истории, затем в историографии». И комментируя этот тезис, Л. Г. Прайсман пояснил: «В истории ей не повезло наравне с остальными антибольшевистскими силами, потерпевшими поражение в ходе Гражданской войны. В историографии невезение ПСР продолжается уже без малого сто лет. Если первые 70 лет, прошедшие после победы большевиков, эсеры иначе как “партией мелкобуржуазной контрреволюции” не назывались, то на протяжении последних более чем 20 лет большинство пишущих о них российских историков, журналистов и публицистов обвиняют их в участии в революционном движении в России, в недостаточно решительной борьбе с советской властью» [7, с. 10]. Эту оценку можно смело отнести к меньшевикам, народным социалистам, эсерам-максималистам, меньшевикам-интернационалистам и другим.

В гигантской Забайкальской области (в её состав тогда входили территории не только современного Забайкальского края, но и Республики Бурятия и западной части Амурской области) социалисты, особенно эсеры, также играли существенную роль в событиях 1917 г., а также 1918 г.

Они вместе с меньшевиками одержали победу на первых выборах в Забайкальский областной комитет общественной безопасности (КОБ), и 24 мая 1917 г. председателем КОБа был избран эсер М. Н. Богданов. 29 августа того же года, вскоре после подавления мятежа генерала Лавра Корнилова, именно М. Н. Богданов был рекомендован на пост областного комиссара Временного правительства. На

выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. именно эсеры получили большинство мандатов, как в целом по России, так и в Забайкалье. После отъезда М. Н. Богданова в Петроград должность областного комиссара больше никто не занимал.

31 декабря 1917 г. на совместном заседании всех трёх областных съездов (II съезда сельского населения, I съезда Советов рабочих депутатов и съезда городских дум и уездных КОБов) был утверждён (своих представителей каждый съезд избрал отдельно) состав нового органа областной власти – Народный Совет в составе 50 членов. Председателем Нарсовета (высшего представительного органа) был избран меньшевик Матвей Абрамович Ваксберг, председателем областного комиссариата (как называли исполнительный орган власти) левый эсер Иван Афанасьевич Бутин.

Нарсовет не признал результаты Октябрьской революции в Петрограде и одновременно отверг предложение о союзе от атамана Г. М. Семёнова. Но уже 16 февраля 1918 г. Нарсовет был распущен и власть перешла к Советам, во главе которых вскоре оказались большевики и их союзники – левые эсеры.

Но если эти события в местной исторической литературе были более или менее описаны, то финал в истории правления социалистов долгое время был «белым пятном» региональной истории. Приведём ряд примеров.

Ведущим автором, описывавшим на протяжении ряда десятилетий историю событий 1917 г. и гражданской войны 1918–1922 гг. в Забайкалье, был В. И. Василевский.

В изданных в 1975 г. «Очерках истории Читинской областной организации КПСС» историк писал: «В ночь на 26 августа последние эшелоны красногвардейцев покинули Читку, отступив к станции Урульга... В Читку вступили прибывшие из Маньчжурии банды атамана Семёнова и японские интервенты» [5, с. 147, 148].

В изданной в 1979 г. монографии этот же автор, по сложившейся традиции продолжающий клеймить социалистов как представителей «внутренней контрреволюции», всё же смог несколько расширить первичную информацию, во-первых, уточнив, что «27 августа 1918 г. в Читку вступили авангард мятежных чехов и войска контрреволюционного Временного бирского правительства» [2, с. 75].

Во-вторых, он привёл несколько фактов о деятельности социалистов до того момента, как власть в регионе перешла к атаману Г. М. Семёнову: «30 августа Читинская городская дума объявила об отмене всех законов Советской власти. По приказу командира Средне-сибирского корпуса генерала Пепеляева в Чите было созвано “частное” совещание, отменившее решение областного съезда Советов о ликвидации казачества. Это же совещание создало временное правление во главе с полковником В. В. Зиминым. В первые дни после падения Советской власти меньшевистско-эсеровские органы хотели создать видимость существования “законности”. Первые следственные комиссии, рассматривавшие дела советских работников, создавались из представителей “общественных” организаций, разумеется, антисоветских. Газетам еще разрешали публиковать сообщения об арестах и обысках. Их “демократическая власть” очень скоро была заменена открытой военно-террористической диктатурой атамана Семенова» [2].

Историк собрал уже тогда богатый фактический материал, но условия цензуры не позволяли его обнародовать. Смог это сделать Владимир Исаакович только в постсоветский период в изданной в 2000 г. монографии «Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах».

Впервые он сообщил о том, что в ночь на 25 августа 1918 г., когда красные эвакуировались из Читы, «в помещении краеведческого музея состоялось совещание членов бывшей Читинской городской Думы и её управы, областной и уездных земских управ. Его участники создали новый временный орган власти, в который вошли меньшевик М. Ваксберг, эсер С. Вологодский, кадет Н. Ананьин, народный социалист К. Шрейбер и другие» [3, с. 16].

Даже из этого списка видно, что преобладали в новом властном органе социалисты, а потому неверным представляется вывод, сделанный историком сразу после этого абзаца: «Так началось становление белой государственности». Это всё же был тот самый «третий путь», который предлагали эсеры во многих местах. Они в тот момент руководили и Временным Сибирским правительством.

Уточнил в этот раз В. И. Василевский и хронике действий белогвардейцев и интервентов в Забайкалье: «26 августа в Читу вошли казаки Е. Трухина, а на следующий день – чехи и белогвардейцы. Продолжая наступление, 28 августа они овладели крупным железнодорожным узлом Карымская, а 29 августа заняли Китайский разъезд, открывавший дорогу на маньчжурскую ветку. Навстречу им из Приморья продви-

гались японцы, чехи и белые добровольческие отряды. Их встреча произошла 6 сентября на станции Рухлово, и завершилось освобождение всей Транссибирской магистрали. Другая группа чехов и белых от Китайского разъезда направилась по маньчжурской ветке на юг. Навстречу ей, не встречая сопротивления, двигались Особый Маньчжурский отряд и части Японской императорской армии под командованием генерал-лейтенанта Фудзия. Встреча произошла 31 августа на реке Онон. 5 сентября ОМО и японские войска переправились через Онон, и 6 сентября их авангард прибыл в Читу» [Там же].

Впервые появились и имена тех, кто в тот период пришёл к власти. Да пока речи не было об их биографиях, но и это был безусловный прорыв. «В первые дни реальная власть в области оказалась в руках чешского генерала Р. Гайдды, который объявил Забайкальскую область на осадном положении, – констатировал Владимир Исаакович. Временный областной орган власти объявил о подчинении Временному Сибирскому правительству. Однако власть Временного областного органа длилась недолго. Уже 4 сентября “Забайкальская новь” сообщила, что гражданская власть до приезда областного комиссара переходит к начальнику гарнизона генерал-майору Миссюре. 9 сентября Временное Сибирское правительство назначило Областным комиссаром эсера А. Флегонтова, а последний назначил уездных комиссаров. Ими стали в Акшинском уезде А. Беломестнов, Нерчинском – Г. Юринский, Нерчинско-Заводском – Н. Варламов, в Читинском – Н. Ведерников» [Там же, с. 17].

И именно в этот последний период властвования в области социалистов росло влияние атамана Г. М. Семёнова, который со своим Особым маньчжурским отрядом (ОМО) также вновь двинулся из Маньчжурии в Читу, на сей раз не встречая сильного сопротивления.

Сам атаман Г. М. Семёнов в своих мемуарах «О себе» самым подробным образом описал свои встречи с генералом чехословаков Р. Гайддой и командиром командира Средне-сибирского корпуса А. Н. Пепеляевым на станции Оловянной, что находится у реки Онон [1, с. 169–173], сделав характерный для него высокопарный вывод: «Таким образом, на линии реки Онон, моей родной реки, я закончил свои самостоятельные операции против большевиков...» [Там же, с. 174]. При этом атаман «забыл» о том, что там же встречался с Уполномоченным Временного Сибирского правительства, сибирским эсером Леонидом Максимилиановичем Загибаловым, которому заявил о признании его правительства. По словам

Г. М. Семёнова, А. Н. Пепеляев именно во время этой встречи пообещал ему «пост командующего V отдельным Приамурским корпусом» [1, с. 172].

При этом, кто такие И. Шемелин, Шелавин и В. Н. Юринский, и сегодня мало что известно. Ничего не было сказано и о том, как сложилась судьба последнего областного комиссара, эсера Антона Матвеевича Флегонтова, которая была достаточно показательной.

Сам же атаман достаточно лукаво написал в своих мемуарах об этом времени своих отношений с социалистами: «Последствием занятия мною Читы явилась спешная эвакуация из нее всех социалистических организаций в Иркутск. Вначале это явление казалось совершенно необъяснимым (как будто бы уже не было никаких арестов, включая областного комиссара – авт.), так как до сего времени я не отказывался от сотрудничества с социалистами и один из лидеров партии с.-р. Краковецкий является моим сотрудником по связи с антибольшевистскими организациями Иркутска» [Там же, с.178]. По мнению атамана, всё дело было только в том, что иркутским губернатором тогда был правый эсер Павел Дмитриевич Яковлев (Дунин), прежде преследуемый большевиками, а затем ставший с ними сотрудничать [Там же, с. 178–179].

О некоторых подробностях тех событий было рассказано ещё в 1922 г. С того времени эта информация никем из историков не была использована. А тогда в Дальневосточной Республике (ДВР) проходили выборы в Народное Собрание ДВР II созыва. От партии эсеров баллотировался и бывший областной комиссар А. М. Флегонтов, бывший до того депутатом Учредительного Собрания ДВР и соответственно Народного Собрания I созыва (им себя провозгласило само Учредительное Собрание).

Понятно, что большевики в том числе и на него тогда обрушились не только с критикой, но и откровенной клеветой. И ему пришлось публично оправдываться. Интересно, что главная большевистская газета «Дальне-Восточный путь» (с подшивкой удалось познакомиться в Государственном архиве Забайкальского края и Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова) предоставила Флегонтову возможность для этого оправдания.

Сначала в агитационной «Памятке избирателя» коммунисты обвинили его в том, что он «в колчаковском царстве занял пост областного комиссара Забайкалья» [6].

«Это неправда, – писал Антон Матвеевич в письме, напечатанном 22 июня 1922 г. – В “Колчаковском царстве” я не был областным комиссаром, да и как член партии социа-

листов-революционеров, никогда из партии не выходявший, не мог быть комиссаром в том “царстве”, которому партия социалистов-революционеров (курсив использован в газетной публикации – авт.) с момента захвата власти Колчаком объявила борьбу. Автор заметки, очевидно, сознательно, с какой-то особой целью приписал мне комиссарство в “колчаковском царстве”, воспользовавшись тем, что я действительно был по уполномочию и просьбе представителей общественных организаций временным комиссаром Забайкальской области при Временном Сибирском правительстве ещё даже до Директории. В первых числах сентября 1918 года совещание представителей общественных организаций, – земского и городского самоуправлений, политических партий, профессиональных организаций, кооперации и торгово-промышленников постановило выдвинуть на пост комиссара Забайкальской области мою кандидатуру. Уступая настояниям совещания, я дал согласие только на временное занятие должности комиссара. 12 сентября за № 24 от Уполномоченного Временного Сибирского правительства я получил письмо, начинавшееся так: “Назначив вас временным комиссаром Забайкальской области, на основании переговоров по прямому проводу с представителями общественных организаций города Читы, я препровождаю при сем копию приказа о вашем назначении у удостоверение”» [4, с. 2].

Этот документ был подписан эсером Леонидом Максимилиановичем Загибаловым, который по поручению Вологодского совершал тур по Забайкалью и Дальнему Востоку с целью признания правителями этих регионов власти Сибирского правительства.

Что произошло после этого теперь уже известно.

Так что весь последний период правления в крае социалистов прошёл с 26 августа по 2 октября 1918 г. достаточно быстро и бесславно. Дважды по ходу бразды правления на краткие моменты передавались генералам, которые, можно сказать, готовили почву для прихода к власти атамана Г. М. Семёнова, диктаторский режим которого, опиравшийся на поддержку японских интервентов, стал одним из драматичных периодов в истории Забайкалья.

А в Сибири и на Дальнем Востоке после переворота 18 ноября 1918 г., свергнувшего так называемую Директорию (Всероссийское правительство, в котором также преобладали социалисты), к власти пришёл другой военный диктатор – адмирал А. В. Колчак. И на этом уровне социалисты оказались не способными удержать «упавшую» в их руки власть.

Список литературы

1. Атаман Семёнов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М.: АСТ: ООО «Гей итэрум», 1999. 320 с.
2. Василевский В. И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1979. 144 с.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
4. Объяснение Г. А. Флегонтова // Дальне-Восточный Путь. 1922. № 163. 22 июня.
5. Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск; Чита: Вост.-Сиб. кн. изд., 1975. 560 с.
6. Памятка избирателя // Дальне-Восточный Путь. 1922. № 160. 18 июня.
7. Прайсман Л. Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова: Изд. дом «Галина скрипсит», 2015. 536 с.

Сведения об авторе

Баринов А. О. – кандидат исторических наук, независимый исследователь, заслуженный работник культуры Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа, г. Чита, Россия, ao.barinov@yandex.ru

Alexander O. Barinov – Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Honored Worker of Culture of the Chita Region and the Aginsk Buryat Autonomous Area, Chita, Russia, ao.barinov@yandex.ru

.....

УДК 908:93/94(571.55)

**Новые материалы об особенностях
белого террора режима атамана Г. М. Семёнова**

Денис Александрович Таскин

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

taskins@yandex.ru

В статье приводятся не публиковавшиеся ранее архивные материалы, характеризующие отношения между населением посёлка Антипи́ха, военными и гражданскими властями во время правления атамана Г. М. Семёнова. Представленные документы позволяют сделать вывод, что дислоцированные в населённых пунктах воинские части фактически терроризировали местное население, а правоохранительные органы и гражданские власти не могли пресечь творившееся беззаконие.

Ключевые слова: гражданская война, Забайкалье, белый террор, атаман Г. М. Семёнов, архивные документы, Антипи́ха, С. А. Таскин

**New Materials on the Features
of the White Terror of Ataman G. M. Semenov Regime**

Denis A. Taskin

Transbaikal State University, Chita, Russia

taskins@yandex.ru

The article presents previously unpublished archival materials characterizing the relations between the population of the village of Antipikha, military and civilian authorities during the reign of ataman G. M. Semenov. The submitted documents allow us to conclude that the military units stationed in the settlements actually terrorized the local population, and law enforcement agencies and civil authorities could not stop the lawlessness that was going on.

Keywords: Civil War, Transbaikalia, White Terror, Ataman G. M. Semenov, Archival Documents, Antipikha, S. A. Taskin

Вопрос взаимоотношений между государственными институтами режима атамана Г. М. Семёнова и населением не раз освещался в исторической литературе. В советской историографии неоднократно подчёркивалось, что действия военных и правоохранительных структур по отношению к населению Забайкальской области являлись откровенно террористическими [1; 2; 6; 8 и др.]. Учитывая многочисленные свидетельства не только сторонников большевиков, но и их противников, это утверждение никогда и никем не оспаривалось. Однако по вполне понятным причинам советские исследователи уделяли особое внимание политическим причинам этого явления и, как правило, ничего не говорили о попытках режима атамана Г. М. Семёнова обуздать террор.

На современном этапе исследователями выявлены новые факты о действиях карательных отрядов белых. Так, Д. Р. Касаточкиным было установлено, что для подразделений Азиатской конной дивизии первый карательный рейд против населения был предпринят в первые месяцы 1919 г. Тогда кавалерийская группа «унгеровцев» прибыла в с. Агинское, чтобы разобраться с русскими «сторонниками большевиков», донос на которых написали местные буряты [7, с. 156].

В то же время критическому осмыслению подвергаются данные о количестве жертв белого террора. Так, устоявшаяся в советской историографии численность погибших в маккавеевском застенке (5 000 чел.) была подвергнута критике в работе А. М. Романова. В частности, он отмечает, что документально подтверждённые списки казнённых содержат только 190 фамилий [9, с. 25].

Наиболее подробно карательная политика режима атамана Г. М. Семёнова была рассмотрена в работе крупнейшего исследователя Гражданской войны в Забайкалье В. И. Василевского «Забайкальская белая государственность». Анализируя становление правоохранительной системы режима Г. М. Семёнова на территории Забайкалья, автор отмечает её нацеленность не столько на соблюдение законности, сколько на наказание защитников и сторонников Советской власти [3, с. 41]. Эта тенденция, развивавшаяся в русле нормативных актов, издававшихся Временным Сибирским правительством, в конечном итоге вышла из-под контроля. Беззаконие, творившееся в Забайкалье, нашло отражение на страницах газет соседних регионов. Так, омская газета «Заря» писала: «На смену свергнутым большевикам, оставившим после себя неизгладимый след проклятия, пришли семеновские “молодцы”,

к которым примазались прислужники какого угодно государственного строя, и творят свои черные дела, наводя трепет и ужас на мирных граждан, вконец терроризированных всевозможными “событиями”. Плети, порка, издевательства, заточение в тюрьмы не сходит с уст мирных граждан семеновского царства...» [5, с. 3]

В. И. Василевский отмечал, что власти понимали масштаб проблемы и стремились её купировать. Однако попытки ввести разгул террора в рамки законности проваливались из-за продолжающейся вооружённой борьбы [3, с. 44].

Впрочем творимые на территории Забайкалья беззакония были связаны не только с гражданским противостоянием и затрагивали людей, не имевших отношения к сторонникам большевиков. В Государственном архиве Забайкальского края нами были обнаружены документы, связанные с незаконными действиями военнослужащих воинских частей, расквартированных в посёлке Антипи́ха. 31 октября 1919 г. управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин направил начальнику Штаба помощника командующего войсками Приамурского военного округа письмо следующего содержания: «По имеющимся у меня сведениям, воинскими чинами Антипи́хинского гарнизона допускаются совершенно непозволительные действия по отношению к мирным жителям.

Солдаты и даже некоторые офицеры этого гарнизона по вечерам заходят в частные дома, требуют от хозяев угощения и водки, заставляют варить мясо, готовить яичницу, съедая затем уходят, ничего не заплатив хозяевам. Были случаи даже угрозы нагайками, если хозяин почему-либо отказывался исполнить требование нежданных гостей.

Нередко со стороны офицеров проявлялись попытки самовольной реквизиции для своих личных надобностей комнат у населения. С этой целью два офицера производили досмотр всех квартир и предлагали жителям освободить немедленно комнаты, предупреждая, что если таковое требование не будет исполнено, то они явятся с солдатами, выбросят все вещи и расправятся с хозяевами.

Будучи терроризированы таким отношением воинских чинов, жители посёлка из боязни мести не решаются даже обращаться к властям с формальными жалобами, ограничиваясь лишь частными просьбами к чинам милиции об ограждении от подобных незаконных действий воинских чинов.

Чины же милиции, будучи не в состоянии предотвратить подобные поступки воинских

чинов Антипихинского гарнизона, даже лишены возможности выяснить имена и фамилии военных, так как последние совершенно не считаются с законными требованиями чинов милиции.

Обращая внимание Вашего Превосходительства на вышеизложенное, я полагаю, что указанные явления не только порочат в глазах населения звание военных, но и порождают недоверие к административной власти вообще.

Ввиду сего прошу распоряжения Вашего Превосходительства о принятии мер к прекращению незаконных поступков воинских чинов Антипихинского гарнизона» [4, л. 14].

12 января 1920 г. в адрес управляющего областью от коменданта посёлка Антипиха капитана Петра Кондырева поступил документ, согласно которому им было проведено дознание о незаконных действиях воинских чинов Антипихинского гарнизона. Из документа следует, что жители посёлка показали, что между ними «...и воинскими чинами гарнизона Антипиха недоразумений никаких не было, а также и незаконных действий с их стороны...» [Там же, л. 10] Дознание содержит около десяти подписей жителей посёлка.

Рассмотрев дознание, кандидат на должность управляющего Читинским уездом Ю. Н. Батюшков в докладной записке на имя управляющего областью писал: «...ответ, полученный 12 января 1920 г., т. е. два с половиной месяца, носит характер простой канцелярской отписки, близкой к насмешке. Такое возмутительное недоверчиво-насмешливое отношение к официальной бумаге управляющего об-

ластью, безусловно, недопустимо, а потому полагал бы необходимым препроводить всю переписку начальнику штаба помощника командующего войсками Приамурского военного округа, изложить с соответствующими комментариями весь ход дела и просить принять меры к производству настоящего расследования по существу переписки. К недопустимости впредь подобного отношения к делу, какое было проявлено в данном случае» [Там же, л. 16].

Однако руководство областью не разделило подобного рвения подчинённого. Мы можем предположить, что С. А. Таскин, как управляющий областью, обладал большими сведениями о характере взаимоотношений между военными властями и органами гражданского управления, потому иллюзий о силе влияния последних не испытывал. Его резолюция на записке Ю. Н. Батюшкова гласит: «Временно прекратить дело в надежде, что не повторится. Но прошу соответствующих начальников принять меры к недопущению таких случаев».

Таким образом, этот частный эпизод, показывающий отношение между населением и военными атамана Семёнова, позволяет сделать вывод, что гражданские семёновские власти и правоохранительные органы были не в состоянии защитить людей от произвола воинских чинов. Военное же командование явно не стремилось навести порядок в воинских частях, спуская сигналы о беззакониях для разбирательства на непосредственных участников таких происшествий. Естественно, что всё это не прибавляло симпатий и доверия со стороны населения к институтам власти атамана Г. М. Семёнова.

Список литературы

1. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 365 с.
2. Василевский В. И. Дела легендарных дней. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 96 с.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность. Чита: Поиск, 2000. 182 с.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 334. Оп. 2. Д. 122.
5. Гамма. Письма с Востока // Заря. 1918. 21 дек.
6. За власть Советов. Сборник документов о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917–1922 гг. Чита: Кн. изд-во, 1957. 440 с.
7. Касаточкин Д. Р. Азиатская конная дивизия и этнополитические процессы в Забайкалье и Монголии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2016. 324 с. URL: <https://avtoref.mgou.ru/new/d212.155.05/Kasatochkin/diss.pdf> (дата обращения: 18.09.2023). Текст: электронный.
8. Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1962. 355 с.
9. Романов А. М. Особый маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова в Гражданской войне в Забайкалье в 1918–1920 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иркутск, 2011. 29 с. Текст: электронный // Dissercat – электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobyi-manchzhurskii-otryad-atamana-gm-semenova-v-grazhdanskoi-voine-v-zabaikale-v-1918-1920> (дата обращения 05.10.2023).

Сведения об авторе

Таскин Д. А. – аспирант, историко-филологический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, taskins@yandex.ru

Taskin D. A. – Postgraduate Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, taskins@yandex.ru

УДК 908:27(571.55)

Пребывание православных клириков-беженцев в Чите (1919–1920)

Владимир Иванович Косых

Забайкальский государственный университет, г. Чита Россия

chita131957@yandex.ru

Статья посвящена характеристике некоторых вопросов временного пребывания в Чите (1919–1920) православных клириков-беженцев из различных епархий, спасающихся от наступлений частей РККА и красных партизан. Автор касается проблемы проживания беженцев, их трудоустройства, материального обеспечения, религиозной жизни и др. Приводятся разные факты из жизни православной Читы в рассматриваемое время.

Ключевые слова: клирик, священник, беженцы, церковь, собор, служба, г. Чита

Stay of Orthodox Clerics-Refugees in Chita (1919–1920)

Vladimir I. Kosyh

Transbaikal State University, Chita Russia

chita131957@yandex.ru

The article is devoted to the characterization of some issues of temporary stay in Chita (1919–1920) of Orthodox clerics-refugees from various dioceses fleeing from the offensives of the Red Army and Red partisans and attempts to give answers to them. The author deals with the problem of refugees' residence, their employment, material security, religious life, etc. A variety of facts from the life of Orthodox Chita at the time under consideration are given.

Keywords: Cleric, Priest, Refugees, Church, Cathedral, Service, Chita

Начавшие уходить в 1919 г. от войск РККА и красных партизан в общей массе беженцев клирики и члены их семей через Сибирь на Дальний Восток на себе познали, что такое эвакуация, с трудностями которой им пришлось столкнуться. Казалось, намеченная ранее и хорошо продуманная эвакуация в реальности оказалась совершенно неподготовленной при стремительном приближении красноармейцев и партизан. Оказавшиеся в вагонах поезда вполне могли считать себя счастливыми, поскольку сумели уцелеть, лишившись абсолютно всего, вплоть до отставших от поезда родственников.

Ситуацию усугубляло то, что хозяином движения на Транссибирской железной дороге стал двигавшийся на Владивосток хорошо вооружённый, снабжаемый продуктами чехословацкий корпус. Именно по этой причине эшелон

ны с беженцами кочевали по «Транссибирке» едва ли не месяцами, терпя страшные лишения.

Чувствуя свою силу, чехословаки ощущали себя хозяевами положения, вели себя довольно нагло. Уместно привести в этом плане несколько случаев. Так, на вокзале в Иркутске, все частные телеграммы передавались только со штемпелем чешского коменданта. Никакого объявления об этом не делалось, зато имелось жёсткое распоряжение телеграфисткам.

Один белый офицер, ещё очарованный чехами, не поверил «глупой барышне» и принёс телеграмму со штемпелем русского коменданта. Но только она никуда не ушла.

11 октября 1918 г. в Штаб Восточного фронта доставили десять крупных иркутских предпринимателей – как им объяснили, на совещание: оно продолжалось 15 часов и закончилось

в 5 утра. Прессу не приглашали, информация получилась весьма скудная. Как оказалось, правление Торгово-промышленного союза согласилось обеспечить военный заём на нужды чехословацких военных – 2 млн 500 тыс. р. наличными.

Такой же суммой чехословаки обложили и деловой Харбин. Простые расчёты показывали, что деньги иркутянам не вернуть, поскольку на возвращение долга чехословаки отпустили 4 месяца. Коммерсанты попробовали тянуть время, однако в ноябре в правлении торгово-промышленной палаты они всё же собрали испрашиваемую сумму.

И ещё: в ноябре 1918 г. заместитель Иркутского городского головы Кузнецов сообщил о реквизиции чехословацким интендантом в Монголии 1 550 голов принадлежащего Иркутску скота. В монгольских улусах жители сетовали на то, что «чехам всё мало», добровольная передача им лошадей и сёдел лишь разбудила аппетит» [6, с. 14].

Проехавшие в Иркутск беженцы старались теперь добраться до Читы, откуда можно было бы попытаться уехать во Владивосток или в Китай (в Харбин), где проживало солидное число россиян. Их утешило то, что чехословацкие эшелоны прошумели на Дальний Восток, в Чите же пока твёрдо держится атаман Г. Семёнов, поддерживаемый японскими добровольцами.

Первая половина 1919 г. ознаменовалась появлением в Чите беженцев, среди которых оказались и представители православного духовенства, включая даже и архиереев. Что касается морального, физического и материального состояния клириков-беженцев и членов их семей, то ясно, что оно находилось на весьма низком уровне. Многих мучили головные боли, нашлись те, кто начал испытывать психические расстройства, кто-то боялся всех и вся, ожидая неминуемой над ним расправы, хотя читинцы сочувствовали им. Многие, потеряв членов семей в долгой и изнурительной дороге, постоянно искали их, звали к себе, жили в постоянном напряжении.

Среди беженцев счастливыми считались те, кому удалось спасти деньги, документы, толику имущества, включая и одежду. Чита во время эвакуации привыкла абсолютно ко всему, однако первое время дивилась нарядам мужчин-беженцев. Дело в том, что последним, за отсутствием мужских пальто (не успели прихватить из дома!), приходилось щеголять в женских, которыми с ними поделились домочадцы. Забайкальскую зиму 1919–1920 гг. беженцы, включая и клириков, встречали без тёплой верхней одежды.

Что касается жилья, то беженцы, помня ход испытанной ими эвакуации и готовясь к вероятной новой, продолжали ютиться в своих вагонах на запасных путях читинского вокзала. Кроме того, они в основном эвакуировались практически из одних мест, сдружились и постоянно поддерживали друг друга в любой ситуации.

Часть беженцев получила небольшие площади для проживания, на которых ютились их семьи, коснулось это и клириков. Поскольку надвигалась морозная забайкальская зима, то беженцы занимались сбором дров на городских окраинах, поскольку Чита располагалась в прекрасном лесу.

Естественно, что беженцы старались посещать городские соборы и церкви, тем более что в них выступали со своими «словами» их товарищи по несчастью из числа видных «отцов церкви». Так, на короткое время в Читу прибыл архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (именовавшийся как епископ Забайкальский и Нерчинский), который в 1898–1912 гг. в сане епископа возглавлял Забайкальскую епархию.

На «старый» новый 1920 г. в церкви Читинского Покровского женского монастыря состоялось торжественное богослужение, на котором архиепископ произнёс слово «по поводу современных событий». Владыка долгое время проживал в Оренбурге под властью большевиков и знал о жизни по обе стороны фронта.

Он сожалел «об ослеплении русского народа, истребляющего самого себя и подготовляющего тем победу чужеземцам». В конце своего слова владыка всё же изволил выразить надежду в том, что 1920 г. «не повторит беззакония и ужаса старого на Руси и пройдёт отрезвление и умиротворение» [2, с. 3]. Слушали архиерея и читинцы, помнившие его ещё местным епископом, и прибывшие в Читу беженцы, включая и оренбуржцев.

Следует отметить, что 8 февраля 1920 г. через газету «Забайкальская новь» архиепископ пригласил беженцев, поскольку они просили его об этом, на совместную молитву в церковь Читинского Покровского женского монастыря. Присутствующих ожидал молебен «об утолении скорби и об умиротворении Родины» [4, с. 3].

Архиепископ произнёс весьма прочувственную речь. В ней он отмечал «и то равнодушные», с которым к беженцам якобы «относится общество», выразил надежду, что в конце концов «лучшая часть слоёв России, объединившись вокруг христианско-демократических принципов, прекратит братоубийственную распрю и даст возможность спокойной жизни на основах свободы и порядка» [5, с. 3].

Отметим, что архиепископ Мефодий вскоре прекратит свои выступления перед беженцами, поскольку эмигрирует в китайский город Харбин.

Прибывшие в Читу клирики-беженцы старались устроиться на любую работу. Среди них немало оказалось толковых, талантливых и деятельных людей. Так, 3 февраля 1920 г. состоялся концерт церковного хора Михайло-Архангельского собора под руководством регента певческой капеллы Богородицкой церкви г. Перми П. Е. Степанова. Верующих пригласили послушать литургию Иоанна Златоуста П. И. Чайковского [3, с. 3].

Отметим, что бросать беженцев на произвол судьбы не собирались ни военные, ни гражданские, ни православные власти Читы. Так, ряд клириков устроился военными священниками в частях Читинского гарнизона, часть ушла на гражданскую службу. В начале января 1920 г. начал свою работу Забайкальский епархиальный комитет по оказанию помощи беженцам духовного звания и ведомства, собиравшийся ежемесячно. Знаковым оказалось заседание 25 мая, на котором присутствовали его председатель священник Н. Подгорбунский, члены комитета протоиерей И. Титов, священники Н. Писарев и М. Коровин (секретарь).

Комитет заслушал доклад председателя о непредставлении тарелочного сбора на нужды беженцев от Читинской железнодорожной Иоанно-Предтеченской вокзальной церкви подписных листов за № 9 (священник Пляскин), № 12 (священники А. Подгорбунский и И. Иванов).

Комитет предложил членам причта железнодорожной церкви переслать тарелочный сбор ему, возвратит подписные листы протоиерею А. Соболеву и священникам В. Пляскину, И. Подгорбунскому, И. Иванову и высказал предупреждение: «В случае неисполнения незамедлительного возвращения сбора и подписных листов Комитет вынужден будет доложить епархиальному собранию, который должен открыться 15 июля 1920 г.». Уточним: клирики обязывались по подписным листам собрать добровольные пожертвования от людей за их подписью и передать то и другое в Комитет. Судя по всему, вышеуказанные клирики этого не сделали.

Собранные деньги Комитет направлял на помощь беженцам духовного звания и ведомства. Читинцы отдавали на это кто сколько мог. Так, судя по отчёту Комитета, на 25 мая 1920 г.:

– сбор по подписным листам составил 10 394 р. 18 к.;

– тарелочный сбор по церквям (проводился и такой) – 1 069 р. 90 к.;

– «разные пожертвования» (довольно часто «от анонимных дателей») – 1060 р.

Всего – 12 524 р. 09 к.

Что касается расходов Комитета, то они выглядели следующим образом:

– «мелочами» – 61 р. 10 к.;

– на погребение беженцев (что поделать – совершались и подобные печальные события: жизнь есть жизнь) – 1 700 р.;

– выдача им денежных пособий, поскольку людям на что-то требовалось существовать – 4 550 р.

Остаток средств на 25 мая 1920 г. составил 6 212 р. 99 к., хранившихся в Читинском отделении Московского народного банка [1, с. 324].

С трудоустройством клириков-беженцев (и членов их семей) в основном пришлось разбираться, как и полагалось, Забайкальскому епархиальному совету. Например, 31 января 1920 г. на заседании Совета обсуждалось прошение протоиерея-беженца Тобольской епархии В. Карпова о принятии его на службу в вышеуказанный совет «хотя бы канцеляристом» [Там же]. В итоге последнего приняли на должность писаря первого разряда по столу (отделу) председателя епархиального совета [Там же, с. 325].

Отметим, что протоиереи, священники из числа беженцев-горожан отказывались покидать Читу, полагая, что они в вагоне как за каменной стеной и паровоз сумеет ещё раз спасти их. Что касается клириков-беженцев из сельской местности, то небольшая их часть согласилась служить в приходских церквях сёл, расположенных недалеко от Читы. Не нужно забывать, что в первой половине 1920 г. части НРА ДВР и партизаны несколько раз пытались овладеть Читой. Добавляли тревоги читинские газеты, живописующие поведение бойцов НРА и партизан в православных храмах и др.

Первая половина 1920 г. ознаменовалась новой эмиграцией: к прежним беженцам присоединились уже и забайкальцы. Среди них оказался и епископ Забайкальский и Нерчинский с небольшой группой клириков, необходимых ему для работы на новом месте проживания в Харбине. Основная масса их коллег оставалась в Чите и Забайкалье, адаптируясь к жизни уже в ДВР.

Список литературы

1. Косых В. И. Забайкальская епархия: время атамана Семёнова. Чита: ЗабГУ, 2020. 474 с.
2. Хроника // Забайкальская новь. 1920. 7 янв. С. 3.
3. Хроника // Забайкальская новь. 1920. 7 февр. С. 3.
4. Хроника // Забайкальская новь. 1920. 8 февр. С. 3.
5. Хроника // Забайкальская новь. 1920. 10 февр. С. 3.
6. Рекунова В. Краткосрочный роман // Аргументы недели. 2023. 19 апр. С. 14.

Сведения об авторе

Косых В. И. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Kosyh V. I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru

УДК 908:93/94:669.21(571.55)

Участие китайских рабочих в развитии золотопромышленности Забайкалья в 1920-х годах

Василина Александровна Сазонова

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
vasilinass@mail.ru

В начале 1920-х гг. в экономике Дальнего Востока начинается процесс её восстановления, особое значение в котором занимала золотодобывающая промышленность. Советская власть рассматривала её как одну из важнейших отраслей народного хозяйства в связи с тем, что золотодобыча являлась источником поступления финансовых ресурсов и пополнения золотых запасов государства. Одним из способов восстановления золотодобывающей отрасли, в том числе в Забайкалье, являлось участие в данном процессе частных предпринимателей, старательских артелей, в состав которых нередко входили китайские рабочие.

Ключевые слова: китайские рабочие, договор, аренда, золотодобывающая промышленность, прииск, золото

Participation of Chinese Workers in the Development of Gold Mining Transbaikalia in the 1920s

Vasilina A. Sazonova

Transbaikal State University, Chita, Russia
vasilinass@mail.ru

In the early 1920s in the economy of the Far East, the process of its restoration begins, in which the gold mining industry played a special role. The Soviet government considered it as one of the most important sectors of the national economy due to the fact that gold mining was a source of financial resources and replenishment of the state's gold reserves. One of the ways to restore the gold mining industry, including in Transbaikalia, was the participation in this process of private entrepreneurs and mining cooperatives, which often included Chinese workers.

Keywords: Chinese Workers, Contract, Lease, Gold mining Industry, Mine, Gold

В начале 1920-х гг. в экономике Дальнего Востока начинается процесс её восстановления, особое значение в котором занимала золотодобывающая промышленность. Молодое советское государство, ис-

пытывая недостаток в финансовых ресурсах и дефицит золотовалютных резервов, обращает особое внимание на развитие золотодобычи, в том числе и на территории Забайкалья.

Декретом от 31 октября 1921 г. «О золотой и платиновой промышленности» государство предоставило право всем гражданам РСФСР, кооперативам, артелям и другим объединениям производить добычу и разведку золота на определённых, выделенных для этого участках [6, с. 138]. В целях содействия золотопромышленности на территории Дальнего Востока (на основании Декрета от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчёта (трестах)») образован специальный орган «Дальзолото», основные задачи которого заключались в организации работы золотопромышленных предприятий и старателей, поиске, разведке и скупке золота, а также в снабжении товарами и продуктами приисковых районов [8, с. 36].

Специфика золотодобывающей отрасли в Забайкалье в послевоенный период, связанная, в частности, с отсутствием процесса модернизации, территориальной рассредоточенностью приисков и рудников, вынуждала государство привлекать частных предпринимателей, старательские артели к разработке золотосодержащих территорий. Становилось возможным и выгодным широкое развитие негосударственной эксплуатации золотосодержащих площадей путём организации мелко-старательских и мелко-арендаторских работ [5, л. 5 об.].

В докладе о золотопромышленности Забайкальской губернии отмечалось: «По данным на 1 июля 1922 г. в Забайкальском горном округе в аренду частным предпринимателям сдано 45 приисков общей площадью 3935 десятин, что составляло 16 % от общего количества приисков» [Там же, л. 5]. Постепенно количество заявлений от предпринимателей и частных артелей о желании взять в аренду прииски возрастает [Там же]. Данный факт служил показателем заинтересованности частных предпринимателей в развитии золотопромышленности региона. Число отводов по округу, предназначенных к сдаче в аренду частным арендаторам, по данным на 1 января 1923 г., составляло 435, из них сданы в аренду 44. На 1 октября 1923 г. количество сданных в аренду отводов возросло до 50, через год до 118, а на 1 января 1925 г. их количество составило 158 [Там же, л. 6].

27 февраля 1925 г. на совещании в Забайкальском Горном управлении по представлению горного смотрителя Газимуро-Борзинского района были утверждены договоры с 29 уполномоченными китайских артелей, общее количество китайских рабочих в которых соста-

вило 345 чел. [2, л. 343]. На Новотроицких промыслах в 1924 г. осуществляли деятельность по добыче золота китайские артели: Гео-Цан-Жи с общим количеством китайских рабочих 100 чел., Тун-Си-Пи – 50 чел., Го-Фа – 15 чел. [4, л. 228].

В письме Горному смотрителю Газимуро-Борзинского района значилось: «К вам направляется для изыскания работ трудовая артель бывших красноармейцев, руководимая т. Ван-Ю-Шан и т. Хо-Юй-Сюан. Просим оказать возможное содействие, предоставив им соответствующие участки для работ на общих основаниях» [2, л. 308].

Договоры аренды золотоносных площадей с китайскими артелями заключались представителем Горного управления на определённый срок. В течение этого срока артель принимала на себя обязательство осуществить добычу золота, уплатив долевые отчисления в среднем 1,5–2 золотника с человека в месяц [8, с. 35]. Горное управление передавало трудовой артели в пользование необходимые для разработки арендуемой площади постройки, оборудование, инвентарь, которые передавались по описи. Ремонт и содержание помещений, гидротехнических сооружений производились за счёт арендатора. Со стороны Горного управления устанавливался строгий контроль и надзор за деятельностью китайской артели. В частности, арендатор принимал на себя обязательство регулярно в установленные сроки предоставлять исчерпывающую информацию о результатах работ, количестве добытого золота, числе рабочих и прочие сведения. Договором предусматривалось, что Главное управление имеет право содержать на местах проведения работ технический надзор и агентов контроля, указания и требования которых артель должна выполнять в полном объёме. Кроме отчислений от добытого золота в доход казны в виде арендной платы за предоставляемую золотосодержащую площадь, договором предусматривались и иные обязательные платежи [2, л. 293–295 об.].

Так, 5 декабря 1922 г. между Горным отделом Дальпромбюро и представителем китайской артели Зай-Го-Шин заключён договор аренды на добычу золота на Казаковских золотых промыслах, действующий до 1 ноября 1923 г. Согласно условиям договора арендатор был обязан на предоставленном участке добыть 5 пудов шлихового золота. От всего добытого золота отчисления в доход казны в виде арендной платы составляли 8 %, кроме этого, в течение первых четырёх месяцев арендатор вносил в доход казны в виде добавленной

арендной платы за участок 1 254 золотника или в денежном выражении 5768 р. 40 к. Сверх указанных процентов, исходя из количества добытого золота, производились отчисления в доход казны на возмещение расходов на разведку эксплуатируемой площади в размере 2 % в натуральном выражении. Кроме этого, за пользование машинами, двигателями, постройками, арендатор уплачивал 4 508 р. В обеспечение исполнения договора арендатор также вносил в кассу Дальпромбюро 500 р. [3, л. 317–320].

Не всегда условия договора арендаторами исполнялись. В акте Новотроицких золотых промыслов от 1 декабря 1923 г. значилось: «Арендатору Ма-Хун при заключении договора на участок Усть-Сухой предъявлено требование о предоставлении в качестве залога шлихового золота в размере двух фунтов и нотариального сбора 270 руб., на что Ма-Хун ответил отказом, ссылаясь на отсутствие золота и денежных средств» [4, л. 67]. Ещё один пример. По заключённому договору аренды от 27 апреля 1923 г. китайская артель Гао-Цан-Жи обязывалась добыть шлихового золота 2 пуда 10 фунтов с выплатой в доход казны 16 % от общего количества полученного золота. В связи с поломкой оборудования и его ремонтом работы приостанавливались на 25 дней, в результате чего план по добыче золота не был выполнен. По этому случаю Горным смотрителем Новотроицкого золотопромышленного района рассматривался вопрос о продлении срока действия договора аренды [Там же, л. 116].

Советская власть понимала, что успешное развитие золотодобывающей промышленности требует уменьшения издержек для участников этого процесса. Прежде всего, это касается необходимости снижения государственных и специальных налогов, а также цен на товары и продукты приискового потребления, которые увеличились по сравнению с довоенным временем в два раза. Стоит отметить, что товары, поставляемые контрабандным путём, на приисках обменивались только на золото, что способствовало его утечке за границу. Немаловажной проблемой являлся недостаток кредитования, требовалось проведение дополнительных геологических обследований и промышленных разведок новых площадей [5, л. 9 об.].

Наличие таких факторов, как удалённость приисковых районов от транспортных магистралей, отсутствие качественных дорог, недостаток финансовых средств на модернизацию производства, приводило к слабой механизации процесса золотодобычи [7, с. 29], в связи с чем разработка золотоносных площадей производилась чаще всего мускульным трудом.

В качестве мер, способствующих развитию золотодобычи на территории Забайкалья, отмечалась крайняя необходимость привлечения на прииски большего числа китайских рабочих, количественные показатели которых в начале 1920-х гг. были ниже показателей довоенного времени. Китайские рабочие покидали прииски в период расстройств золотого промысла, вызванного гражданской войной, отсутствием необходимого снабжения товарами и продуктами, распространением бандитизма и хунхузничества и пр. [5, л. 12]. Государственные органы не оставляли эти вопросы без внимания и предпринимали меры для своевременного их решения.

Стоит отметить, что китайские рабочие готовы были трудиться на золотодобывающих приисках в тяжёлых условиях, довольствуясь при этом меньшими заработками, чем русские рабочие. В докладе о золотопромышленности Забайкальской губернии отмечалось: «Приблизительно можно считать месячную продукцию приискового китайского рабочего 7–8 золотников или 1 фунт в год, таким образом, каждые 1 000 чел. рабочих китайцев дают промышленности 20–25 пудов золота в год. Отсюда вытекает, что производительность средней и малой промышленности находится в полной зависимости от численности китайских рабочих» [Там же].

В целом негосударственное участие и использование арендных отношений оказало значительное влияние на процесс становления золотодобывающей промышленности. При этом важными препятствиями в использовании китайского труда оставались низкая заработная плата, неудовлетворительные жилищные и бытовые условия, высокий паспортный сбор и наличие бюрократических формальностей по пропуску китайских рабочих в приграничные районы.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 172.
2. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 173.
3. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 174.
4. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 180.
5. ГАЗК. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 541.

6. Гребенюк П. С. Золотопробышленность и золотые ресурсы России и СССР в первой половине XX в. // Экономическая история: ежегодник. 2022. Т. 2021. С. 130–168.

7. Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика // Гуманитарный вектор. 2015. № 3. С. 29–35.

8. Кочегарова Е. Д. Золотопробышленность Дальнего Востока, 1920–1930-е годы XX в. // Россия и АТР. 2002. № 1. С. 34–44.

Сведения об авторе

Сазонова В. А. – аспирант, историко-филологический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, vasilinass@mail.ru

Sazonova V. A. – Postgraduate Student of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, vasilinass@mail.ru

.....

УДК 908:929(571.55)

**Михайловский Николай Александрович –
заслуженный охотовед и лесовод Забайкалья**

Денис Николаевич Беспалько

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

bespalkodenis84@mail.ru

В материалах статьи рассмотрены основные страницы жизнедеятельности лесничего, таксатора и заведующего подотделом Управления охоты и рыболовства Министерства Земледелия Дальневосточной Республики (ДВР) Н. А. Михайловского. В научный оборот впервые введены документы Государственного архива Забайкальского края им. А. К. Кузнецова (ГАЗК) из личного фонда учёного – Р-1565, где содержатся до сих пор неопубликованные труды по охотничье-промысловой, рыбопромышленной и лесотехнической тематике, территориально привязанные к Дальнему Востоку и Забайкалью в частности.

Ключевые слова: Н. А. Михайловский, управление делами охоты и рыболовства, охотничье-промысловое и лесное хозяйство, охотоведение

**Mikhailovsky Nikolay Alexandrovich –
Honored Hunter and Forester of Transbaikalia**

Denis N. Bepalko

Transbaikal State University, Chita, Russia

bespalkodenis84@mail.ru

In the materials of the article, the main pages of the life of the forester, tax collector and head of the sub-department of the Hunting and Fishing Department of the Ministry of Agriculture of the Far Eastern Republic (FER) N. A. Mikhailovsky are considered. For the first time, documents of the A. K. Kuznetsov State Archive of the Trans-Baikal Territory (SATT) from the scientist's personal fund – R-1565, which contains hitherto unpublished works on hunting, fishing, and forestry topics, geographically tied to the Far East and Transbaikalia in particular, were introduced into scientific circulation.

Keywords: N. A. Mikhailovsky, Management of Hunting and Fishing, Hunting, Fishing and Forestry, Hunting

В истории охотничье-промыслового хозяйства ДВР (1920–1922) и в целом Забайкалья XX в. значимый след оставила целая плеяда сотрудников рыбоохотничьей и лесной отрасли экономики. Это не просто люди, занятые

в сфере управления делами эксплуатации лесных насаждений или промысловых угодий, поскольку зачастую организация развития основных направлений промыслово-сырьевой отрасли народного хозяйства сопряжена с тя-

желейшим трудом – громадными физическими нагрузками, постоянным переохлаждением зимой и страданиями от жары и полчищ кровососущих насекомых летом [14, с. 252]. Значительная часть работы осуществлялась в период проведения охотоведческих экспедиций, где задействуются не десятки опытных исследователей, проводников и вспомогательный персонал, а порой всего 1–2 чел., уходящих в тайгу на длительное время и на месте изучающих состояние промысловой фауны и кормовой базы. От бонитировки угодий, предпромысловой разведки, закладки пробных площадей и иного рода подготовительных мероприятий, осуществляемых охотоведами при поддержке лесной службы, зависело составление плановых показателей сезонных заготовок мясо-дичной продукции, пушно-мехового и лекарственно-технического сырья.

Одним из ключевых сотрудников управления делами охоты и рыболовства в ДВР и Забайкалье 1920-х гг. является Николай Александрович Михайловский (1862–1930), родившийся в дворянской семье г. Москвы [11, с. 268–269; 12, с. 67].

Николай Александрович Михайловский

О его детстве и юности не выявлено практически никакой информации. В кратких автобиографических записках, предназначенных для служебного пользования, будущий автор научных трудов по истории развития и современного ему состояния охотничьего дела в России и отдельных её регионов сосредотачивает внимание стороннего читателя исключительно на профессиональной стороне дела, лишь изредка касаясь отдельных сторон личной жизни. Единственно, что доподлинно известно, так это постоянная связь юного Николая Александровича с природой и увлечение делами спортивной охоты. Его дядя (ФИО доподлинно не выяс-

нены, поэтому в статье не приводятся) являлся, со слов племянника, крупным сотрудником журнала «Природа и охота» и на протяжении жизни последовательно отстаивал интересы охотничьего дела, тем самым, возможно, обусловив интерес родственника к литературному поприщу в соответствующей тематике. При выборе будущей профессии Н. А. Михайловский ориентировался на специальности, связанные с лесным делом, где охотоведение являлось дисциплиной подспудной. Первым вузом стал Константиновский межевой институт (г. Москва), законченный с присвоением диплома по специальности землемера. Следующим шагом становится учёба в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (г. Ново-Александрия, Польша). В стенах высшего аграрного учебного заведения Российской империи, а именно Петровской земледельческой и лесной академии (г. Москва) продолжается повышение профессиональной квалификации. Пройдя сложный путь теоретической подготовки и научно-полевых практик, в 1887 г. выпускнику присваивается высшая ученая степень кандидата лесоводства.

Удивительным образом в студенческие годы Н. А. Михайловский сумел сохранить политический нейтралитет. Он не имел идеалистических представлений о «богоизбранности» царизма и прохладно относился к революционному движению. После 1917 г. остался беспартийным, так и не вступив в ряды ВКП(б).

На правительственную службу в Лесной департамент (находился в ведении Министерства государственных имуществ) Н. А. Михайловский поступил сразу по окончании курса наук и до конца своих дней в том или ином виде не прерывал связи с делами управления лесного и рыбоохотничьего хозяйства. Точное прохождение штатов и занимаемых должностей по годам не установлено, так как отсутствует наличие служебного формуляра. Приблизительно же ход назначений и перемещений имеет порядок, соответствующий дореволюционной практике продвижения по служебной лестнице в указанном выше ведомстве и затем Министерстве Земледелия ДВР. Карьера началась с должности помощника лесничего в Сувалкской и Архангельской губерниях. Далее мы укажем основные этапы профессионального роста и повышения в занимаемой должности¹:

В 1887 г. Н. А. Михайловский назначается Подлесным Пурвянской лесной стражи Августовского Лесничества (Сувалкская губерния Царства Польского). Это низшая ступень штат-

¹По материалам ГАЗК. Ф. Р-1565.

ного сотрудника лесного ведомства, занимающегося охраной казенных лесов. Через пару лет переводится в Ганчанское лесничество (Сувалкская губерния) с последующим повышением до лесничего. В 1890-е гг. направлен в Шенкурское лесничество (Архангельская губерния). Затем следует назначение в техническую часть по лесоустройству и назначается таксатором (оценщиком стоимости деловой и прочей древесины): а) в Киевскую губернию, где исполнял обязанности заведующего лесоустроительной партии, сводной из двух ранее там бывших; б) после на Урал в горнозаводский округ.

В это же самое время принимал активное участие в научной, редакторской и литературно-просветительской работе. Наибольший вклад на данном этапе внесён в период сотрудничества с издательствами охотничье-промысловых журналов «Природа и охота» (заступил на место дяди, отошедшего от дел) и «Наша охота» с 1907 г.

В 1908 г. (или в 1910 г.) утверждён в чине коллежского советника, что позволяло в случае освобождения вакантного места занять должность делопроизводителя или начальника отделения в Лесном департаменте (или любом другом центральном учреждении). В 1910 г. откомандирование с оставлением в корпусе Лесничих на земскую службу для производства оценочных (таксаторских) работ в Тверской и Орловской губерниях. В 1911 г. переводится в Переселенческое управление (находилось в ведении Главного управления Земледелия и землеустройства Министерства внутренних дел) Вологодской, а затем Семипалатинской области производителем работ и заведующим третьим Павлодарским переселенческим районом. По всей вероятности, занимался организацией хозяйственно-бытового устройства крестьян-переселенцев на территории Павлодарского Прииртышья в рамках столыпинской аграрной реформы.

В годы Первой мировой войны назначается производителем работ старшего оклада (Переселенческое управление) Амурской землеотводной партии для работ в Забайкалье (до 1917 г.) – осуществление топографического и геоботанического обследования пригодных для сельского хозяйства земель, межевания переселенческих участков и старожильческих селений в области.

После образования в ноябре 1918 г. Омского правительства во главе с А. В. Колчаком Н. А. Михайловский был зачислен в Департамент земледелия на должность заведующего Иркутско-Забайкальским охотничьим районом (1919–1920). Делами Управления рыбо-

охотничьей отрасли экономики Забайкалья и отчасти морскими звериными промыслами ДВР и Дальнего Востока напрямую он занимается с 1919 по 1924 г. В сентябре 1920 г. Иркутско-Забайкальский охотничий район (точнее, уже Забайкальский охотничий район) был расформирован, Н. А. Михайловский назначен заведующим подотделом охоты и рыболовства Лесного отдела Министерства земледелия ДВР. Одновременно он входил в состав Союза лесоводов ДВР, выполняя функции заместителя председателя союза.

В конце 1922 г., после вхождения территории ДВР в состав РСФСР, Н. А. Михайловский продолжил трудовую деятельность в роли служащего Земельного отдела Дальревкома (Дальневосточный революционный комитет) подотдела рыболовства и охоты в должности заведующего научно-промысловой частью. В его компетенцию входил следующий перечень работ: а) выполнение обязанностей заведующего подотделом рыбоохоты; б) разработка и составление законодательных предложений по вопросам охоты, рыболовства, рыбоводства и морских звериных промыслов; в) составление обязательных постановлений, до рыболовств и охоты касающихся; г) инструктирование местных промысловых органов по техническим делам; д) определение источников и предметов охотничьего и рыболовного промыслов, подлежащих обложению промысловым налогом; установление форм взимания промыслового налога и формирование ставок промыслового охотничьего и рыболовного налога по соглашению с отделом финансов и рабкрином (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции); е) консультирование по разным проблемам и представительство на технических совещаниях. Из Земельного отдела Дальревкома учёный перевёлся в Земельное управление Забайкальской губернии, занимающееся вопросами охоты и кедрового промысла. Принимал активное участие в подготовке к Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. по части организации выставочных работ от промыслового отдела.

С 1924 по 1930 г. Н. А. Михайловский преподавал в лесном отделении Читинского политехнического, а затем лесотехнического техникума (ныне Читинский политехнический колледж) дисциплины, связанные с лесоводством, лесной таксацией и лесоустройством. Он совмещал преподавательскую деятельность с работой в Управлении Забайкальской железной дороги на должности лесовода с 1925 г. [6–8; 10].

Н. А. Михайловским написаны десятки научных и научно-популярных работ по охотничьему и рыболовному промыслу, спортивной охоте, промысловому законодательству, лесоводству и т. д. Рукописи и отпечатанные на машинке тексты находятся в ГАЗК, фонд Р-1565. Подавляющее большинство материалов никогда не публиковалось в открытой печати, за исключением ряда статей и небольших по объёму заметок в указанных выше столичных охотничьих журналах, периодических изданиях ДВР, Забайкалья и других регионов Дальнего Востока. Из известных на сегодняшний день трудов необходимо выделить такие, которые до сих пор не утратили научной актуальности и могут быть востребованы молодым поколением охотоведов, лесоводов и историков, занимающихся изучением региональной истории становления и развития рыбоохотничьего дела и лесоводства:

- «Краткий очерк охотничьих промыслов в Забайкальской губернии»;
- «Охотничий вопрос и роль концессионной формы эксплуатации пушных богатств в организации правильного охотничьего хозяйства»;
- «Проект Всероссийского закона об охоте»;
- «Значение оленеводства в экономике Забайкальской губернии»;
- «Лесоводство»;
- «Лесное хозяйство Забайкалья»;
- «Кедровый промысел»;
- «Исследование хозяйственное или изучение внутренних условий лесного хозяйства»;
- «Материалы по лесной таксации»;
- «Рыбопромысловое значение Баунтовских, Витимских, Еравнинских и Арахлейских озёр Забайкальской губернии»;
- «Озёрно-речное рыболовство»;
- «Водные богатства русского Дальнего Востока»;
- «Стрельба на призы и её правила» и т. д.

Н. А. Михайловский неоднократно предпринимал попытки опубликовать законодательные проекты по реорганизации охотничье-промыслового хозяйства и монографические работы. В первом случае «Проект Всероссийского закона об охоте», написанный ещё в 1912 г. и время от времени корректирующийся, удалось напечатать к 1920 г. более чем наполовину (в плане количества листов, но не тиража). К сожалению, дальше дело не пошло по причине отсутствия у Министерства земледелия ДВР необходимых денежных средств [4, с. 72–80; 3, с. 53–56]. Изучив факторы всестороннего воздействия применяемых в XIX – 20-е гг. XX в. форм эксплуатации на промысловые угодья

тайги, озёрно-речную систему и акваторию морского побережья Дальнего Востока, он пишет в течение двух месяцев 1924 г. трёхтомный труд «Охотничий вопрос и роль концессионной формы эксплуатации пушных богатств в организации правильного охотничьего хозяйства». Расставив акценты на рациональной практике опромышления, внедрения звероводства и рыбоводства, борьбы с браконьерством, совершенствования законодательных основ промысловой политики, сохранения быта и традиционного образа жизни коренных народов – как основных добытчиков пушнины [1, с. 116–118], автор крайне нелестно отзывался обо всех предыдущих этапах строительства рыбоохотничьего хозяйства [5, л. 257].

По понятным причинам центральные редакционные коллегии требовали от автора пояснительных записок, где были бы разъяснены «возмутительные нападки на лиц государственной важности». На это следовал поразительный в своей твёрдости ответ: «Свободный автор ответственен лично перед публикой, а не комиссией, в которой, несомненно, будет столько же мнений, сколько и судей, а потому решить заранее, которое из мнений будет решающим, невозможно». Изрядная резкость обосновывалась беспросветностью правительственного следования (за редким исключением в лице Омского Правительства, указы 1919 г. № 437, 439 и 441 [13]) по пути хищнического истребления промысловой фауны и особенностями личной жизни. О ней Н. А. Михайловский писал немного, но содержательно. В рамках статьи будет уместным привести несколько архивных выдержек из сохранившихся записей: «Дело охоты для меня было центром моей жизни; охоте я пожертвовал карьерой, на которую мог рассчитывать, обладая дипломами трёх высших учебных заведений; для охоты я перемещался по самым отдалённым окраинам России, отказываясь от видных назначений и неся тяжесть переездов... Заняв должность заведующего Иркутско-Забайкальским охотничьим районом и не получая операционных средств, я затратил на канцелярию все мои маленькие сбережения около 20 тыс. керенками, не получив возврат не только полушки, но простого спасибо». «В тайге я провел большую часть жизни, любя страстно только природу... Я со дня издания журнала «Наша охота», заменившего сабанеевский журнал («Природа и охота», создатель и главный редактор Л. П. Сабанеев), считаясь его видным сотрудником, также стойко продолжал защиту охотничьих интересов и тоже не вижу результатов деятельности как своей, так и прочих авторитетных охотничьих писателей, тщетно старав-

шихся воздействовать на общество и правящие сферы... Что касается отношения к промышленной политике периода минувшего и текущего, то для меня как человека беспартийного, от юности стоявшего вне и далеко от всякой ответственности, оба периода одноценны, почему я и расцениваю их одинаково, говоря только правду и не умозрительно, а подчёркивая факты действительности».

Опираясь на изученные факты, в заключение мы сделаем несколько спорный вывод, поскольку считаем необходимым подчеркнуть не совсем очевидные вещи. Н. А. Михайловский посвятил всю свою сознательную жизнь

не столько промышленной отрасли сырьевой экономики, хотя его вклад огромен и неоспорим [2, с. 640–664], сколько делу исправления человеческих пороков. Безжалостно бичевал алчность, жадность, равнодушие и жестокость современников, живущих фарисейскими принципами наживы и безучастных к живому организму планеты. Он искренне полагал, что вековая тщетность воздействия на общество и правящие сферы в области защиты охотничьих и иных интересов, напрямую связанных с эксплуатацией биологических ресурсов, всё равно приведёт к проблеску рассвета сознательного и бережливого отношения к природе.

Список литературы

1. Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Чита, 16 мая 2019 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 116–118.
2. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики (1920–1922) // Историко-экономические исследования. 2019. № 4. С. 640–664.
3. Беспалько Д. Н. Проект Н. А. Михайловского по реорганизации охотничье-промыслового хозяйства в ДВР // ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (6–8 апреля 2020 г.) / отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 53–56.
4. Беспалько Д. Н. Нормативно-правовые акты Дальневосточной республики (1920–1922), регулирующие правила охотничье-промысловой деятельности населения // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 72–80.
5. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р. -1565. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАЗК. Ф. Р. -1565. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАЗК. Ф. Р. -1565. Оп. 1. Д. 32.
8. ГАЗК. Ф. Р. -1565. Оп. 1. Д. 43.
9. ГАЗК. Ф. Р. -1565. Оп. 1. Д. 53.
10. ГАЗК. Ф. Р. -358. Оп. 1. Д. 105.
11. Климов Г. Ф. История управления лесами Забайкалья. Чита: Чит. городская тип., 2022. 448 с.
12. Петряев Е. Д. Краеведы и литераторы Забайкалья. Библиографический указатель. Дореволюционный период. Чита: РИО Чит. Упрполиграфиздательства, 1981. 128 с.
13. Правительственный Вестник. 1919. № 191. С. 1–2.
14. Самойлов Е. Б. Рассказы забайкальского охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 260 с.

Сведения об авторе

Беспалько Д. Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, bespalkodenis84@mail.ru

Bespalko D. N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikalian State University, Chita, Russia, bespalkodenis84@mail.ru

.....

УДК 37:93/94(571.54)

Создание системы гражданско-патриотического воспитания в Бурят-Монгольской АССР (1920–1930-е гг.)

Алтына Мункожаргаловна Шойдонова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия
shoyd89@mail.ru

История создания системы гражданско-патриотического воспитания в Бурят-Монгольской АССР представляется важной и актуальной темой для исследования. Особый интерес вызывает период модернизации и культурной революции 1920–1930-х гг. Автором осуществлена попытка изучить факторы, повлиявшие на формирование гражданского сознания военного поколения советских людей. Для выполнения основной цели исследования изучены биографии наиболее выдающихся фронтовиков, рассмотрена система патриотического воспитания в республике. Привлечены архивные материалы, статистические данные и газетные статьи того времени. Часть представленных материалов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание, культурная революция, государственная политика, героизм, система воспитания

Creation of a System of Civic-Patriotic Education in the Buryat-Mongolian ASSR (1920–1930s)

Altyna M. Shoydonova

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia
shoyd89@mail.ru

The history of the creation of a system of civic-patriotic education in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic seems to be an important and relevant topic for research. Of particular interest is the period of modernization and cultural revolution of the 1920–1930s. The author made an attempt to study the factors that influenced the formation of the civil consciousness of the military generation of Soviet people. To fulfill the main goal of the study, the biographies of the most outstanding front-line soldiers were studied, and the system of patriotic education in the republic was considered. Archival materials, statistical data and newspaper articles of that time were involved. Some of the presented materials are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Civic-Patriotic Education, Cultural Revolution, Public Policy, Heroism, Education System

В 1920–1930-е гг. Советская Россия нуждалась в формировании консолидирующего фактора, который обеспечивал целостность и нерушимость территориальных границ, а также единство многонационального общества. Успешное социально-экономическое и культурное строительство было возможно только при наличии у большинства гражданского сознания, патриотических чувств и гордости за достижения социалистического общества. Вследствие этого понимания первые десятилетия деятельности советского государства стали временем поиска наиболее успешных форм патриотической работы с населением.

Успешное гражданско-патриотическое воспитание невозможно без создания определённой системы и проведения постоянной планомерной работы с населением. В области государственной политики периода 1920–1930-х гг. был взят курс на всестороннюю модернизацию.

Всё острее ощущалась необходимость направить имеющийся человеческий потенциал и ресурсные мощности на строительство промышленной, сельскохозяйственной и интеллектуальной базы советского государства. Высшими эшелонами партийной номенклатуры осознавалась необходимость формирования консолидирующего фактора, способного обеспечить целостность и единство многонационального общества.

С учётом долгого лихолетья явственно понималась необходимость возвращения патриотических чувств и гражданской ответственности с самого юного возраста. Успешное социально-экономическое и культурное строительство было возможно только при самоотверженной отдаче советского человека для достижения общей цели. Настоящий гражданин должен был направить весь интеллектуальный потенциал, физические ресурсы и таланты на про-

цветание страны. Таким образом, первые годы советской культурной революции происходили в непрерывающемся поиске наиболее успешных форм гражданско-патриотического воспитания населения.

Руководство страны в полной мере осознавало необходимость формирования нового общества, преданного коммунистическим идеалам и взглядам. На самом высоком уровне утверждалось, что патриотизм является частью государственной идеологии и политики [35, с. 190]. Каждый съезд ВКП(б) подчёркивал необходимость организации патриотического воспитания подрастающего поколения [31, с. 136]. Особого интереса заслуживает выступление И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б) [47]. В его речи сообщалось о необходимости консолидации перед лицом возможной агрессии со стороны западноевропейских держав. В дальнейшем был запущен целый комплекс мероприятий по организации гражданского воспитания и военно-патриотической подготовки населения, были усилены целенаправленная идеологическая работа, в обществе формировались новые ценностные установки и поведенческие практики.

Советским правительством былработан значительный опыт реализации патриотического воспитания в 1920–1930-е гг. В орбите внимания находилось не только подрастающее поколение и работающая молодёжь, но и взрослое население страны. Главными инструментами выступали государственные и общественные организации, средства массовой информации, художественные произведения, кинематограф, радио и многое другое.

Распространение единой идеологической концепции и методов патриотического воспитания осуществлялось на территории всей страны, в том числе и в национальных окраинах. 30 мая 1923 г. была образована Бурят-Монгольская АССР со столицей в г. Верхнеудинске. Данное событие запустило процессы трансформации социально-экономической сферы в республике. Региональные власти выделяли несколько стратегических задач, необходимых для эффективного социалистического строительства. В зоне особого внимания находились вопросы гражданского и патриотического воспитания населения.

19 сентября 1926 г. открылось первое республиканское совещание по вопросам культурно-национального строительства. В работе совещания приняли участие 99 чел., а также два представителя Монгольской народной республики [5]. На мероприятии присутствовали ответственные работники партийных, обще-

ственных и образовательных заведений. Центральным событием стал доклад М. Н. Ербанова «Вопросы культурно-национального строительства Бурятии». В выступлении были изложены положения об организации культурной революции в Советском Союзе. Михай Ербанов сообщил широкой публике основные направления деятельности государственных учреждений и общественных учреждений.

В докладе были сформулированы важнейшие задачи революции в республике, изменения должны были коснуться ликвидации повальной неграмотности, воспитания региональных кадров интеллигенции, развития национальной культуры и школы. В выступлении прослеживалась сквозная идея того времени – создание гражданского общества, возвращённого на принципах марксизма-ленинизма и идеологии коммунизма.

На собрании были выделены факторы, тормозящие всестороннее переустройство БМАССР. Утверждалось, что они заключены в региональной специфике: чрезвычайной экономической и культурной отсталости региона, значительном влиянии религии и духовенства, отдалённостью и окраинным положением республики. Действительно, Советская Бурят-Монголия представляла собой отдалённую национальную окраину, основное население которой было неграмотным или малограмотным. Образованное население концентрировалось в двух самых крупных населённых пунктах региона – Верхнеудинске и Троицкосавске. В сельской местности грамотные люди составляли незначительную долю и были буквально на пересчёте.

Особый интерес вызывает исследование Центрального статистического управления РСФСР. Были представлены сравнительные данные показателей грамотности населения в разных регионах страны в 1928 г. Сообщалось, что в Ленинградском районе грамотность составляет 96,2 %, в центральных промышленных регионах – 94,9 %, в европейской части РСФСР – 87,5 %, в Башкирии – 75 %, в Бурятии – 74 % [41]. В представленном рейтинге Бурятия сумела обойти только показатели Дагестана. Работники местной печати довольно сильно сетовали на то, что регион находится на предпоследнем месте по грамотности в РСФСР и даже выпустили соответствующую статью по этому поводу.

Несомненно, воспитание гражданственности и патриотизма возможно только в среде образованных людей. В связи с этим в республике оперативно решались задачи организации народного просвещения и создания сети

культурно-просветительских учреждений. На 1 августа 1924 г. было организовано 35 ликпунктов, 49 изб-читален, 44 библиотеки, 17 клубов, 3 школы для взрослых, 2 музея [48]. В 1925 г. насчитывалось уже 306 ликпунктов, 116 изб-читален, 75 библиотек, 16 клубов, 228 красных уголков, 216 хотонных школ и 6 кинопередвижек [12, с. 116]. В 1941 г. – 161 изба-читальня, 525 клубных учреждений и красных уголков, во всех аймачных центрах имелись Дома культуры, три музея, 147 киноустановок [9, с. 14].

Вопрос ликвидации безграмотности решался довольно успешно, учитывая серьёзный дефицит финансовых и трудовых ресурсов. В этом отношении показательны следующие статистические данные, раскрывающие долю грамотного населения в разные временные периоды: на 1923 г. – 21,7 % и на 1933 г. – 77,7 % [26, с. 10]. Таким образом, за одно десятилетие общая грамотность населения возросла более чем в три раза.

Созданная в стране образовательная система в содержательном отношении была ориентирована на гражданско-патриотическое воспитание населения. Здесь стоит отметить влияние главных идейных генераторов трансформации советского образования – А. В. Луначарского и Н. К. Крупской. Именно они формировали новые тенденции в образовательной политике и определяли идейное и идеологическое содержание процесса обучения в школе, профессиональных образовательных учреждениях и культурно-просветительских организациях.

А. В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР, был солидарен с партийной верхушкой в вопросе идеологизации общего образования. Он считал, что главной задачей образования является всесторонняя подготовка подрастающего поколения к социалистическому строительству. Согласно его представлениям, возможности качественной трансформации общества были возможны только в случае осознанного понимания гражданами внутренних и внешних задач советского государства [36, с. 40–47].

Н. К. Крупская, как один из видных организаторов народного образования, видела главную задачу школы не только в прохождении обучающимися общеобразовательного минимума, но и в формировании коммунистического сознания и мышления [35]. При этом, в её понимании, патриотизм воспринимался как часть сугубо мещанского воззрения. Н. К. Крупская полагала, что каждый советский гражданин должен не ограничивать себя бессмысленной верностью отдельной стране, а мыслить более

высокими категориями. Напомним, что генеральной задачей Советской России оставалась всеобщая социалистическая революция, распространение коммунистического движения и установление социального и национального равенства в мире.

В подобном ключе высказывались другие выдающиеся советские педагоги – А. С. Макаренко, П. П. Блонский, М. М. Пистрак, В. А. Сухомлинский и др. В 1920–1930-е гг. все педагогические концепции так или иначе настаивали на создании условий формирования гражданственности и патриотизма в подрастающем поколении и обществе. Во многом благодаря их интеллектуальной и педагогической деятельности были осуществлены самые важные мероприятия по организации патриотического воспитания населения.

Следование генеральной линии привело к тому, что одной из важнейших задач образовательного процесса в школах и культурно-просветительских учреждениях становится идеологическая подготовка обучающихся. Она наиболее ощутимо проявлялась в процессе изучения ряда образовательных дисциплин, в первую очередь литературы и истории.

Содержание отечественной литературы претерпело значительные изменения в первые советские годы. В это время формировались объединения пролетарских писателей, создавалась детская литература, актуальным трендом в искусстве становится социалистический реализм. В 1920 г. был организован союз писателей под названием «Литературный фронт». В его руководство вошли А. В. Луначарский, А. С. Серафимович, М. Н. Покровский и др. Позже формируются новые творческие объединения пролетарских писателей: Союз пролетарских писателей, Московская ассоциация пролетарских писателей, «Кузница» и др. [8, с. 28]. Главную задачу своей деятельности члены сообществ видели в усилении роли марксистских идей в литературных произведениях [Там же, с. 23].

Создаётся детская литература, печатаются народные сказки, былины и легенды. Особую популярность получили древнерусские былины и легенды о героях-богатырях. Большое значение в патриотическом воспитании имели рассказы о детстве и юношестве В. И. Ленина (автор М. Д. Бонч-Бруевич). Со второй половины 1930-х гг. появляется множество произведений так называемого «оборонного направления». Стоит выделить следующие авторские работы: К. Симонова «Слышишь, как порохом пахнут передовые статьи и стихи?», П. Когана «Нам лечь, где лечь», М. Кульчицкого «Военный год

стучится в двери моей страны» и др. Военная тематика отразилась и в книгах Н. Шпанова «Первый удар», П. Павленко «На востоке» и др. [42, с. 88–89].

Изменения в содержании произведений происходят в бурятской национальной литературе. Со второй половины 1920-х гг. издаются Х. Намсараев, Ц. Дон, Б. Базарон, Б. Абидуев, Д. Дашинимаев и др. [8, с. 40]. В их литературных произведениях повествуется об изменениях в привычном укладе жизни, новых социальных отношениях в деревне, новых перспективах, связанных с внедрением новой техники и коллективного труда.

В школьном курсе особое место отводилось программе учебной дисциплины «История». В 1920-е гг. историческое образование подрастающего поколения носило схематический и обобщённый характер. В это время только формировались основные принципы изложения исторических событий в соответствии с марксистско-ленинской теорией. С 1921 по 1932 г. в школы массово поступал первый советский учебник истории «Русская история в самом сжатом очерке», автором которого стал М. Н. Покровский.

В период 1930-х гг. происходят значительные сдвиги в вопросе преподавания отечественной истории, которая становится обязательной в школьном обучении. Учителями и авторами учебников значительное внимание уделялось революционному, декабристскому и крестьянскому движению. Происходит переоценка внутренней и внешней политики российских правителей. Примеры героических подвигов российской армии позволяли формировать патриотические убеждения детей и молодёжи. Значительное внимание акцентируется на героях революционной борьбы 1905 г., Февральской и Октябрьской революций 1917 г., Гражданской войны 1917–1922 гг. В школах организуются тематические вечера с красноармейцами, революционерами, героями гражданской войны, участниками боёв на Халхин-Голе.

Значительные ресурсы были направлены на специальную подготовку учителей истории, создавались учебники по истории в соответствии с новыми концепциями. Ранее расформированные исторические факультеты вновь создаются в институтах и университетах [32, с. 217–243]. Так, с 1932 г. начинает свою деятельность Бурят-Монгольский агропедагогический институт в г. Верхнеудинске. С первых дней начинают работу историко-экономическое отделение и кафедра истории. Заведующим

кафедрой был назначен профессор Н. И. Козьмин, а первый набор студентов составил 25 человек [23, с. 13].

Масштабная идеологическая работа проводилась в культурно-просветительских учреждениях. Избы-читальни создавались специально для нужд сельской глубинки, особенно там, где проживало бурятское население [4]. Данные учреждения являлись центрами политической работы с местным населением, прежде всего, с взрослыми. Основной задачей изб-читален являлась трансляция новых форм и принципов социалистического уклада и культуры [38, с. 80]. В функционал «избачей», культурно-просветительских работников входили следующие задачи: организация тематических бесед и лекций, публичная читка прессы и художественной литературы, прослушивание радиопередач, пропаганда правовой грамотности, обсуждение важнейших всесоюзных новостей [27]. Их работа находилась под строгим контролем местных органов власти и надзора.

Для охвата не только молодёжи, но и более возрастной аудитории, формировались специальные агитаторские группы. Благодаря их инициативе в селе и городе проводились специальные обсуждения, организовывались живые журналы и вечера. Проведение подобных мероприятий стало важной частью новой советской действительности и положительно сказывалось на формировании гражданского общества и сознания.

Особое внимание уделялось работе сельских корреспондентов, которые осуществляли работу в клубах и красных уголках. В их задачи входило освещать актуальные общественно-политические события и формировать патриотическое сознание среди населения. Селькоры готовили стенгазеты, содержание которых должно было соответствовать официальной государственной идеологии. Работа селькоров подвергалась контролю и цензуре как надзорными органами, так и широкой общественностью. На страницах местной передовицы изобличалась некачественная работа сельских корреспондентов, что выражалось в слабом освещении марксистско-ленинской теории [14].

Особое значение имела клубная деятельность, организационно оформившаяся в 20–30-е гг. В 1923 г. был организован Губернский партийный клуб им. Ф. Энгельса в доме купца Голдобина. Членами клуба выпускалась газета «Искра», были оборудованы общественные помещения для совместного пользования (библиотека, читальный зал, чайный буфет) [21]. Главной целью объединения было формирование марксистского мировоззрения среди его

членов. Деятельностью клуба руководил агитационный отдел Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б). В 1923 г. заметной была деятельность Верхнеудинского межсоюзного клуба им. В. И. Ленина. Задачи клуба заключались в политическом воспитании рабочих и служащих. При объединении действовала коммунальная библиотека, в которой были зарегистрированы 433 читателя [23].

Клуб 40-го дивизиона войск Государственного политического управления размещался в здании Старого общественного собрания. За ведущим клубом был назначен товарищ Мамонтов, при клубе действовала общественная библиотека [40]. Также некоторое время существовали Юношеский дворец им. К. Либкнехта на основе гарнизонного клуба, Клуб красных милиционеров на ул. Смолина, Клуб коммунальников «Красный уголок» в доме Второва на ул. Коммунистической, Клуб им. Красного Октября при государственном винокуренном заводе № 1 в пос. Николаевский и ряд других.

В Бурят-Монголии ещё с 1927 г. началась деятельность Союза обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР. Осоавиахим отвечал за воспитание граждан в духе советского патриотизма и организацию допризывной подготовки. В период с мая по апрель 1927 г. происходило оформление 386 первичных ячеек в Бурят-Монголии: 201 сельская, 101 при госучреждениях, 32 при школах, 21 фабрично-заводская, 19 транспортных, 12 военных [1]. К 1940 г. по различным военно-учётным специальностям было подготовлено несколько десятков тысяч человек. Было создано 1 027 первичных организаций, 35 287 человек стали членами общества [18, с. 168].

В 1935 г. был организован Улан-Удэнский аэроклуб, за пять лет выпустивший 300 лётчиков запаса. Аэроклуб стал точкой притяжения для городской молодёжи. Выпускниками аэроклуба стали выдающиеся лётчики, в том числе герои Советского Союза П. Т. Харитонов и В. П. Михалев [19]. Таким образом, благодаря деятельности Осоавиахим, были воспитаны настоящие патриоты и герои страны, с честью выполнившие свой гражданский долг.

Таким образом, созданная в республике культурно-просветительская сеть не только являлась действенным инструментом борьбы с общей безграмотностью, но и решала дополнительные задачи, в том числе воспитание населения в духе действовавшей социалистической идеологии.

Другим важным элементом системы гражданско-патриотического воспитания становится культурная сфера. Для широкой аудитории

стали доступны печатные средства массовой информации. Газеты и журналы стали важными инструментами патриотического воспитания и идеологической подготовки населения. Наиболее доступной газетой для массового читателя являлась «Бурят-Монгольская правда» [7]. Многочисленных читателей имели газеты «Центральная Правда», «Восточно-Сибирская Правда», журналы «Под знаменем марксизма», «Большевик» [27]. В печать выходили профессиональные газеты, в их числе «Штурм» для железнодорожных рабочих и «Аврал» для работников водного транспорта [48]. Для пионеров выпускались газеты «Внучата Ленина» и «Ленинец Бурятии» [29].

В 1930-х гг. издавались следующие журналы и альманахи на бурятском языке: «Тэмсэлэй шэмэг» («Украшение борьбы»), «Соелой хубисхал» («Культурная революция»), «Бата зам» («Верный путь»), «Бурядай гэгээрэл» («Просвещение Бурятии») и другие издания. На страницах местной печати освещались достижения советского государства и общества, биографии и деятельность рядовых тружеников, а также важнейшие события в стране и мире.

В республике появилось регулярное радиовещание, не только ставшее способом повседневной передачи самых актуальных новостей, но и главным рупором идеологической пропаганды, важнейшим инструментом гражданско-патриотического воспитания и просвещения. Начало радиофикации республики было положено в марте 1926 г., когда было создано региональное отделение радиолюбительской организации «Общество друзей радио». Общество объединило множество энтузиастов: в Верхнеудинске насчитывалось девять ячеек, в районах республики их было шестнадцать. В 1927 г. имелось четыре радиоприёмника, в 1929 г. использовалось уже 99, в 1937 г. действовало 5,7 тыс. трансляционных радиоточек, в том числе 3,5 тыс. в сельской местности, в 1940 г. использовалось более 16,9 тыс. радиоточек, из которых 5,5 тыс. в улусах и сёлах [6; 20, с. 14–15].

Значимым событием столичной жизни в 1927 г. стала установка радиорепродукторов в железнодорожном клубе, Центральной районной комиссии и Совнарком [40]. Воспроизводились выступления лидеров страны, новостные сводки и концертные программы. Особый интерес вызывает вечерняя телепередача «Новости телеграфа», выходившая в эфир два раза в неделю. В рамках передачи передавалась актуальная политинформация в виде выступлений заметных партийных и общественных деятелей. Зимой 1929 г. была установлена

широковещательная станция, позволившая сельским жителям слушать программы эфирного вещания один раз в неделю по два часа [20, с. 13].

Радио в качестве инструмента воспитания населения наиболее широко стало использоваться в 1930-е гг., когда начинается массовая радиофикация городов и сёл республики. Громкоговорители устанавливались в клубах, красных уголках, предприятиях, домах. Наибольший интерес у публики вызывали радиобеседы с тружениками заводов и колхозов. Постепенно формируется образ отличника труда и передовика производства.

Радиобеседы имели положительное значение в создании благоприятного имиджа советских тружеников, благодаря им демонстрировались позитивные примеры трудовой деятельности. Дополнительно практиковались радиопередачи состроек, цехов и полей, где респондентами становились обычные труженики. Значительное внимание уделялось военно-патриотическому воспитанию трудящихся. Местное радиовещание пополнилось сюжетами, наполненными политпропагандой, просвещением в области военных знаний, рассказами о боевых и революционных традициях.

Новые реалии времени ознаменовались значительным влиянием кинематографа на умы граждан. 1 ноября 1923 г. открыт кинотеатр «Золотой уголок», переименованный 11 октября 1923 г. в кинотеатр «Дон-Отелло» [15; 29]. Позже с 11 июля 1923 г. кинотеатр носит новое название – «Пролеткино». С июля 1924 г. в Верхнеудинске действовали кинотеатры «Арс» и «Эрдэм». Поход в кинотеатр становится важной частью культурной жизни городского населения. Особое внимание уделялось идеологическому и патриотическому значению представляемых кинокартин. В 1937 г. был образован Комитет по кинематографии при Совете народных комиссаров БМАССР [2]. Для сельских районов организовывались передвижные кинотеатры.

В августе 1924 г. успешно прошёл показ героико-патриотического кинофильма «На крыльях ввысь». Сюжет фильма повествовал о русском инженере Глаголеве и его сыне авиаторе-конструкторе Борисе. Оставлена заметка о реакции местной публики на фильм: «Кинематограф переполнен, преобладает пролетарский элемент. Эта публика особо заинтересована и от нетерпения начинает стучать ногами, требуя начала. Показывают создание воздушного флота, козни и происки белых шпионов, подвиги красных лётчиков» [38]. Данный фильм

стал первым полнометражным фильмом Госкино. Картина не сохранилась, копии фильма не найдены.

В 1938 г. выходит пропагандистский фильм «Если завтра война», получивший широкое признание в самых высших эшелонах власти и военного командования. Творческая команда Е. Дзигана пыталась передать патриотический посыл своим зрителям, сюжет фильма сообщает о готовности советского государства и армии противостоять возможному нападению потенциального агрессора.

В 1920–1930-е гг. советские граждане стали свидетелями работ выдающихся режиссёров монументальных советских картин: С. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» и «Октябрь», Н. Экка «Груня Горнакова», Г. Васильева и С. Васильева «Чапаев» и др. Перечисленные картины формировали в зрителях патриотический дух и особое отношение к историческому прошлому страны. Картины транслировались как в профессиональных кинозалах, так и благодаря сельским кинопередвижкам.

Первый секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) М. Н. Ербанов признавал «почётной большевистской задачей» дальнейшее создание системы патриотического воспитания подрастающего поколения Советской Бурятии [26, с. 39]. С этого времени все усилия были направлены на развитие детско-юношеских и молодёжных объединений: Октябрьской организации, Всесоюзной пионерской организации и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи.

Организационное оформление октябрятского движения в Бурят-Монголии осуществляется с конца 1924 г. [10, с. 66]. В отряды входили обучающиеся в возрасте 7–9 лет, над которыми шефствовали пионерские дружины и комсомольцы. Дети готовились к вступлению в пионерскую организацию и участвовали в общественно значимых мероприятиях патриотической направленности: митингах, маевках, тематических вечерах. Октябрятский отряд носил название «звёздочка», определялись должности командира, политинформатора, библиотекаря, санитаря или физкультурника.

Следующей ступенью стала Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина. Руководство и шефство организации осуществлялось комсомольским движением. Создание первого пионерского отряда Бурятии произошло 27 апреля 1923 г. Его руководителем стала инициативная Мила Славина, инструктор Губкома ВЛКСМ [10, с. 64–68]. Впоследствии пионерские отряды стали создаваться повсеместно во всех муниципальных пунктах республики.

Так, осенью 1924 г. начал деятельность отряд имени Клары Цеткин в Кяхтинском районе [31]. На пионеров возлагались задачи исполнения гражданского долга посредством участия в общественно полезных мероприятиях.

5 мая 1924 г. принято считать днём рождения Бурятской комсомолки, был образован Бурятский обком ВЛКСМ. Первым секретарём комсомольской организации стал двадцатитрёхлетний Н. Е. Кузьян. Николай Евгеньевич происходил из семьи рабочих, в молодом возрасте начал трудовую деятельность, имел опыт партийной работы. Все члены комсомола подвергались тщательной проверке семейного положения, общественных взглядов, трудовой дисциплины.

Комсомольцы руководили отрядами октябрят и пионеров, работали вожатыми, проводили воспитательные и просветительские мероприятия. Представители комсомола вели тематические занятия в школе, читали лекции о структуре и дисциплинарном уставе Красной Армии, истории КПСС, отечественной истории [45, с. 97].

Активисты Комсомола организовывали и участвовали в комплексе допризывных мероприятий молодёжи, что получило особую актуальность с середины 1930-х гг. Традиционными стали специальные сборы в окрестностях г. Верхнеудинска. Участникам выдавались винтовки, патроны, условные пулемёты, противогазы. Формировались отряды артиллерии, кавалерии, техсвязи, химкоманда, санитарная группа, агитавтомобиль. Во время похода проводились импровизированные тактические бои [17].

Комсомольцы Бурятии представляли наиболее мотивированный слой общества в борьбе против фашистов, они внесли значительный вклад в дело Великой Победы на трудовом фронте. Так, лауреатами премии Ленинского комсомола и комсомола Бурятии стали старший чабан совхоза «Селенгинский» Цырендоржи Шиндаков и дояр совхоза «Саяны» Доржо Хапхаранов. Героями Социалистического Труда стали Вячеслав Аксенов, Александр Бондарь, Ольга Сангадиева, Дашинима Сундуев. Тысячи бурятских трудовиков были удостоены других высоких государственных наград [11].

Таким образом, каждый советский ребёнок проходил через своеобразные ступени инициации: «октябрёнок», «пионер» и «комсомолец». Благодаря развитию этих детско-юношеских объединений охват патриотическим воспитанием был всеобщим. В рамках коллективной деятельности детей и молодёжи создавались

условия для формирования гражданственности, патриотизма и нравственного воспитания личности.

В 1920–1930-е гг. особое внимание уделялось популяризации военнослужащих Красной Армии. Воинские части и военные подразделения, располагавшиеся на территории региона, активно участвовали в общественной жизни и разных мероприятиях. Так, 10 сентября 1923 г. в Верхнеудинск прибыла 5-я Кубанская кавалерийская бригада. Прибытие воинского подразделения было восторженно встречено публикой, на Базарной площади состоялся торжественный митинг [33]. Бригада была сформирована в 1919 г. под Астраханью, а в 1921 г. размещалась в Верхнеудинске и Троицкосавске. Бойцы получили полноценное крещение в сражениях Гражданской войны, в том числе участвовали в окончательном разгроме армии барона Унгерна. Впоследствии, с октября 1928 г. по январь 1930 г., бригада размещалась в Бурятии, её командиром был назначен знаменитый К. К. Рокоссовский. На Нижней Березовке был организован научный музей при кавбригаде. Один из его основателей – товарищ Юрьев – совершил несколько экспедиций в Монголию, где руководил на раскопках красноармейцами. Музей пользовался значительным интересом среди военных и штатских. С октября по декабрь 1923 г. музей посетило 813 красноармейцев, 597 гражданских [45].

Значимым событием эпохи стал приём бурятских трудящихся в Кремле. Событие произошло в 1936 г. (67 делегатов во главе с М. Н. Ербановым, секретарём Бурят-Монгольского Обкома ВКП(б) и Д. Д. Доржиевым, председателем Совнаркома БМАССР). Состав делегации был представительным – колхозники, доярки, чабаны, заведующие животноводческими фермами, председатели колхозов, работники совхозов, работники культуры и искусства, партийно-советские работники. Участниками делегации отмечались позитивные подвижки в бытовой, социальной и экономической жизни. В республике это событие было восторженно встречено и олицетворяло собой важные перемены в положении национальной окраины.

Жители республики ощутили себя частью единого советского народа и единой советской страны. Период 1920–1930-х гг. стал временем использования целого комплекса методов патриотического воспитания. Особое внимание в этом процессе уделялось повышению образовательного и культурного уровня населения. Активно использовались новые средства массовой информации: кинематограф, радио и газеты. С большой гордостью сообщалось

о жизни простых работников, об улучшении бытовых условий в городе и на селе, научных достижениях страны. За идеологическое и нравственное воспитание подрастающего поколения отвечали пионерская и комсомольская организация. В рассматриваемый период эти организации переживали процесс становления и оформления.

За период 1920–1930-х гг. в целом удалось преодолеть имевшиеся социальные и культурные противоречия. Созданная система гражданско-патриотического воспитания

позволила создать консолидированное гражданское общество, основой которого стали патриотизм и гордость достижениями Советской России. Результатом проведённой работы стали сформировавшиеся формы и методы нравственного воспитания. Это позволило взрастить поколение самоотверженных людей, которые с достоинством прошли через все тяготы Великой Отечественной войны и с большим энтузиазмом принялись за послевоенное восстановление народного хозяйства и просвещения.

Список литературы

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р. -1. Оп. 1. Д. 2511.
2. ГАРБ. Ф. Р.-248. Оп. 1. Д. 46.
3. ГАРБ. Ф. Р.-248. Оп. 14. Д. 52.
4. ГАРБ. Ф. Р.-475. Оп. 1. Д. 47.
5. ГАРБ. Ф. Р-1717. Оп. 1. Д. 2.
6. 40 лет радиофикации в Бурятии // Календарь знаменательных и памятных дат на 1966 год по Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. С. 31.
7. Алгашинский. В деревню и улус – газету // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 96. С. 1.
8. Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
9. Базаржапов В. Б. Трудовой подвиг тыла. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2000. 160 с.
10. Балакирев А. Н. Основные этапы детского движения в Бурятии (к 90-летию создания республиканской пионерской организации) // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. С. 64–68.
11. Будожаров С. Б. Пульс века // Вживаясь в глубину столетия: воспоминания. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. С. 6–13.
12. Бурят-Монгольская АССР: очерки и отчеты. Верхнеудинск: Изд-во Госплана Бурят-Монгольской АССР, 1925. 409 с.
13. Бурят-Монгольская правда. 1927. 29 марта.
14. В рабкоровских рядах // Бурят-Монгольская правда. 1927. № 169. С. 4.
15. В Кинотеатр «Золотой уголок» // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 50.
16. Вживаясь в глубину столетия: воспоминания о настоящем прошлом / ред. С. П. Будажапов. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. 367 с.
17. Вороничев Н. Ставка на хороших бойцов. 1927 // Бурят-Монгольская правда. № 196. С. 3.
18. Гармаев В. Д. Организация допризывной подготовки на территории Бурят-Монгольской АССР (1920–1941 гг.) // Военно-политическое, экономическое и культурное сотрудничество СССР и МНР в 1920–1940-е гг.: материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию создания отдельной Бурят-Монгольской Краснознаменной кавалерийской бригады. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 167–179.
19. Герои Бурятии / под ред. Д. М. Цыренова. Улан-Удэ: Республиканская тип., 2014. 136 с.
20. Голубев Е. А. Радио и его аудитория: опыт конкретно-социологического изучения аудитории радиослушателей Бурятской АССР. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 52 с.
21. Гробер Л. О партийном клубе (в порядке обсуждения) // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 54. С. 3.
22. Дворец Труда // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 11. С. 5.
23. Дашиева А. Д., Номогоева В. В. По страницам истории факультета: к 80-летию исторического факультета Бурятского государственного университета / гл. ред. А. А. Буркина. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 148 с.
24. Елаев А. А. Своими глазами // Вживаясь в глубину столетия: воспоминания. Улан-Удэ: НоваПринт, 2018. С. 23–34.
25. Ербанов М. Н. Государственная политика Бурят-Монгольской АССР // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 3. С. 1–2.
26. Ербанов М. Н. О задачах культурного строительства в республике // Бурят-Монгольский республиканский слет ударников-просвещенцев. Верхнеудинск: Бурпартиздат, 1934. С. 3–41.
27. Избы-читальни – в первые ряды // Бурят-Монгольская правда. 1929. № 58.
28. Ильина М. В. Детские СМИ Восточной Сибири 1917–1941 г. // XIV Байкальские социально-гуманитарные чтения: сб. ст. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2021. С. 29–34.
29. Кино Дон-Отелло // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 32. С. 4.

30. Косцова Г. История двух наград // Правда Бурятии. 1962. № 116. С. 4.
31. Ковалева Ю. Э., Швед Д. В., Шапранова Н. Н. Система патриотического воспитания в СССР // Учитель и время. 2016. № 11. С. 135–144.
32. Константинов С. В. Дореволюционная история России в идеологии ВКП (б) 30-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: НИИЦ «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
33. Куваев Н. Да здравствует Кубанская кавбригада // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 77. С. 3.
34. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. 747 с.
35. Крупская Н. К. Политпросветработа. М.; Л.: Учпедгиз, 1932. 319 с.
36. Луначарский А. В. Основные принципы единой трудовой школы (От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г.) // Народное образование. 1999. № 10. С. 40–47.
37. На советском боевике (наброски с натуры) // Бурят-монгольская правда. 1924. № 185. С. 3.
38. Номогоева В. В. Изба-читальня в первые годы советской власти (на примере Бурятии) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 7. С. 76–81.
39. Объявление клуба // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 14. С. 4.
40. Организация радиопередач. Первый концерт // Бурят-Монгольская правда. 1927. № 67. С. 4.
41. По грамотности мы на предпоследнем месте // Бурят-Монгольская правда. 1928. № 51. С. 4.
42. Поклонимся великим тем годам: сборник сценарных материалов / сост. В. И. Гаранкина. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2007. С. 88–89.
43. Прием делегации трудящихся Бурят-Монгольской АССР с руководителями партии и правительстве в Кремле 27 января 1936 г. М.: Первая образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», 1936. 120 с.
44. Реутов А. Жизнь Красной Армии. Храм науки // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 14. С. 3.
45. Соболева А. Н. Допризывная подготовка молодежи БМАССР в 1923–1941 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 5. С. 95–101.
46. Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б) от 27 июня 1930 г. Текст: электронный // MARXISTS INTERNET ARCHIVE. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t12/t12_21.htm (дата обращения: 13.10.2023).
47. Усилить борьбу за вооружение теорией марксизма-ленинизма // Бурят-Монгольская правда. 1932. № 13. С. 3.
48. Шрагер Я. Политико-просветительская работа в Верхнеудинском уезде // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 185. С. 2.

Сведения об авторе

Шойдонова А. М. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии, Институт истории и филологии Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, shoyd89@mail.ru

Shoydonova A. M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Buryatia, Institute of History and Philology, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russia, shoyd89@mail.ru

.....

УДК 94(510)

Истоки большевистской пропаганды в Шанхае: социалист Г. Ф. Семешко и газета «Шанхайская хроника»

Сунь Ичжи

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

yizhisun961203@gmail.com

Залпы Октябрьской революции принесли в Китай марксизм-ленинизм: в 1921 г. в Шанхае была основана Коммунистическая партия Китая (КПК). Ранняя большевистская пропаганда в Шанхае оказала существенное влияние на это событие. Данная статья посвящена истокам всей большевистской пропаганды в Шанхае – деятельности русского социалиста Г. Ф. Семешко в период лета 1919 г. и издания им газеты «Шанхайская хроника». Были выяснены политическая ориентация Г. Ф. Семешко и курс его первой газеты в Шанхае.

Ключевые слова: русская эмиграция в Шанхае, международное коммунистическое движение, Гражданская война в России, Шанхай, Китай, Г. Ф. Семешко

The Origins of Bolshevik Propaganda in Shanghai: the Socialist G. F. Semeshko and His “Shanghai Chronicle”

Sun Yizhi

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

yizhisun961203@gmail.com

The salvoes of the October Revolution brought China Marxism-Leninism, leading to the foundation of the Communist Party of China (CPC) in Shanghai, 1921, and early Bolshevik propaganda in Shanghai had a significant impact on this. This article focuses on the origins of Bolshevik propaganda in Shanghai: activities of the Russian socialist G. F. Semeshko during the summer of 1919 and the publication of his newspaper “Shanghai Chronicle”. The political orientation of G.F. Semeshko and his first newspaper in Shanghai were also reviewed.

Keywords: Russian Emigration in Shanghai, International Communist Movement, the Civil War in Russia, China, G. F. Semeshko

Русская эмиграция в Шанхае в первой половине XX в. отличалась своей политической неоднородностью. Кроме белоэмигрантов, составлявших большинство в русской колонии, в истории Шанхая оставили свой след также и социалисты разных политических течений, начиная с правых эсеров и заканчивая большевиками.

В связи с возвышением А. В. Колчака в конце 1918 г. многие сибирские социалисты были вынуждены покинуть страну. Так, например, 8 ноября 1918 г. после Омского переворота были арестованы члены Уфимской дирекции во главе с Н. Д. Авксентьевым. Все арестованные были вынуждены покинуть Россию и отправиться в Шанхай, а из Шанхая – в США и Европу. В первой половине 1919 г. в связи с репрессиями левых партий во Владивостоке поток эмиграции устремился в Китай. Среди прибывших в 1918–1919 гг. в Шанхай социалистов одной из самых влиятельных фигур для местного коммунистического движения был Г. Ф. Семешко – основатель важнейшей социалистической газеты в Шанхае «Шанхайская жизнь», в будущем ставшей большевистским органом.

Газета «Шанхайская жизнь» и её редакция как одна из самых ранних большевистских организаций в Шанхае подвергалась тщательно-му анализу в историографии. Важнейшей работой является статья Ли Даньян (李丹阳) и Лю Цзяньи (刘建一) «“Шанхайская жизнь” и ранняя большевистская деятельность в Китае (《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动)», опубликованная в журнале «Исследование Новой истории (近代史研究)» в 2003 г [30]. Авторы подробно рассмотрели деятельность редакции

«Шанхайская жизнь» в контексте развития революционного движения в Шанхае. До сих пор данная статья является самой полной и авторитетной по истории газеты «Шанхайская жизнь».

Накануне 100-летия основания Коммунистической партии Китая (КПК), благодаря усилиям профессора исторического факультета Шанхайского педагогического университета Су Чжиляна (苏智良), в Шанхае было найдено здание, в котором находилась редакция «Шанхайская жизнь». На данный момент здание в процессе реставрации.

В 1921 г. была основана КПК. Большевистская пропаганда в Шанхае оказала ключевое влияние на создание партии, ныне крупнейшей коммунистической партии в мире. Однако истоки всего этого – ранняя журналистская деятельность Г. Ф. Семешко в Шанхае летом 1919 г., были освещены в литературе недостаточно: не до конца была прояснена его политическая ориентация до «большевизации» в 1920 г., а также практически не изучалась газета «Шанхайская хроника», изданная Г. Ф. Семешко летом 1919 г. перед тем, как он учредил известную газету «Шанхайская жизнь». Эмигрантская историография полностью игнорировала эту важную фигуру в истории русской журналистики в Шанхае в связи с социалистической «натурой» Г. Ф. Семешко и его переходом к большевикам в 1920 г. Для эмиграции характерно определение газеты «Шанхайская жизнь» и Г. Ф. Семешко, данное Е. К. Гедройц, главным редактором монархической газеты «Шанхайское новое время» – «большевистская вонючка» [5, 1922, 1 дек.]. В фотоальбоме В. Д. Жиганова «Русские в Шанхае» о вкладе Г. Ф. Семешко в русскоязычную журналистику

ни слово не упомянуто. Только в конце XX в., благодаря работе шанхайского историка Ван Чжичэна, Г. Ф. Семешко вновь вернули в поле зрения эмигрантоведов. Однако из-за нехватки источников почти все суждения Ван Чжичэна о Г. Ф. Семешко были недостаточно обоснованными [31, с. 567; 32, с. 318].

В советской и русской историографии была освещена деятельность Г. Ф. Семешко до прибытия в Шанхай, в том числе революционная работа в Александровской организации РСДРП в Екатеринославе, участие в Революции 1905 г. в Саратове, ссылки, эмиграция в США в 1916–1917 гг., деятельность во Владивостоке 1917–1919 гг. [15; 18; 21; 23 и др.] Однако полноценное биографическое исследование в целом отсутствует, единственным известным нам исследованием такого рода является доклад «Опальный казак-журналист: страницы биографии Г. Ф. Семешко» известного советского историка Э. Ш. Хазиахметова, прочитанный им в 1999 г. на Третьей Всероссийской научно-практической конференции «Катанаевские чтения» в Омске [22].

В данной статье на основе документального наследия и источников личного происхождения, а также с использованием номеров газеты «Шанхайская хроника» и газеты «Шанхайская жизнь» автор предпринял попытку подробно проанализировать личность Г. Ф. Семешко, его политическую ориентацию, а также его журналистскую деятельность в Шанхае летом 1919 г.

Согласно сведениям Уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции, Георгий Филиппович Семешко родился в 1880 г. в хуторе Семешко (Блотницкая волость, Прилукский уезд, Полтавская губерния) [8, л. 1; 12, л. 1]. По другому источнику, он родился в хуторе Вишенском Прилукского уезда Полтавской губернии [13, л. 15]. Он был сыном простого казака-хлебороба, в 1889–1892 гг. учился в земской школе, с 1894 г. работал в книжном магазине в г. Александровске Екатеринославской губернии [Там же], в связи с чем в дальнейшем смог заниматься журналистской деятельностью. Согласно анкете на вступление в Общество политкаторжан, заполненной в 1929 г., Г. Ф. Семешко начал революционную деятельность уже в 1900 г., в 1900–1902 гг. состоял в Екатеринославском комитете РСДРП в качестве пропагандиста под партийной кличкой «Граф» [8, л. 1]. Однако в воспоминаниях об Александровской организации РСДРП, опубликованных в 1925 г., бывший член данной организации А. Малеев писал, что к концу 1901 г. Г. Ф. Семешко не входил в организацию, только сочувствовал и «радикальствовал»

[15, с. 4]. Непонятно точное время вступления Г. Ф. Семешко в РСДРП, можно лишь утверждать, что уже до 1902 г. он пропагандировал революционные идеи, участвовал в деятельности Александровской организации. В 1902 г. его пропагандистская деятельность была раскрыта полицией царизма и Г. Ф. Семешко попал под свой первый арест [11, л. 3, 4].

Первый арест Г. Ф. Семешко был недолгим, согласно воспоминаниям бывшего члена Александровской организации Аф. Маггала, лишь месяца два [15, с. 23]. После чего с 1903 по 1906 г. Г. Ф. Семешко переехал в Саратов. Именно в приволжском городе он встретил Революцию 1905 г. В Саратове Г. Ф. Семешко начал свою журналистскую деятельность в составе редакции газеты «Приволжский край» [10, л. 1]. Согласно сведениям царской жандармерии, во время Революции 1905 г. Г. Ф. Семешко вошёл в комитет «Боевая дружина» РСДРП в Саратове, а 18 октября 1905 г. «на Театральной площади в г. Саратове стрелял и был избит народом» [9, л. 30].

С 1906 по 1914 г. Г. Ф. Семешко несколько раз был отправлен в ссылку в Нарымский край. В личной анкете Общества политкаторжан Г. Ф. Семешко писал, что его арестовали 6 раз – в 1902, 1904, 1906, 1908, 1913 и 1914 гг. [8, л. 1]. Именно в Нарыме он познакомился с многими видными революционерами, в том числе с В. Д. Вегманом, старым большевиком, одним из виднейших культурных деятелей советской Сибири. Между ссылками ему удалось поработать в Баку и Екатеринославе [Там же], где он прославился как один из известных разоблачителей и журналистов. В Екатеринославе он сумел завести знакомства в местной городской и уездной полиции. Ему удалось создать такую атмосферу внутри полиции, что все чины начали сводить личные счеты между собой, а сам Г. Ф. Семешко в это время «разоблачал» эти споры в разных местных и петербургских газетах [9, л. 28].

Согласно ныне доступным материалам, мы не можем определить партийную принадлежность Г. Ф. Семешко после раскола РСДРП. Во всех царских доносах и рапортах его характеризовали только как члена РСДРП. Сам Г. Ф. Семешко в 1919 г. в письме В. Л. Бурцеву писал, что он «по политическим убеждениям – с-д. меньшевик, членом партии состою с юношеских лет, т. е. тоже с лишком 20 лет» [14, л. 1 об]. Однако в некоторых советских работах Г. Ф. Семешко времён Первой русской революции определён как большевик [21, с. 134]. На взгляд автора, не стоит искусственно причислять его к какой-нибудь фракции в РСДРП, ког-

да речь идёт о его дореволюционной деятельности. Сам он вспоминал в 1925 г., что в партии «активно работал лишь по 1906 г., а затем всецело отдался газетной работе, избрав в ней своей специальностью разоблачение полицейско-жандармских преступлений» [2, с. 281].

Яркая партийность Г. Ф. Семешко начала преобладать после того, как он в 1916 г. эмигрировал в США из нарымской ссылки. Изначально он получил работу в Нью-Йоркской газете «Новый мир», где сидели одни меньшевики. Однако, после того как Н. И. Бухарин и Л. Д. Троцкий приехали в Нью-Йорк, Г. Ф. Семешко как «более слабый товарищ» был вынужден уйти из редакции и переехать в Кливленд, где он редактировал украинскую газету «Рабітник» – орган Украинской федерации Американской социалистической партии [Там же].

После Февральской революции в июле 1917 г. Г. Ф. Семешко вернулся в Россию. В связи с ранением ноги он был вынужден остаться во Владивостоке. Изначально Г. Ф. Семешко был увлечён в украинском движении, стал председателем местного комитета Украинской социал-демократической рабочей партии [23, с. 133]. Однако вскоре он ушёл от украинского дела и был против отдельного обсуждения украинских вопросов вне контекста российской реальности.

Яркий меньшевизм Г. Ф. Семешко проявился в его журналистской и земской деятельности во Владивостоке. Сам он в 20-х гг. XX в. вспоминал, что «через два дня по приезде во Владивосток я уже получил в своё полное и бесконтрольное распоряжение самую большую в крае газету “Далекая окраина” и объединил вокруг нее все лучшие местные меньшевистские силы» [Там же, с. 282]. Г. Ф. Семешко не принял Октябрьскую революцию и власть Советов. В декабре 1917 г. его включили в первый состав Приморской областной земской управы, которая отказалась от сотрудничества с местным Советом [18, с. 567]. В редакции «Далёкая окраина» Г. Ф. Семешко вёл антибольшевистскую политику: «Винюват, как и многие другие, в том, что не понял революции надлежаще, вёл в газете борьбу с большевиками» [2, с. 282]. Г. Ф. Семешко был в авангарде борьбы земства против власти советов, доброжелательно встретил чешский переворот 29 июня 1918 г., в связи с чем был причислен большевиками к отряду «врага», а газета «Далёкая окраина» была раскритикована в обращении подпольного горкома РКП(б) к рабочим Владивостока после чешского переворота [17, с. 214–217].

Однако сразу после чешского переворота 29 июня 1918 г., в связи с тем, что советская

власть уже больше не угрожала существованию земства, Г. Ф. Семешко стал активно бороться сначала с Хорватом и прочими генеральскими властями и в конечном итоге с колчаковской властью. Уже в августе 1918 г. он как член Земской управы вместе с вооружённым отрядом совершил рейд в типографию газеты «Сибирский путь» и приказал штыками разворотить набранный номер газеты с целью не допустить обнародования приказа генерала М. М. Плешкова о принятии на себя командования войсками Приморской области [20, с. 260].

После Омского переворота 18 ноября 1918 г. Г. Ф. Семешко ушёл из Приморской областной земской управы и покинул редакцию «Далёкая окраина» [8, л. 2], однако продолжил свою борьбу против атаманских и генеральских властей. В результате деятельности владивостокских меньшевиков в ночь на 2 марта 1919 г. по приказу генерала П. П. Иванова-Ринова во Владивостоке были арестованы члены Приморской областной земской управы В. Ф. Классинг, Б. А. Косминский, Б. Е. Сквирский, А. Е. Ходоров, Г. Ф. Семешко и Богданов [28, 1919, 29 марта]. После ареста их отправили на ст. Пограничную к атаману Калмыкову, и только благодаря вмешательству американского генерала В. Гревса они остались живы [18, с. 95]. Согласно записи в военных дневниках американских экспедиционных сил в Сибири, причиной ареста якобы была организация агитации, бунтов и мятежей.

Часть из них, В. Ф. Классинг, А. Е. Ходоров и Г. Ф. Семешко, были вынуждены покинуть Россию во избежание мести со стороны Омского правительства. Их имена есть в листе прибывших пассажиров парохода «Пенза» из Владивостока в Шанхай, опубликованном 10 апреля 1919 г. (реальная дата прибытия 9 апреля) [29, 1919, 10 апр.]. Для Г. Ф. Семешко началась вторая эмиграция.

В историографии существует мнение о том, что именно в течение конца 1918 г. – марта 1919 г. Г. Ф. Семешко был завербован большевиками и стал неким тайным агентом, а его дальнейшая деятельность была полностью подчинена воле Москвы. В конце марта 1919 г. в Омске была нелегально проведена Вторая сибирская конференция РКП(б), на которой было решено «организовать на Дальнем Востоке информационно-агитационное бюро Сибирского областного комитета», ему поручили «установить связь с коммунистами Востока и Америки, организовать посылку информации к ним и получение таковой от них, организовать устную и письменную агитацию...» [16]. 1 апреля 1919 г. комиссар по обороне в Шанхае

(上海護軍使) Лу Юнсян (盧永祥) отправил МИДУ Пекинского правительства телеграмму следующего содержания: «После секретного расследования [установлено], что русская радикальная партия (過激黨) действительно отправляла членов в Шанхай с целью установления связей с китайцами и японцами для совместных действий. Получены сведения, что в каждой партии 4 человека, отправлено уже две партии, [однако] пока [они] не прибыли в Шанхай» [33, с. 133].

Согласно разведывательным материалам английского Форин офиса, В. Ф. Класинг, А. Е. Ходоров и Г. Ф. Семешко вместе с полковником С. С. Толковым, командующим сухопутными и морскими вооружёнными силами Приморской области с июня по сентябрь 1918 г. [20, с. 514], приплыли в Шанхай в апреле 1919 г. и объединялись в группу [24, р. 133]. Такие сведения, скорее всего, были получены Форин офисом от английского генерала J. W. Blair во Владивостоке [25, р. 30]. Ли Даньян и Лю Цзяньи в своей статье утверждали, что именно эта группа из этих четырёх людей была указана в телеграмме Лу Юнсяна от 1 апреля 1919 г. как «партия из четырёх человек», которая прибыла в Шанхай для «конкретного выполнения» решения Второй сибирской конференции РКП(б) в Омске.

Согласно воспоминаниям Г. Ф. Семешко в 1925 г., в конце 1918 г. он действительно вышел из партии меньшевиков. В письме В. Д. Вегману от 21 февраля 1925 г. он писал, что «в декабре 1918 г. по причине принципиальных расхождений вышел из с-д партии (меньшевиков), оставил службу в земстве, ушел из газеты» [6, л. 1], а в письме от 4 мая 1925 г. – «Чешский переворот значительно поколебал мою веру в правоту нашей (меньшевистской) политики, нашей тактики, нашего дела. Дальнейшие события показали мне и полную несостоятельность нашей работы. Короче сказать, в декабре месяце я порвал с газетой окончательно и ушёл из земства в отставку» [2, с. 282].

Однако, на наш взгляд, потеря надежды в дело меньшевизма не означала, что Г. Ф. Семешко после декабря 1918 г. сразу радикализировался и стал агентом большевиков. Предположение Ли Даньяна и Лю Цзяньи, на наш взгляд, ничем не обосновано. Судя по всему, Г. Ф. Семешко оставался политически независимым вплоть до начала его работы в НКВД и передачи газеты «Шанхайская жизнь» в сентябре 1920 г. Это подтверждается минимум тремя личными делами Г. Ф. Семешко советского периода – дело о вступлении в Общество политкаторжан в 1929 г. [8], дело об исключе-

нии его из красноярской Коллегии защитников в 1930–1931 гг. [7], а также дело о назначении ему персональной пенсии в 1935 г. и её лишения в 1940–1941 гг. [13]. Во всех автобиографиях, объяснительных и прочих материалах, предоставленных Г. Ф. Семешко к этим делам, отсутствуют сведения о его работе на большевиков в начале 1919 г. Жизнь Г. Ф. Семешко после возвращения в СССР, согласно содержанию его писем В. Д. Вегману, а также материалам дел об исключении его из красноярской Коллегии защитников и попытке репрессировать в Казахстане (в 1940–1941 гг. его пытались репрессировать в Кызылорде, куда он переехал из Москвы вместе с женой А. И. Гаврилович, сосланной в Казахстан) [Там же, л. 2], мягко говоря, была непроста. У Г. Ф. Семешко не было поводов скрывать своё участие в подпольных и разведывательных организациях большевиков, если оно на самом деле было. Наоборот, этот опыт принёс бы ему больше пользы в деле получения персональной пенсии и вступления в Общество политкаторжан. Молчание Г. Ф. Семешко во всех личных делах советского времени об участии в подпольных и разведывательных организациях большевиков в 1919 г. означает, что он не переходил на сторону большевиков вплоть до начала работы в НКВД и продажи газеты «Шанхайская жизнь» в Дальневосточной республике (ДВР) и Москве.

В отличие от своей первой эмиграции, которую Г. Ф. Семешко провёл в меньшевистских кругах, в Шанхае он оказался в более сложной ситуации. Тогдашняя русская консульская власть во главе с В. Ф. Гроссе была настроена ярко проколчаковски, что ясно из их действий во время прибытия Уфимской директории в Шанхай (В. Ф. Гроссе ввёл полицию Международного селтльмента в заблуждение, указав, что члены Директории являются большевиками). «Высший свет» русского Шанхая враждебно относился к любым силам, направленным против А. В. Колчака, и готов был бороться с ними, используя свою консульскую юрисдикцию.

Первые месяцы шанхайской эмиграции для Г. Ф. Семешко были крайне тяжёлыми. Не имея абсолютно никаких средств и оставив жену и троих маленьких детей во Владивостоке без обеспечения, он в течение двух месяцев блуждал по Шанхаю без работы и зарплаты [14, л. 3 об.]. В первое время он жил в очень скромной квартире на Broadway Terrace 48 [25, р. 30]. Сам Г. Ф. Семешко пытался устроиться на работу в Русскую типографию. Сначала его взяли на работу как опытного работника-газетчика, однако по настоянию вице-консула К. Э. Мецлера Г. Ф. Семешко было отказано

в работе в связи с тем, что он якобы является большевиком [4, 1919 г., 29 июня]. Судя по всему, именно материальные сложности подвинули его начать издавать русскую газету в Шанхае, так как «объявления [в газете] не только дали бы возможность существовать мне одному, но и поддерживать голодающую во Владивостоке семью» [14, л. 3 об.].

29 июня 1919 г. вышел первый номер газеты «Шанхайская хроника» под редакцией Г. Ф. Семешко. Это первая полноценная русскоязычная газета в Шанхае. Обстановка выхода газеты была предельно сложной: вопреки ложным сведениям клеветнического характера от английского генерала J. W. Blair во Владивостоке о вывозе Г. Ф. Семешко и А. Е. Ходоровым в Шанхай «нескольких миллионов русских денег», опровергнутым впоследствии расследованием полиции Международного селтльмента [25, р. 30, 31], «начальный капитал» у Г. Ф. Семешко отсутствовал. Согласно поздним воспоминаниям, ему пришлось занять у конторы Закупсбыта 36 мексиканских долларов для издания первого номера газеты [2, с. 282]. Единственная русская типография в Шанхае, не взявшая Г. Ф. Семешко на работу в связи с его «большевизмом», тогда была подконтрольна русской консульской власти, поэтому «по вполне понятным причинам» газета Г. Ф. Семешко не могла там печататься [4, 1919, 29 июня]. Г. Ф. Семешко изначально обратился во французскую типографию La Press Orientale (The Oriental Press, 法興印書館, 法新匯報館), но не смог договориться с ними о стоимости печати [26, р. 16, 17], затем он связался с известной китайской типографией The Commercial Press (商務印書館) [4, 1919, 29 июня]. В конечном итоге номер был напечатан именно в китайской типографии, где наборщики не знали русского языка и механически набирали газету с печатных или машинописных оригиналов [Там же].

Хотя сам Г. Ф. Семешко в поздних воспоминаниях писал, что тогда он был единственным сотрудником в газете [2, с. 282], тем не менее в «Шанхайской хронике» присутствовали статьи с другими подписями – А. Байдужный и Ив. Гонорский. Имя А. Н. Байдужного присутствует также в списке сотрудников «Шанхайской жизни» с первого до последнего номера [3, 1919, 21 сент.; 1922, 29 окт.]. Когда газета стала подконтрольна советскому центру, материалы под этим именем публиковались редко. Другое имя, И. И. Гонорский, согласно ныне доступной информации, находилось в списке сотрудников «Шанхайской жизни» с № 1 в сентябре 1919 г. до № 147 в июне 1920 г., в этот период в «Шанхайской жизни» часто встречались

статьи с данной подписью. В октябре 1920 г., когда Г. Ф. Семешко уже полностью передал газету советскому центру, имя И. И. Гонорский уже отсутствует в списке редакции.

Судя по дореволюционным публикациям Г. Ф. Семешко, у него не было привычки использовать псевдонимы. Однако, согласно расследованию полиции Международного селтльмента, проведенному 7 октября 1919 г. по составу редакции газеты «Шанхайская жизнь» (тогда в составе редакции значились имена Г. Ф. Семешко, А. Н. Байдужный, И. И. Гонорский, М. В. Вишенский [3]), все имена в нём якобы были псевдонимами Г. Ф. Семешко [27, р. 6]. Вывод полиции подтверждается тем, что, согласно словам Г. Ф. Семешко, он родился именно в хуторе Вишенский [13, л. 15]. В материалах газеты «Шанхайская жизнь» также есть некоторые признаки, указывающие на то, что А. Н. Байдужный, И. И. Гонорский и М. В. Вишенский были псевдонимами Г. Ф. Семешко. С июня по 22 июля 1920 г. Г. Ф. Семешко находился во Владивостоке [3, 1920, 23, 29 июля]. Именно в этого времени И. И. Гонорский и А. Н. Байдужный, которые активно публиковали материалы о местных русских делах в Шанхае, не публиковали ни одной статьи на полосах газеты «Шанхайская жизни». Однако почти сразу после возвращения Г. Ф. Семешко в Шанхай статьи с подписью И. И. Гонорского начали появляться на полосах (первая статья с подписью Гонорского после возвращения Г. Ф. Семешко опубликована в номере от 30 июля) [3, 1920, 30 июля].

По ныне доступным материалам мы не можем определить, были ли эти имена псевдонимами или они были настоящими людьми, близкими Г. Ф. Семешко по политической позиции.

Кроме А. Н. Байдужного и И. И. Гонорского, на полосах также присутствовало имя М. И. Барановского, в дальнейшем ставшего редактором русского отдела «Shanghai Gazette» и «Шанхайская жизнь», а также заведующим шанхайским отделением РОСТА и ДАЛЬТА. Он направил письмо в редакцию по поводу неразберихи в шанхайской русской почтовой конторе.

Уже с самого начала своего пребывания в Шанхае Г. Ф. Семешко начал переосмысливать свою прежнюю антисоветскую и антибольшевистскую позицию. В его письме от 11 июля 1919 г. В. Л. Бурцеву, тогда перешедшему к проколчаковской ориентации, было написано, что «теперь я сожалею, что и свою руку приложил к этой работе [борьба с советской властью]. И анархия, и развал, и вакханалия объясняются тем, что у советской власти, по крайней мере

на территории Сибири и Дальнего Востока, не было людей, не было работников. Интеллигенция – беспартийная, и меньшевики, и с-р. бойкотировали, на работу в советы не шли, своим присутствием и непосредственным участием работы не направляли, не облагораживали. И, в конце концов, получилось то, что мы имеем сейчас, а ведь могло быть иначе» [14, л. 1 об].

Такое изменение позиции Г. Ф. Семешко проявилось и в «Шанхайской хронике». Газета была антиколчаковской и была направлена на противоборство с «большевизмом справа», а не с настоящим большевизмом, так как в представлении тогдашнего Г. Ф. Семешко колчаковщина была более угрожающим элементом для России, чем большевизм. Согласно мнению Г. Ф. Семешко, проведённого правительством А. В. Колчака террора «большевику и не снилось» [Там же, л. 6]. Однако газета отнюдь не была просоветской, сам главный редактор в редакционной статье категорически отрицал, что он является большевиком, а также свободно использовал такие слова на полосах, как «совдеп» и т. п.

Газета была «разоблачительской» в отношении к «высшему свету» русского Шанхая. Г. Ф. Семешко как разоблачитель с дореволюционным стажем в течение двух месяцев собирал значительные материалы о «теневой стороне» русских консульских властей и подчинённых им организаций. Кроме открытого письма Г. Ф. Семешко министру юстиции колчаковского правительства Г. Г. Тельбергу, выяснившего процесс ареста социалистов 2 марта 1919 г. во Владивостоке и раскритиковавшего А. В. Колчака, а также статьи А. Н. Байдужного, посвящённые ситуации во Владивостоке, почти вся газета была посвящена разоблачению светского общества Русского Шанхая.

Довольно подробный анализ был сделан Г. Ф. Семешко по вопросу принадлежности Русской типографии в Шанхае и зарплатах русских рабочих в ней. Выяснилось, что типография, созданная на деньги Комитета общественной помощи при русском консульстве (скорее всего, это и есть Русское благотворительное общество), которая в тогдешнее время получала большую прибыль, была передана частной компании в составе вице-консула К. Э. Мецлера, торгового атташе Г. Г. Сюннерберга и др. В таком случае фактически руководство Комитета общественной помощи положило типографию в свой карман. Г. Ф. Семешко также выяснил, что средняя зарплата русских рабочих в типографии состоит лишь 25–30 долл. в месяц, и «попавшие в безвыходное положение

русские люди идут работать и за такую плату и своей работой увеличивают доходность предприятия, благосостояние предпринимателей, в числе которых есть два чиновника (Мецлер, Сюннерберг), состоящих на государственной службе» [4, 1919, 29 июня].

Уникальный по своему роду материал с названием «Кем обслуживаются в Шанхае русские правительственные учреждения» был опубликован в разделе «Хроника». Автор данного материала придирался на фамилии консульских работников и подчёркивал, что большинство этих людей были немцами, соответственно, врагами: «За исключением военного ведомства, имеющего в Шанхае помощника военного агента подполковника К. А. Кременецкого [...] русские правительственные учреждения в Шанхае обслуживаются следующими “русскими” чиновниками [...]», «Мы отнюдь не являемся какими-нибудь “фобами”, но можно ли всё-таки сетовать на то, что русское влияние в Шанхае сведено на нет, что с нами здесь совершенно не считаются, когда официальная Россия представлена здесь почти исключительно немцами» [Там же]. В материале особый акцент был сделан на то, что В. Ф. Гроссе как генконсул «даже говорить по-русски сносно не умеет» [Там же].

Тираж «Шанхайской хроники» можно условно восстановить по материалам полиции Международного селтльмента. Первый тираж (95 копий) был отправлен Г. Ф. Семешко в Восточный книжный магазин (Eastern Book Store, Broadway 987a) с владельцем-китайцем [26, р. 17]. Уже позже, в начале 1920 г., в данном магазине открылась русская библиотека [3, 1920, 4 янв.]. Вторая партия тиража была отправлена в китайский книжный магазин, находящийся на Range Rd. 516. Точное количество копий второй партии неизвестно, лишь известно, что 2 июня 1919 г., через 3 дня после выпуска «Шанхайской хроники», в магазине осталось ещё 67 копий [Там же, р. 11].

Позже сам Г. Ф. Семешко в 1925 г. вспоминал, что тогда (во время выпуска «Шанхайской хроники») он был «разносчиком и уличном продавцом газеты» [2, с. 283]. То есть определённое количество тиражей было на руках самого Г. Ф. Семешко. 30 июня в 17:30 во время рейда полиции Международного селтльмента по адресу его места жительства были изъяты 152 копии газет [26, р. 17]. Сколько копий Г. Ф. Семешко удалось раздать в течение дня на улицах Шанхая неизвестно. Из вышесказанного можно условно определить количество тиражей «Шанхайской хроники» – около 400.

Копии, отправленные Г. Ф. Семешко в Восточный книжный магазин, распространялись через мальчиков-разносчиков и китайские газетные киоски. Десять копий были проданы на кораблях [26]. На 2 июля 1919 г. в книжном магазине из 95 копий осталось всего 15 [Там же, р. 11]. Сведений о распространении копий в книжном магазине на Range Rd. 516 не имеется.

Судя по количеству тиражей и проданных копий газет (документально можно подтвердить продажу лишь 80 копий, за исключением копий, розданных самим Г. Ф. Семешко на улицах), распространение «Шанхайской хроники» не было широким. Однако, учитывая малое количество русских эмигрантов в тогдашнем Шанхае, газета всё-таки имела определённое влияние. Такой вывод подтверждается тем, что на первой полосе экземпляра «Шанхайской хроники», хранящегося в Музее русской культуры в Сан-Франциско, поставлен почтовый штемпель Ханькоу, что свидетельствует о распространении экземпляров газеты в этом «русском» городе. Отнюдь не все эмигранты саботировали эту социалистическую газету. На полосах газеты размещалась реклама, в том числе от русских врачей, агентурно-комиссионной конторы, Русско-Китайской импортно-экспортной компании, Русского математического кружка и других частных лиц [4, 1919, 29 июня]. Владивостокская газета «Дальневосточное обозрение», редактором которой тогда был Н. К. Новицкий, дореволюционный товарищ Г. Ф. Семешко и фельетонист газеты «Далекая окраина» при его редакции [1], также разместила рекламу на подписку на последней полосе «Шанхайской хроники».

Г. Ф. Семешко отметил в письме В. Л. Бурцеву, что выход «Шанхайской хроники» для верхушки русской консульской власти был «взрывом бомбы» [14, л. 3об]. Сам В. Ф. Гроссе получил сведения о выпуске данной газеты от типографии The Commercial Press около 14 часов 30 июня и сразу начал предпринимать действия для приостановки распространения копий газет. Немедленно был проведён телефонный разговор между В. Ф. Гроссе и полицией Международного селтльмента, а также отправлено письмо от имени В. Ф. Гроссе в полицию, в котором генконсул просил конфисковать все копии газеты на территории Селтльмента, совершить рейд по месту нахождения Г. Ф. Семешко на Range Rd. № 88 и забрать его паспорт [26, р. 18]. В 17:30 30 июня рейд был совершён, однако полицейские не обнаружили Г. Ф. Семешко на месте.

Кроме полиции Международного селтльмента, В. Ф. Гроссе также уведомил комиссара

по обороне Шанхая Лу Юнсяну [Там же, р. 15]. С помощью китайской власти 2 июля (1 июля по другой версии [14, л. 4 об.]) Г. Ф. Семешко был арестован в типографии The Commercial Press [26, р. 2], «просидел 8,5 часов в вонючем китайском клоповнике при полицейском участке, затем доставлен в российское консульство, где был освобождён не только без предъявления обвинения, но и без объяснения причин ареста» [14, л. 4 об.].

Кроме обращения к силовым аппаратам Международного селтльмента и китайской власти, согласно словам Г. Ф. Семешко, В. Ф. Гроссе также обратился ко всем иностранным консулам в Шанхае с особой нотой, в которой газета «Шанхайская хроника» была охарактеризована как «большевистский орган». Генконсул просил содействия иностранных консулов и китайской власти для того, чтобы ни одна типография не печатала газеты Г. Ф. Семешко. Не зная русского языка и разницу между большевизмом и другими русскими социалистическими партиями, консулы и китайская власть запретили дальнейшее издание газеты «Шанхайская хроника» в типографиях Шанхая [Там же, л. 4, 4 об.].

4 июля 1919 г. В. Ф. Гроссе издал официальное постановление № 1773, согласно которому Г. Ф. Семешко был привлечён к ответственности [3, 1919, 21 сентября]. Формально его обвинили в нарушении Постановления Временного правительства о печати от 27 апреля 1917 г., где написано, что «каждый желающий выпускать в свете новое повременное издание обязан представить местному Комиссару Временного Правительства или иному, заменяющему его установлению или должному лицу, заявление в двух экземплярах, содержащее в себе обозначение [...]» [19, с. 212].

8 июля состоялся консульский суд над Г. Ф. Семешко. В суде Г. Ф. Семешко выступал с речью о том, что он «совершенно сознательно» не послал заявления об издании газеты генконсулу России в Шанхае, ибо полномочие Постановления Временного правительства о печати, по мнению Г. Ф. Семешко, не распространяется на территории Китая [3, 1919, 21 сент.].

Консульский судья Н. А. Иванов, ссылаясь на экстерриториальный статус иностранцев в Китае, считал Постановление Временного правительства о печати имеющим силу в данном деле и соответственно признал Г. Ф. Семешко виновным и назначил штраф в размере 50 р. [Там же].

Из письма Г. Ф. Семешко В. Л. Бурцеву от 11 июля 1919 г., то есть через 3 дня после суда,

очевидно его крайнее огорчение. Он писал, что суд сделан специально «для того, чтобы вывезти меня на русскую территорию, а там угробят и сочинят обычную в наше время историю об учиненной мною “попытке бежать от конвоя”»; «Вопрос вывоза моего отсюда – вопрос, значит, нескольких дней. И, значит, спасения нет» [14, л. 4].

Однако всё же воинствующий дух Г. Ф. Семешко, сформированный в течение 20-летней борьбы с царизмом, не терялся. Он обжаловал решение консульского суда в Российскую миссию в Пекине, а также, согласно его словам, «довежу и до Сената, если буду жив» [Там же, л. 5]. В действительности приговор консульского суда с точки зрения процессуального порядка был несправедлив. Во-первых, при переводе штрафа из рубля в мексиканский доллар Н. А. Иванов считал по курсу золотого рубля (50 р. = 61 мекс. долл.). Если обратно перевести 61 мекс. долл. в «бумажный» рубль, то получится, что цифра намного превышает высшую меру штрафа – 300 р., установленную в Постановлении Временного правительства о печати [Там же]. Во-вторых, Постановление было составлено именно для печати в пределах России, поэтому в 4-й статье II отдела написано, что «ответственными редакторами временного издания или части его могут быть только лица, проживающие в пределах Российского государства [...]» [19, с. 213], что даёт доказательство в пользу Г. Ф. Семешко о невозможности применения данного постановления в пределах Китая.

5 августа 1922 г. Российская дипломатическая миссия, рассмотрев апелляционную жалобу Г. Ф. Семешко, приняла решение отменить приговор Н. А. Иванова и консульского суда в Шанхае. Причина отмены основана именно на 4-й статье II отдела Постановления Временного правительства о печати [3, 1919, 21 сент.].

Согласно мнению Г. Ф. Семешко, отмена Миссией приговора консульского суда в Шанхае «ясно как Божий день» показала, что «всякий русский гражданин может свободно издавать в Китае газеты, не заявляя о том российским консулам, а тем более не испрашивая у них разрешения» [Там же].

Дальнейшие события показали, что опасения Г. Ф. Семешко, высказанные в письме В. Л. Бурцеву, не были пустыми. После первого провала в борьбе против Г. Ф. Семешко консульские работники возбудили второе дело. Вице-консул К. Э. Мецлер подал на Г. Ф. Семешко в суд по делу диффамации. Несмотря на усилие журналиста, он был приговорён консульским судом, а затем и миссией в Пе-

кине, к тюремному заключению и денежному штрафу. Однако его не успели вывезти в Россию и «угробить», как предполагал он сам, до разгрома власти А. В. Колчака. Только в июне 1920 г. Г. Ф. Семешко отправился во Владивосток для отбытия наказания. Благодаря единым политическим убеждениям с большинством членов Временного правительства Дальнего Востока и хорошим личным отношениям со своими старыми товарищами в Приморской областной земской управе, в том числе с председателем правительства А. С. Медведевым, Г. Ф. Семешко провел во Владивостоке лишь месяц и 22 июля 1920 г. вернулся в Шанхай со своей семьёй [Там же, 1920, 29 июля].

В действительности из-за обращения В. Ф. Гроссе к иностранным консулам и китайской власти в первое время после отмены первого консульского приговора Г. Ф. Семешко не мог полноценно восстановить журналистскую деятельность. Во избежание проблем при выпуске ранних номеров газеты «Шанхайская жизнь» вплоть до середины 1920 г. главным редактором формально значился голландец И. Г. В. Заан.

Из сказанного ясно, что Г. Ф. Семешко как опытный журналист и разоблачитель с дореволюционным стажем уже с самого начала своего пребывания в Шанхае начал организовывать прогрессивную прессу. Хотя в связи с Чешским переворотом и возвышением А. В. Колчака в Сибири Г. Ф. Семешко с конца 1918 г. вышел из партии меньшевиков и смягчил свою прежнюю радикальную антибольшевистскую тактику, но с уверенностью можно утверждать, что он тогда не был большевистским агентом, действовал в Шанхае независимо вплоть до сентября 1920 г. Иными словами, появление социалистической прессы в Шанхае, переросшей в дальнейшем в большевистский орган, было стихийным процессом, а не инициированным большевистским центром.

Издаваемая Г. Ф. Семешко газета «Шанхайская хроника» была антиколчаковской и разоблачительской в отношении к русской верхушке в Шанхае, однако отнюдь не пробольшевистской. Г. Ф. Семешко в апреле – августе 1919 г. находился в процессе трансформации своей политической ориентации. С одной стороны, прежняя антибольшевистская деятельность 1917–1918 гг. ещё влияла на него и не позволяла ему так радикально перейти на сторону большевиков, с другой стороны, уже тогда он был полностью настроен антиколчаковски и считал, что путь меньшевизма не годится для борьбы со столь грозным врагом России, как А. В. Колчак. Уже на второй стадии своей

деятельности в Шанхае, во время редактирования газеты «Шанхайская жизнь», Г. Ф. Семешко постепенно сближался с большевиками и в конечном итоге продал газету миссии ДВР. Однако он до конца своей жизни оставался

беспартийным и мыслил своеобразно, никогда не вступал в партию большевиков и не был слепым последователем советской политики, за что уже в сталинское время его несколько раз пытались репрессировать.

Список литературы

1. Асеев Н. Н. Октябрь на Дальнем // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Изд-во худож. лит., 1964. Т. 5. С. 121–135.
2. Вениамин Вегман: государственная, научная и общественная деятельность: сборник документов к 90-летию Сибархива / сост. Л. С. Пашенко, Е. А. Мамонтова [и др.]. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2010. 450 с.
3. Газета «Шанхайская жизнь». 1919. 21 сент.; 1920. 23, 29, 30 июля; 1922. 29 окт.
4. Газета «Шанхайская хроника». 1919. 29 июня.
5. Газета «Шанхайское новое время». 1922. 1 дек.
6. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 310.
7. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 1798.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 533. Оп. 3. Д. 2670.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 142. Д. 1648. Ч. 3.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 2106.
11. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1585.
12. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 41. Д. 561.
13. ГАРФ. Ф. А539. Оп. 4. Д. 3952.
14. ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 537.
15. На баррикадах. 1905 год в Александровске / под ред. М. Львовский. [Запорожье]: Изд. Запорожского окружкома КП(б)У, 1925. 136 с.
16. Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 – июль 1920) // Коминтерн и Восток: борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М.: Глав. ред. Вост. лит., 1969. С. 53–109.
17. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.): документы и материалы / под ред. Б. И. Мухачева, М. И. Светачева. Владивосток: Наука, 1997. 304 с.
18. Позняк Т. З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922). Владивосток: Дальнаука, 2018. 728 с.
19. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Птг.: Гос. тип., 1917. Вып. 1. 555 с.
20. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 610 с.
21. Ходаков Г. Ф. Очерки истории саратовской организации КПСС. Саратов: Приволжское кн. изд., 1968. Ч. 1. 365 с.
22. Хроника // Вестник гуманитарной науки. 2000. № 1. С. 13.
23. Черномаз В. А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.0.02. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2005. 366 с.
24. Foreign Office. 262/1459.
25. Shanghai Municipal Police Files (SMPF). IO 2674.
26. SMPF. IO 2837.
27. SMPF. IO 3012.
28. The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. 1919. 29 March.
29. The Shanghai Times. 1919. 10 Apr.
30. 李丹阳 (Ли Даньян), 刘健一 (Лю Цзяньи). 《上海俄文生活报》与布尔什维克早期在华活动 = «Шанхайская жизнь и ранняя большевистская деятельность в Китае» // 近代史研究 = Исследование Новой истории. 2003. № 2. С. 1–43.
31. 汪之成 (Ван Чжичэн). 俄侨在上海 = История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай: 三联书店 (Сяньлянь-шу-дянь), 1993. 832 с.
32. 汪之成 (Ван Чжичэн). 近代上海俄国侨民生活 = Жизнь русских эмигрантов в Шанхае Нового времени. Шанхай: 上海辞书出版社 (Шанхай-цы-шу-чу-бань-шэ), 2008. 569 с.
33. 中俄關係史料 俄政變與一般交涉 中華民國六至八年 = Исторические источники по китайско-русским отношениям. 1917–1919 / под ред. 中央研究院近代史研究所 (под ред. Института истории нового времени при Академии Синика). Тайбэй: 精華印書館股份有限公司 (Цин-хуа-и-шу-гуань-гу-фэнь-юй-сянь-гун-сы), 1960. Т. 2. 669 с.

Сведения об авторе

Сунь Ичжи – лаборант-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, yizhisun961203@gmail.com

Sun Yizhi – Associate-Researcher, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, yizhisun961203@gmail.com

УДК 908(571.55:510)

Китаевед из Пури

Александр Васильевич Константинов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

konstant1956@mail.ru

Статья посвящена известному китаеведу Всеволоду Сергеевичу Таскину (1917–1995). Большая часть его жизни была связана с Маньчжурией, Харбином, а затем с Москвой, где он работал в Институте китаеведения РАН. В научной среде он известен как автор переводов древнекитайских летописей, исследователь истории кочевых народов Центральной Азии. В силу ряда обстоятельств его имя оказалось вне поля зрения забайкальской общественности. Цель статьи – показать значимость В. С. Таскина и для забайкальской истории (по рождению, принадлежности к известному в крае роду Таскиных и по научным интересам).

Ключевые слова: Забайкальская область, Манкечурская станица, Пури, Харбин, В. С. Таскин, китаеведение, кочевые народы

Sinologist from Puryi

Alexander V. Konstantinov

Transbaikal State University, Chita, Russia

konstant1956@mail.ru

The article is devoted to the famous sinologist scholar Vsevolod Sergeevich Taskin (1917–1995). Most of his life was connected with Manchuria, Harbin and then with Moscow, where he worked at the Institute of Chinese Studies of the Russian Academy of Sciences. He is known in the scientific community as the author of translations of ancient Chinese chronicles and a researcher of the history of nomadic peoples of Central Asia. Due to a number of circumstances his name was not in the center of attention of the Transbaikal public. The aim of the paper is to show the significance of V.S. Taskin for the history of the Transbaikal region (by birth, belonging to the famous Taskin family and by his scientific interests).

Keywords: Transbaikal Region, Mankhechurskaya Stanitsa, Puryi, Harbin, V. S. Taskin, Chinese Studies, Nomadic Peoples

В 1922 г. автор этих строк познакомился и подготовил отзыв на диссертацию аспиранта кафедры истории Дальневосточного федерального университета Чи Юйча на тему «Русское высшее образование в Китае в первой половине XX в. (на примере Харбинского юридического факультета)» [3]. Наверное, кому-то покажется, что нет ничего более скучного, как писать по строго определённым канонам научный отзыв на диссертацию. Отчасти это так, но в то же время это и интересное занятие.

В работе раскрывается история развития одного высшего учебного заведения. Оно заро-

дилось во Владивостоке в 1920 г. в период существования белой государственности и было последним «островом» традиционного юридического образования на территории России. В октябре 1922 г., незадолго до того как в город вошли части Народно-революционной армии Дальневосточной республики, преподаватели и часть студентов переехали на сопредельную территорию Китая, где был организован институт, получивший название Харбинский юридический факультет. В Маньчжурии и в Харбине в это время было немало россиян. Некоторые из них проживали здесь ещё со времени строи-

тельства Китайской Восточной железной дороги, большинство же было эмигрантами революционного времени и Гражданской войны. Здесь работали русские школы, профессиональные средние и высшие учебные заведения. Среди этого населения оказалось немало желающих получить российское юридическое образование (дипломы института высоко котировались). В институте подобрался сильный состав преподавателей, которые были крупными специалистами юридической науки. Через институт за годы его работы (1920–1936) прошло около пяти тысяч студентов.

Не утомляя читателя, отметим, что диссертация оказалась достойная и, несомненно, стала одним из результатов научного сотрудничества Китая и России. Чи Юйча, прекрасно владея русским языком, использовал для подготовки работы разнообразные как русские, так и китайские источники и литературу. Мы же остановимся только на одном из кратких упоминаний в работе, которое натолкнуло на определённые размышления. Просматривая приложение к диссертации, в котором были приведены сведения о студентах, обратил внимание на одну из фамилий – Таскин Всеволод Сергеевич (фото 1).

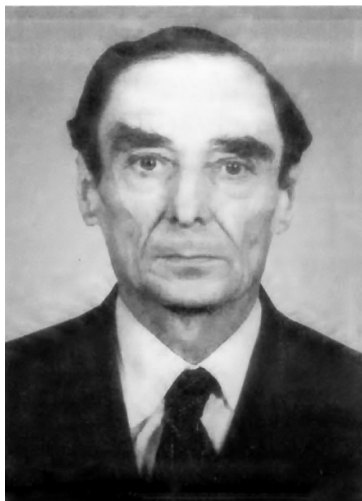

Фото 1. Всеволод Сергеевич Таскин (1917–1995)

Место рождения указывало на забайкальские корни – пос. Пури Манкечурской станции Забайкальской области. Дата рождения – 1917 г. В 1933 г. окончил гимназию при педагогическом Институте и в 1937 г. восточно-экономическое отделение юридического факультета в Харбине, получив диплом I степени.

Уже с момента первого прочтения этих строк возникло чувство знакомства. – Таскин. Отчество указывало на прямое родство с хоро-

шо известным в Забайкалье политическим и государственным деятелем Сергеем Афанасьевичем Таскиным (фото 2). Его непосредственный предок легендарный Пётр Таскин – первый Георгиевский кавалер Забайкальского казачьего войска, награждённый Георгиевским крестом за бой в бухте Де-Кастри в 1854 г. в районе устья Амура в период Крымской войны [1; 2]. Все они родом из Пури. Напрасно читатель будет искать на современной карте Пури, как и Манкечур. Они отмечены на карте Забайкальской области начала XX в. Пури – это казачий посёлок в Приаргунье, относящийся к Манкечурской (ранее Быркинской) станице. Затем вспомнились книги о древних кочевых народах Центральной Азии, автор которых В. С. Таскин.

Фото 2. Сергей Афанасьевич Таскин (1877–1952)

Всё это подтолкнуло к знакомству с его биографией. Какие-либо сведения о нём в забайкальской литературе отсутствуют, несмотря на его известность в научной среде, забайкальские корни, принадлежность к известному роду. И на это также есть свои причины. На соприкоснутой стороне Всеволод оказался с мамой в 1919 г., когда ему было только два года. В Забайкалье в это время полыхала Гражданская война, и куда безопаснее было жить на противоположном берегу Аргуни в Китае. Возможно, первоначально они жили здесь на собственной заимке, поскольку эти плодородные земли с конца XIX в. широко использовались забайкальскими казаками под пашню, сенокосы и выпас скота. Отец до поздней осени 1920 г. оставался в Забайкалье. Семья переехала вглубь Маньчжурии в Харбин, а затем на станцию Якеши в предгорьях Большого Хингана.

Как уже говорилось, его отец – Сергей Афанасьевич Таскин – был известным политическими государственным деятелем. В начале XX в. он учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Как «политически неблагонадёжный» был выслан на родину под надзор полиции. От забайкальского казачества избирался депутатом III и IV Государственной Думы, стал активным членом партии кадетов. Октябрьскую революцию не принял и в начале 1918 г. примкнул к атаману Семёнову. В период забайкальской белой государственности руководил областной гражданской администрацией.

Всеволод учился на станции Якеши в русской школе, директором которой был его отец. После окончания гимназии при Харбинском педагогическом институте в 1933 г. пошёл по стопам отца и поступил на юридический факультет. В это время произошло ещё одно событие, определившее его судьбу. В Харбине оказался знаменитый художник, философ Н. К. Рерих и его сын Ю. Н. Рерих, которые отправлялись в свою Центрально-Азиатскую экспедицию. Они провели ряд открытых лекций, посвящённых природе, истории и народам Центральной Азии, на которых присутствовали профессора и студенты юридического факультета. Видимо, именно тогда В. Таскин впервые услышал о китайских летописях, о древних степных народах – ххунну (гуннах), сяньби, чжурчжэньх и т. д. Может быть, именно тогда у него и зародился интерес к этой теме. В. Таскин старательно изучал китайский язык в надежде стать переводчиком на КВЖД. А после того как территорию Северо-Восточного Китая оккупировала Япония и возникло марионеточное государство Маньчжоу Го, он приступил к изучению и японского языка. Вскоре за ним утвердилась слава знатока этих языков.

После окончания института он устроился на службу в отдел контроля Харбинского пошленного бюро, занимавшегося сбором налогов с торгово-промышленных и общественных заведений, затем он перешёл на Харбинскую фанерную фабрику. Здесь ему довелось выполнять самые различные обязанности: от переводчика до заведующего сельскохозяйственной фермой.

После того как в августе 1945 г. территория Маньчжурии была занята Красной Армией, резко возрос спрос на переводчиков – китаистов и японистов. В. С. Таскин стал работать переводчиком на Китайско-Чанчуньской железной дороге (бывшей КВЖД). Также он занимался переводами с китайского языка для харбинского корпункта агентства ТАСС, сотрудничал

в качестве переводчика с Отделением Торгпредства СССР и Акционерным обществом «И. Я. Чурин и К°». Известно, что его отец С. А. Таскин был арестован, но обвинение так и не было предъявлено. После смерти отца В. С. Таскин с семьёй (женой, двумя детьми, мамой и сестрой) переехал в Советский Союз. Возращение на родину произошло через 37 лет и оказалось не простым. Таскиным определили место жительства в Казахстане, и дипломированному юристу, знатоку китайского и японского языков пришлось работать в должности диспетчера автопарка машинно-тракторной станции в совхозе им. А. С. Пушкина. Через год ему удалось получить разрешение поселиться в Московской области и устроиться внештатным редактором в «Гослитиздат». Работа в издательстве дала ему возможность познакомиться с коллегами-китаистами.

Через два года Всеволода Сергеевича зачислили младшим научным сотрудником в Институт китаеведения РАН. Сталинские репрессии основательно проредили ряды востоковедов, среди них оказалось слишком много «врагов народа», и теперь работать было просто некому. Поэтому появлению специалиста, хоть и «харбинца» (так в органах госбезопасности называли русских выходцев из Китая), оказались рады. Заполняя анкету, в графе «место рождения» он написал – Забайкалье. Так началась новая глава в его биографии, наполненная блестящими страницами научного творчества.

В институте сферой его интересов оказались переводы китайских летописей и сведения о древних кочевых народах Центральной Азии. Особое место в творческой биографии В. С. Таскина заняла многолетняя совместная работа с Р. В. Вяткиным над переводом «Ши цзи» Сыма Цяня. Специалисты признают – то, что удалось им сделать, следует назвать настоящим подвигом, который навсегда останется в памяти будущих потомков-китаистов как пример замечательного содружества, величайшего трудолюбия и творческого вдохновения. В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)». Эта работа сразу же приобрела особую значимость, прежде всего для исследователей истории и культуры кочевников. Затем выходят книги «Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху», «Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв.». Важное место в научном наследии В. С. Таскина занимает русский перевод сочинения Е Лун-ли «Цидань гочжи» – «История государства киданей». Наиболее ярко и полно талант В. С. Таскина как перевод-

чика и знатока китайских исторических текстов проявился при издании русского перевода памятника «Го юй» («Речи царств»). За Таскиным окончательно утвердилась слава блестящего переводчика и серьёзного исследователя.

Как можно судить, работая в институте и занимаясь китаеведением, в Китай он так больше и не попал. Отношения с Китаем вскоре осложнились. Скорее всего, не был он и на родине – в Забайкалье. В советские годы в Приаргунье был введён жёсткий пограничный режим, и для посещения этой территории требовалось получить пропуск в пограничном управлении (пройти соответствующую проверку), что для В. С. Таскина с его родословной и «закордонной биографией» было не просто.

Да и напоминать лишний раз об отце, его причастности к белому движению (ближайший соратник атамана Г. М. Семёнова) не хотелось. Думаю, всё это оставалось предметом его внутренних переживаний. Когда Всеволода Сергеевича в 1995 г. не стало, многие сотрудники Института приехали проститься с ним в Люберцы, где учёный прожил последние годы. И по сей день трудами В. С. Таскина широко пользуются не только китаеведы, но и специалисты других дисциплин. Особо отметим, что кочевые народы, о которых он писал, проживали и на территории Южного Забайкалья. Таким образом, он внёс вклад и в изучение Забайкалья. Представляется, что многие страницы его жизни ещё предстоит открыть.

Список литературы

1. Апрельков В. Ю. Таскин Пётр // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 4: С-Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 133.
2. Василевский В. И. Таскин С. А. // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 4: С-Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. С. 133.
3. Чи Юйча. Русское высшее образование в Китае в первой половине XX века (на примере Харбинского юридического факультета): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток: Дальневост. фед. гос. ун-т, 2022. 232 с.

Сведения об авторе

Константинов А. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, konstant1956@mail.ru

Konstantinov A. V. – Doctor of History, Docent, Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, konstant1956@mail.ru

.....

УДК 27(470.43)

Основные события и повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2006 году

Вадим Николаевич Якунин

Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия

vadyak@mail.ru

В статье исследуется повседневная жизнь Самарской и Сызранской епархии в 2005 г. по материалам текущего архива Самарского епархиального управления. Уделяется внимание конференциям, выставкам и другим мероприятиям, проводившимся с участием епархии и её правящего архиерея архиепископа Сергия (Полеткина), которые нашли отражение в прессе и получили широкий общественный отклик. Отражена внутренняя жизнь епархии: церковно-общественная, богослужебная деятельность архиепископа Сергия, состав духовенства, количество храмов (в том числе строящихся, восстанавливаемых, проектирующихся), информационно-издательская деятельность.

Ключевые слова: Самарская и Сызранская епархия, епархиальное управление, правящий архиерей, архиепископ, архимандрит, игумен, иерей, протоиерей, иеромонах, иеродиакон, диакон, духовенство, государственно-церковные отношения

Main Events and Daily Life of the Samara and Syzran Dioceses in 2006

Vadim N. Yakunin

Moscow Art and Industry Institute, Moscow, Russia

vadyak@mail.ru

The article examines the daily life of the Samara and Syzran diocese in 2005 based on the materials of the current archive of the Samara diocesan administration. Attention is paid to conferences, exhibitions and other events held with the participation of the diocese and its ruling bishop, Archbishop Sergius (Poletkin), which were reflected in the press and received a wide public response. The internal life of the diocese is reflected: the church and public, liturgical activities of Archbishop Sergius, the composition of the clergy, the number of churches (including those under construction, restoration, design), information and publishing activities.

Keywords: Samara and Syzran Diocese, Diocesan Administration, Ruling Bishop, Archbishop, Archimandrite, Hegumen, Priest, Archpriest, Hieromonk, Hierodeacon, Deacon, Clergy, State-Church Relations

В вышедших в последнее время статьях об истории Самарской епархии новейшего периода рассматривались различные аспекты её деятельности. Однако повседневная жизнь Самарской епархии и её правящего архиерея изучена пока недостаточно, главным образом по причине отсутствия допуска для историков к закрытым фондам текущего архива Самарского епархиального управления. Правящий архиерей Самарской епархии позволил мне поработать в этом закрытом не только для историков, но для и самих священнослужителей архиве, чтобы научная общественность ознакомилась с неизвестными ранее страницами нашей церковной истории.

Главным событием 2006 г. для Самарской епархии стала межрегиональная научно-практическая конференция «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее», прошедшая в Самарской области 15–17 сентября. Свообразным прологом к этому представительному церковно-общественному форуму стала научно-практическая конференция «Вера и культура», состоявшаяся в дни Кирилло-Мефодиевских торжеств. Примечательно участие государственных структур в финансировании и организации мероприятия. В преддверии этого события сотрудниками епархиального управления, клиром и мирянами епархии была проведена большая организационная работа совместно с аппаратом полномочного представителя Президента в Приволжском федеральном округе, Министерством науки и образования Самарской области, рядом других министерств и ведомств, Самарским институтом повышения квалификации работников образования, администрациями муниципальных образований [1, л. 3].

На межрегиональную научно-практическую конференцию «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее» прибыли почётные гости: митрополит Калужский и Боровский Климент (Капалин), Управляющий делами Московской Патриархии, архиепископ Пензенский и Кузнецкий Филарет (Карагодин), епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин) и епископ Пермский и Соликамский Иринарх (Грёзин), помощник Полномочного представителя Президента России в Приволжском федеральном округе А. М. Величко, депутаты Государственной Думы Н. А. Нарочницкая и Д. В. Сивиркин, представители властных структур, министерств, ведомств и общественных организаций регионов ПФО, учёные, работники сферы образования и СМИ. В Самарской государственной филармонии прошло пленарное заседание, на котором выступили митрополит Климент, зачитавший приветствие патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, архиепископ Самарский и Сызранский Сергей (Полеткин), губернатор Самарской области К. А. Титов, депутат Госдумы Н. А. Нарочницкая и министр образования и науки Самарской области В. Ф. Путько [Там же, л. 5].

В рамках работы конференции, в Тольятти, в Православной классической гимназии состоялся «круглый стол», посвящённый проблемам взаимодействия светских и духовных властей во благо России. Важный и своевременный разговор на эту тему вели со стороны церкви митрополит Калужский и Боровский Климент, архиепископ Самарский и Сызранский Сергей, епископ Саратовский и Вольский Лонгин, священнослужители и миряне, вносящие свой вклад в дело духовного возрождения России, со стороны государства – вице-губернатор С. А. Сычев, мэр Тольятти Н. Д. Уткин, предста-

водители руководства АвтоВАЗа, учёные, педагоги, журналисты, представители общественных организаций.

В Самаре, в аудиториях и лекционных залах пяти крупнейших вузов, состоялись «круглые столы», секции и публичные лекции. Духовным центром празднования в Самаре стали собор святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и Покровский Кафедральный собор, где 15 и 16 сентября прошли богослужения, которые возглавил митрополит Калужский и Боровский Климент. Из Покровского кафедрального собора в заключительный день конференции многотысячный крестный ход направился на площадь Славы, где состоялось заключительное театрализованное действо «Волга – матушка река» [Там же, л. 6].

Итоги форума были подведены в ходе посещения Самарской православной духовной семинарии и на заключительном пленарном заседании.

Научно-практическая конференция «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее» в Самаре получила широкий резонанс в России. Как отмечали в Самарской епархии, «этот форум... упрочил авторитет и влияние Церкви и Ее Священноначалия в глазах светских руководителей и простых граждан, заложил надежный фундамент дальнейшего взаимодействия светских и духовных властей на дальнюю перспективу». Участники конференции констатировали, что по сравнению с советским периодом церковь обрела гораздо большую свободу [2, с. 153]. На закате Советского Союза началось религиозное «возрождение», открывшее новую страницу в истории православия [3, с. 291].

Организация мероприятия отражалась в прессе и была широко представлена на телевидении и радио, а также в интернет-пространстве.

В рамках действующего Соглашения с Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Самарской области 28 марта 2006 г. в Самарской православной духовной семинарии прошла научно-практическая конференция с работниками ГУФСИН по Самарской области [1, л. 7].

Событием духовного масштаба для верующих стало пребывание в Самарской епархии православной святыни. 16 июля в Самарскую епархию была доставлена из Цетинского мужского монастыря в Черногории Десница Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. После молебна мощи были из аэропорта Курумоч доставлены в Спасо-Преображенский собор в Тольятти, где пребывали сутки при

постоянном притоке верующих. 17 июля святыня была доставлена в Покровский кафедральный собор Самары, где ей смогли поклониться и православные жители областного центра.

В 2006 г. в Самарской епархии проводились ставшие традиционными Крестные ходы. 2 июня, в день Небесного покровителя Самарского края Святителя Алексия, митрополита Московского и всея России Чудотворца, после Божественной литургии в Покровском соборе состоялся многотысячный Крестный ход к Алексиевской часовне. Накануне Церковного новолетия тысячи самарцев совершили традиционный Крестный ход вокруг города, который продолжался до праздника Рождества Пресвятой Богородицы. Первым его этапом стал крестный ход из Покровского собора до площади Славы 17 сентября в заключительный день Межрегиональной научно-практической конференции «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее» [1, л. 8].

В 2006 г. архиепископ Сергей принял участие в 55 церковных службах на территории Самарской епархии: литургиях, всенощных, чтении канонов, молебнах на месте строительства храмов, утренях, вечерних службах, акафистах, освящении храмов. По месяцам количество архиерейских служб в Самарской епархии распределялось неравномерно: в январе – 11, в феврале – 1, в марте – 10, в апреле – 15, в мае – 4, в июне – 7, в июле – 1, в августе – не было служб, в сентябре – не было служб, в октябре – не было служб, в ноябре – 2, в декабре – 4. Чаще всего архиепископ Сергей служил в течение 2005 г. в г. Самаре – 35 служб, в г. Тольятти – 7 служб, в мужском монастыре с. Винновка – 3 службы, по одной службе в г. Сызрани, в г. Жигулёвске, в г. Нефтегорске, в с. Кинель-Черкассы, Ташле, Печорском, Красных Ключах, Воскресенке, Верхнем Санчелеево [Там же, л. 9].

Правящий архиерей в течение 2005 г. участвовал в общецерковных торжествах: 7–8 июня – в торжественных мероприятиях и богослужениях, приуроченных к 16-летию интронизации патриарха Московского и всея Руси Алексия II, 2–3 сентября – в праздновании 45-летия его архиерейской хиротонии. 8–10 июля находился с визитом в Киеве, где отмечалось 40-летие архиерейской хиротонии предстоятеля Украинской Церкви митрополита Владимира (Сабодана). 5–6 августа проходили юбилейные торжества в Мордовии. Архиепископ Сергей сослужил патриарху Московскому и всея Руси Алексию II на литургии с великим освящением вновь построенного собора в честь святого праведного воина Феодора Ушакова в Саранске [Там же, л. 10].

Из епархиальных памятных дат 2006 г. следует выделить 100-летие храма в честь Казанской иконы Божией Матери в с. Верхнее Санчелеево Ставропольского района, которое отмечалось 12 ноября.

В 2006 г. на Самарской земле продолжалось строительство и обустройство православных церквей. Так, 22 февраля в Куйбышевском районе г. Самары архиерейским чином был освящён храм в честь мученика Иоанна-воина.

12 апреля были освящены колокола восстанавливаемого храма и место под строительство монастырской гостиницы в с. Винновка при Богородично-Казанском мужском монастыре. 21 июля Казанская церковь с. Винновка была освящена великим чином архиепископом Самарским и Сызранским Сергием.

11 ноября было освящено место под строительство храма в пос. Управленческий. 10 декабря был освящён храм в честь святой мученицы Татианы при Самарском государственном университете.

В рамках своей церковно-общественной деятельности архиепископ Самарский и Сызранский Сергей уделял внимание вопросам духовного просвещения общества, развитию и совершенствованию системы духовного и светского образования. В этом контексте активно продолжалось сотрудничество с высшими и средними учебными заведениями Самарской области. Архиепископ Сергей неоднократно принимал участие в заседаниях Совета ректоров Самарских вузов [Там же, л. 11].

На пленарном заседании Межрегиональной научно-практической конференции «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее» 15 сентября архиепископом Самарским и Сызранским Сергием и ректором Самарского государственного аэрокосмического университета, заместителем председателя Совета ректоров самарских вузов В. А. Соيفером было подписано соглашение о создании межвузовской кафедры теологии и церковной истории. Учредителями кафедры стали Самарская епархия РПЦ, Совет ректоров вузов Самарской области и восьми ведущих вузов области: Самарский государственный медицинский университет, Самарская православная духовная семинария, Самарский государственный университет, Самарский государственный педагогический университет, Самарский государственный аэрокосмический университет, Самарская государственная экономическая академия, Поволжская академия телекоммуникаций и информатики, Самарская государственная академия путей сообщения [Там же, л. 12].

Вопросы подготовки кадров учителей для преподавания предмета «Основы Православной культуры» в школах губернии в 2006 г. находились в сфере внимания Самарской епархии. 3 марта и 6 декабря правящий архиерей вручал в торжественной обстановке, в присутствии СМИ, свидетельства об окончании соответствующих курсов при Самарском институте повышения квалификации работников образования будущим преподавателям «Основ Православной культуры», в течение всего 2006 г. проводил рабочие встречи по этому вопросу с руководителями сферы образования, заострил внимание участников конференции «Православная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее» на необходимости скорейшего внедрения «ОПК» в школьные программы в качестве регионального, а в идеале – федерального компонента образования [Там же].

С целью оптимизации процесса обучения «ОПК» и приобщения учащихся и студентов к отечественным духовным ценностям правящим архиереем прилагались усилия по задействованию научно-технического потенциала самарских вузов и особенно – нового, отвечающего всем современным требованиям медиацентра Самарского аэрокосмического университета. Для духовного попечения журналистов светских СМИ, работающих с церковной тематикой, 30 марта в медиацентре СГАУ был проведён «круглый стол» на тему: «Роль прессы в духовном становлении личности».

В 2006 г. Самарской епархией велась духовно-просветительская работа на радио, телевидении и в печатных СМИ. В эфир выходило несколько православных программ. На всех местных телеканалах в 2006 г. регулярно появлялись сюжеты о жизни Самарской епархии.

Просветительскую программу «Беседы о православии» вёл архимандрит Елевферий, в миру Евгений Анатольевич Диденко, имевший 35-летний опыт пастырского служения, бывший преподаватель Московской духовной академии и наместник Киево-Печерской лавры. Архимандрит Елевферий на X Московском Всероссийском фестивале православных фильмов получил диплом за высокопрофессиональное ведение телевизионных программ. Программа была приглашена для трансляции на Екатеринбургский православный телевизионный канал «Союз», который вещал на территорию России и СНГ. «Беседы о Православии» выходили весь 2006 год на ТРК «Терра», по субботам [1, л. 13].

Православная епархиальная телепрограмма «Символ веры» в 2006 г. переместилась с ТРК «Орион», прекратившей собственное вещание, на ТРК «РИО». При этом удалось улуч-

шить день и время выхода в эфир. В 2006 г. передача выходила по пятницам в вечернем эфире.

В 2006 г. продолжала выходить новая православная телепередача на канале «Терра» «Возвращение образа», посвящённая проблемам духовного образования. Её ведущий – профессор, игумен Георгий (Шестун) – беседовал с ректорами высших, средних и средних специальных учебных заведений, учёными, преподавателями, представителями власти, руководителями общественных и политических организаций. Общение происходило в непринужденной доверительной атмосфере, без противопоставления светского и духовного мировоззрения. Передача была интересна не столько для воцерковленных людей, сколько для ищущих ответы, для ещё не определившихся в религии российских граждан, в том числе и молодёжи. Несмотря на доступность изложения, программа позволяла рассматривать на высоком педагогическом уровне вопросы, связанные с состоянием образования, семьи, воспитанием подрастающего поколения, с культурой, спортом и т. д.

В 2006 г. дебютировало сотрудничество Самарской епархии с телеканалом «Центр». Епархиальная тематика присутствовала в новостной программе, велись переговоры по выделению эфира под православную программу.

Православные программы «Кому на Руси жить?», посвящённая демографическим проблемам, и программа для детей и юношества «Воскресение» шли в 2006 г. в эфире ТРК «Скат» по субботам, чередуя друг друга.

Православная телепередача «Воскресная школа» выходила в воскресном эфире «ЛадаТВ-ТНТ» г. Тольятти и Ставропольского района.

Телепрограмма «Свет Православия» выходила в эфире г. Новокуйбышевска по вторникам, готовил программу Православный просветительский центр «Синай».

Телепередача «Православное слово» выходила в эфире Сергиевского районного телевидения.

Телепередача «Православный календарь» выходила в эфире Клявлинского районного телевидения.

Духовно-просветительская программа «Путь» выходила в радиоэфире ГТРК «Самара» два раза в месяц.

Передачи «Пастырь добрый» и «Православная седмица» выходили на проводном радио ГТРК «Самара».

Еженедельная программа «Сретенье» выходила на FM «Радио «Самара-Максимум»».

Православная радиопрограмма «Весть» выходила в эфире радиостанции «XXI век».

Радиопрограмма «Культура» освещала вопросы духовной жизни г. Самара.

Радиопрограмма «Говорит Православная Самара» выходила в эфире «Радио-7».

Радиопередача «Православная обитель», г. Новокуйбышевск, выходила в диапазоне областного радио совместно с радио «Экспресс» г. Новокуйбышевска.

Радиопрограмма «Православный церковный календарь» Новокуйбышевской нефтехимической компании выходила каждый понедельник.

Радиопрограмма «Духовное наследие» выходила в эфире г. Сызрани.

Радиопрограмма «Божий голос» выходила в эфире г. Отрадный.

Передача «Православная страничка» на Большеглушицком телевидении выходила один раз в месяц.

В Тольятти на канале «ЛадаТВ-ТНТ» по православным праздникам выходили в эфир проповеди городских священников.

В Отрадном выходила православная радиопередача на волнах радио «Экстрим» – еженедельно.

Из печатных СМИ в Самарской епархии издавались:

1. «Православная народная газета».
2. Всероссийская православная газета «Благовест».
3. Газета «Православная Сызрань».
4. «Дорога к Храму», регулярный вкладыш в газету «Волжская Заря».
5. «Самара Православная», регулярный вкладыш в газету «Волжская Коммуна».
6. Православный альманах «Духовный Собеседник», г. Самара.
7. «Самарский хронограф», бюллетень пресс-службы Самарского епархиального управления.
8. «Лампада», приложение к газете «Благовест».
9. «Путь к храму», журнал церкви Сергия Радонежского г. Самары. При этом же храме выпускался журнал «Светоч» для новообращённой интеллигенции.
10. «Верую» – приложение к областной газете «Волжская коммуна».
11. «Вестник Православия», приложение к газете «Вестник», г. Новокуйбышевск.
12. Газета «Воскресение», п. Прибрежный.
13. «Православная страница», приложение к газете «Сельская трибуна», с. Сергиевск.
14. «Православная страница», приложение к газете «Тольятти сегодня».

15. «Церковный вестник Ставропольского благочиния».

16. «Вера» – журнал Самарской православной духовной семинарии.

17. Газета «Духовный родник» – совместный проект приходов Клявлинского района.

18. Рубрика «Духовный Собеседник» в газете «Тюрьма и воля» ГУИН Минюста по Самарской области.

Самарская епархия имела собственный интернет-сайт. Свои интернет-сайты имели Самарская православная духовная семинария, Православная гимназия г. Тольятти, школа № 54 г. Самары с углублённым изучением православной культуры, Свято-Воскресенский и Свято-Вознесенский мужские монастыри, епархиальные печатные СМИ, многие приходы Самарской епархии [1, л. 13].

В 2006 г. в полную силу заработала епархиальная православная духовно-просветительская телевизионная студия. До этого, в 2005–2006 гг., на телевизионном медийном рынке Самарской области за счёт частных инвестиций творческой группой епархиальной телевизионной студии осуществлялась подготовка к эфиру и размещение на телеканалах губернии православных программ: «Беседы о Православии» и «Возвращение Образа», которые еженедельно выходили на телеканале «Тера». На базе телестудии происходило обучение молодых православных журналистов, телеоператоров, дизайнеров, операторов монтажа и других специалистов, которые в дальнейшем планировали учиться в профильных вузах и работать в СМИ региона. Планировалось начать подготовку к большому телевизионному проекту «Новости Самарской епархии».

На 2007 г. планировалось возобновить выход программы «Самарская епархия в лицах». Нестандартный формат данного телевизионного проекта, выходившего в прямом эфире, при наличии светского ведущего, предоставлял возможность любому жителю нашей губернии задать вопросы священникам, находящимся в студии в качестве гостя. Также, на 2007 г. планировалось запустить в эфир новую детскую православную краеведческую программу «Классный час», создателями которой планировали быть учащиеся епархиальной телевизионной студии [Там же, л. 14].

Не оставались без внимания епархии и вопросы культуры. 21 января в Самарском Епархиальном музее была открыта выставка «Пушкин и Филарет». 25 мая правящий архиерей участвовал в церемонии передачи музею ценных икон банком «Солидарность» – одним из постоянных доброхотов и жертвователей музея.

В течение 2006 г. Самарская епархия сотрудничала с заводом церковной утвари п. Софрино и книгоиздательствами Московской Патриархии, в связи с этим приходы епархии утварью, богослужебной литературой и облачениями были снабжены удовлетворительно.

На территории епархии в конце 2006 г. было зарегистрировано 282 прихода, из них в г. Самара – 45, в г. Тольятти – 17, в г. Сызрани – 6. Приходы епархии по территориальному признаку были разделены на 20 благочинных округов. В течение года благочинными регулярно проводились собрания настоятелей своих округов, на которых обсуждались насущные вопросы деятельности приходов. Священнослужители активно занимались просветительской, социальной, миссионерской деятельностью, вели работу с молодёжью.

В соответствии с годовыми отчётами приходов за 2005 г. на территории епархии было совершено: крещений – 19 408, венчаний – 2 123, отпеваний – 13 180 [1, л. 15].

За 2005 г. в епархии было открыто 40 приходов: 6 – в г. Самаре, 4 – в других городах епархии, 30 – в сельской местности.

В Самаре были открыты приходы: в честь св. прп. Антония и Феодосия Киево-Печерских, в честь Собора Самарских святых, в честь Смоленской иконы Божией Матери, в честь св. мц. Татианы, в честь прп. Силуана Афонского, во имя священномученика Владимира, митр. Киевского. В Тольятти был открыт приход в честь св. благ. царицы Тамары. В Чапаевске был открыт приход в честь Казанской иконы Божией Матери. В Отрадном был открыт приход в честь Рождества Христова. В Октябрьске был открыт приход в честь Вознесения Господня. В с. Пестровка был открыт приход в честь святителя Николая Чудотворца. В с. Андросовка Красноармейского района был открыт приход в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. В с. Аскулы Ставропольского района был открыт приход во имя святого Архистратига Божия Михаила. В с. Никольское Безенчукского района был открыт приход в честь иконы Пресвятой Богородицы «Неопалимая купина». В с. Большая Каменка Красноярского района был открыт приход во имя Архистратига Михаила. В пос. Октябрьский г. Похвистнево был открыт приход в честь иконы Казанской Божией Матери. В с. Новодевичье Шигонского района был открыт приход в честь Казанской иконы Божией Матери. В с. Байдеряково Шигонского района был открыт приход в честь Святой Троицы. В с. Кузькино Шигонского района был открыт приход в честь Космы и Дамиана. В с. Суринск Шигонского района был открыт

приход в честь Святой Троицы. В с. Орловка Кошкинского района был открыт приход в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В с. Новый Камелик Большечерниговского района был открыт приход в честь св. ап. Андрея Первозванного. В с. Кротково Похвистневского района был открыт приход в честь иконы Иверской Божией Матери. В п. Перле-вейсе Похвистневского района был открыт приход в честь Рождества Христова. В с. Рысайкино Похвистневского района был открыт приход в честь Архангела Михаила. В с. Украинка Большечерниговского района был открыт приход в честь вмч. Параскевы. В с. Благодаровка Большечерниговского района был открыт приход в честь иконы Божией Матери «Казанская». В с. Самсоновка, Исаклинского района был открыт приход в честь Казанской иконы Божией Матери. В с. Тимофеевка Ставропольского района был открыт приход в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». В с. Переволоки Безенчукского района был открыт приход в честь Покрова Божией Матери. В с. Верхнесъездее Нефтегорского р-на был открыт приход во имя св. первоверховных апостолов Петра и Павла. В с. Печерское Сызранского района был открыт приход в честь свт. Николая Чудотворца. В с. Тростянка Богатовского района был открыт приход в честь Архистратига Михаила. В с. Большая Дергуновка Большеглушицкого района был открыт приход в честь Архистратига Божия Михаила. В с. Тамбовка Большеглушицкого района был открыт приход в честь Казанской иконы Божией Матери. В пос. Южный, Большеглушицкого района был открыт приход в честь Святой Троицы. В с. Герасимовка Алексеевского района был открыт приход в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В с. Гавриловка Алексеевского района был открыт приход в честь Архистратига Михаила. В с. Чубовка Кинельского района открыт приход в честь Покрова Божией Матери. В с. Фрунзе Большеглушицкого района открыт приход в честь св. Димитрия Солунского [Там же, л. 15].

За 2006 г. архиепископом Сергием было совершено 17 священнических и 10 диаконских хиротоний. Рукоположенные в 2006 г. в сан священника: Горбатенко Роман, Шляк Вячеслав, Адеянов Валерий, Агафонов Иннокентий, Фофанов Павел, Гудков Прокопий, Коваленко Андрей, Кулаков Дмитрий, Кикин Вадим, Нефедов Виталий, Дурнов Дмитрий, Гусельщиков Алексей, Парамонов Алексей, Обухов Сергей, Переселков Даниил.

В сан иеромонаха были рукоположены Геннадий (Шибанков Геннадий Сергеевич) и Алексей (Бобков Алексей Валерьевич).

В сан диакона были рукоположены Ткачев Андрей, Усков Владимир, Суслов Иван, Астапенко Дионисий, Капустин Александр, Воспников Сергей, Полевой Андрей, Нефедов Евгений.

В сан иеродиакона были рукоположены Гавриил (Корнеев Михаил Львович), Амфиан (Вечелковский Артемий Александрович) [Там же, л. 16].

В качестве поощрений для священнослужителей использовались различные церковные награды, которые, как правило, давались лично архиереем во время торжественных служб на Рождество и Пасху. Наиболее распространёнными наградами были камилавки и наперсные кресты.

Камилавка – головной убор фиолетового цвета в форме расширяющегося кверху цилиндра. Вторая награда после награждения набедренником – исключительно для белого духовенства. Носится во время богослужений и официальных и торжественных церковных мероприятий. В 2006 г. епархиальным архиереем были награждены камилавками 21 священник: Сергей Ходулев, Алексей Ким, Вячеслав Шпарварт, Сергей Цымбалюк, Андрей Жарков, Александр Лухманов, Георгий Жарков, Сергей Чураков, Сергей Обухов, Иоанн Болгов, Николай Гордеев, Алексей Бормотов, Алексей Ярыгин, Глеб Вечелковский, Алексей Ковылин, Дионисий Ткачев, Алексей Гаранин, Борис Блинков, Анатолий Малышев, Даниил Ельцев, Александр Щербаков.

Наперсный крест – третья награда после награждения камилавкой для белого духовенства и вторая после награждения набедренником для монашествующих священников. В 2006 г. епархиальным архиереем были награждены наперсными крестами 16 священников: Михаил Агутин, Алексей Ким, Олег Мороз, Сергей Кудрич, Вячеслав Бочков, Виталий Германов, Александр Борисов, Александр Гринин, Сергей Ворожейкин, Дионисий Кузнецов, Александр Полтаев, Иоанн Красильников, Вячеслав Кондряков, Алексей Свистунов, Сергей Гаврилушкин, иером. Димитрий (Ельченинов).

В 2006 г. в Самарской епархии умерло два священнослужителя: протоиерей Михаил Калугин и протоиерей Михаил Фролов.

В 2006 г. за штат было почислено два священнослужителя: архимандрит Константин (Воробьев) и диакон Николая Абрамейцев [1, л. 17].

Пытаясь укрепить влияние, значение и роль Православной Церкви [4, с. 289], наряду с решением внутренних проблем епархии, на протяжении всего 2006 г. архиепископ Сер-

гий проводил встречи как с главой Самарской губернии и главами городов, так и с руководителями предприятий и организаций губернии. 22 марта правящий архиерей подписал договор о взаимодействии с администрацией г. Тольятти. В дни пребывания Десницы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна на Самарской земле было подписано Соглашение о сотрудничестве с руководством АВТОВАЗа, 40-летие которого отмечалось в 2006 г.

Итак, в 2006 г. Самарская епархия активно участвовала в общественных инициативах, с её участием проводились форумы, конференции,

которые нашли отражение в прессе и получили широкий общественный отклик. В 2006 г. в Самарской области продолжился процесс укрепления государственно-церковных отношений. Правящий архиерей Самарской епархии архиепископ Сергей не только полностью выполнял указания священноначалия РПЦ и патриарха, но и благодаря своим связям и авторитету в государственных органах, среди промышленников и предпринимателей фактически шёл на шаг впереди и по количеству открываемых церковью, и по общественно значимым мероприятиям, проводившимся в епархии.

Список литературы

1. Текущий архив Самарского епархиального управления. Отчёт архиепископа Самарского и Сызранского Сергея в Московскую Патриархию за 2006 г.
2. Чирков М. С. Власть и Русская православная церковь в 1965–1982 гг.: опыт государственно-конфессиональных отношений // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 500-летию Реформации. Самара: Самарский гос. ин-т культуры, 2017. С. 145–153.
3. Чирков М. С. Православие и власть в Среднем Поволжье (середина 1940-х – начало 1980-х годов) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Самара: Самарский гос. ин-т культуры, 2015. С. 288–291.
4. Чирков М. С. Традиционное православие в российском обществе начала XXI века // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XVI междунар. науч.-практ. конф. Челябинск: Южно-Уральский гос. гум.-пед. ун-т, 2020. С. 288–294.

Сведения об авторе

Якунин Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Россия, vadyak@mail.ru

Yakunin V. N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russia, vadyak@mail.ru

.....

УДК 93/94:91

Искатель прибрежных историй Посольского мыса Виктор Абрамов

Гунсема Сандаковна Митыпова

г. Улан-Удэ, Россия

gunsema53@mail.ru

В статье уделено внимание поиску артефактов истории и культуры на байкальском побережье Бурятии, вблизи Посольского Спасо-Преображенского монастыря, в с. Посольское, проведённому Виктором Абрамовым в наши дни. Ценность находок актуализирует наше внимание на истории Даурской миссии, истории всего Забайкалья. Основной вывод исследования заключается в оценке важности и значимости проводимой работы, которая направлена на дополнение имеющихся данных новыми.

Ключевые слова: искатель, монастырь, гостевой дом «София», побережье, Байкал, герб, монета, денга

The Seeker of Coastal Stories of the Embassy Cape Viktor Abramov

Gunsema S. Mitypova

Ulan-Ude, Russia

gunsema53@mail.ru

The article focuses on the search for artifacts of history and culture on the Baikal coast of Buryatia, near the Embassy of the Transfiguration Monastery, in the village of Embassy, conducted by Viktor Abramov in our days. The value of the finds actualizes our attention to the history of the Daurian mission, the history of the entire Transbaikalia. The main conclusion of the study is to assess the importance and significance of the work carried out today, which is aimed at supplementing the existing data with new ones.

Keywords: Seeker, Monastery, Guest House "Sofia", Coast, Baikal, the Emblem, Coin, Denga

Когда подъезжаешь к Посольскому мысу на южном побережье Байкала¹, видны крыши строений, перед взором современного путника, будь то турист или проезжающий по своим делам житель прибрежных сёл и деревень, открывается вид – купол храма, белоснежная ограда Посольского монастыря и как бы продолжение монастырских застроек – крыша гостевого дома «София», мы понимаем, что это Байкал.

Встречает нас супруга Виктора Абрамова, Ульяна, гостеприимная хозяйка, а хозяин в этот день косит траву во дворе, гости готовят шашлыки, маленькая собачка, Еврик, Евраша (как называет его моя внучка, да и все остальные), собака породы ши-тзу, приветливо помахивает хвостиком.

Абрамов Виктор Анатольевич, 1965 г.р., уроженец с. Большая Речка (Родина матери), а родился в г. Улан-Удэ, инженер. Супруга, Ульяна Владимировна, уроженка с. Ирильдей Боханского района Иркутской области, обладает определённым дизайнерскими навыками, вкусом и культурой, ею и создан, с присущей для неё энергией, уют дома, принимающего гостей.

Построен дом в 2008 г. Виктор рассказывает, что здесь, в с. Посольском, проживала его тетя. Её усадьба и стала основой гостевого дома «София». Когда начиналось строительство, были некоторые сложности, местность болотистая, поэтому, как рассказывают, завезли более 20 машин гравия и песка, чтобы укрепить фундамент под строительство. Разрабатывался проект с учётом прибрежного ландшафта, фасадной частью к Байкалу, полукругом, для защиты от ветров. Были рассмотрены пять вариантов проекта сооружения гостиничного типа. Сегодня это ухоженный дом – дворец, где с третьего этажа мансардной части открывается панорама Байкала, да и со всех окон видны берег озера и слышен плеск волн.

Существует такое явление, как генетическая память. Неслучайно, что семья Виктора обосновала здесь гостевой дом. В с. Большая Речка родилась мама, тётя проживала в с. Посольском. Исторически достоверно известно, что 28 ноября 1862 г. в с. Большая Речка была освящена церковь во имя Сошествия Святого Духа, данная церковь была приписана к Посольскому монастырю [5].

Эти два села и сейчас в непосредственной близости. Село Посольское, по данным Ассоциации самых красивых деревень, с сентября 2021 г. из пяти населённых пунктов Бурятии признано единственным, где можно подойти к самому большому пресноводному озеру в мире [6].

Село Большая Речка имеет название от реки, которая берёт начало у отрогов горного хребта Хамар-Дабан и впадает в оз. Байкал, образуя устье – Посольский сор, мелководный песчаный залив. Название «Большая река» получила за счёт своей длины, её протяжённость составляет 74 км, в 15 км от федеральной трассы имеется водопад.

Близость и сотрудничество с духовенством Спасо-Преображенского монастыря наложило определённый отпечаток на атмосферу всего гостевого дома, здесь тишина и покой, я бы назвала местом для размышлений всех членов семьи. Сюда в основном приезжают семьями с детьми, где дети могут поиграть и побегать по траве, покататься на качелях, поиграть в пинг-понг, почитать книги, а взрослые после купания могут попариться в баньке. Самое важное, сюда приезжают ежегодно туристы из самых разных городов России, зарубежья и, конечно, из г. Читы (Забайкальский край), давно ставшие друзьями хозяевам. Стали традицией посиделки в холле у камина, на веранде, где цветут петунии.

Семья Абрамовых – это поколение, выросшее в советское время, получившее образование, пережившее все перемены 90-х гг., устоявшие в эпоху «перестройки», сегодня форми-

¹Митыпова Гунсема Сандаковна. Записи беседы 4–6 августа 2022 г., с Посольское – г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

рует, среди прочих, нравственный фундамент общества. Их думы о прошлом и будущем страны, общества волнуют, будоражат и тянут к действию.

Виктор Абрамов, я бы сказала, «ищет прошлое», найденная им монетка екатерининских времён, сибирская медная монета, те или иные артефакты на Посольском мысу будоражат его мысль, заставляют думать, как протекала жизнь, какие люди здесь жили, проезжали. Безусловно, историю края, Байкальской Сибири, он знает и так. Однако почти каждый день «дарит» ему осколки прошлой жизни. Так, при мне, 5 августа 2022 г., сказал, что «пройду по окрестности», и его находки в течение часа-двух оказались: герб Забайкальской области, 3 монетки советского времени и часть украшения, то ли конской упряжи, то ли часть колокольчика. Искателю ещё предстоит провести исследования по идентификации нумизматической коллекции, собранной в разные годы.

Рис. 1. Герб Забайкальской области¹

Согласно описанию герба: восемь зубцов палисада являются символом начала освоения землепроходцами Российской империей данных территорий, а также постройки забайкальских острогов, возведённых здесь во второй половине XVII в. Двухцветная финишь полей острога идентична расцветке пограничного столба и символизировали то, что имеет две внешние границы с Монголией и Китаем. Серебряные язык и глаза буйвола означают даурские серебряные промыслы, а золотой щит – золото Кабинета Его Императорского Величества (рис. 1). Герб области пользовался и как официальный герб региона до 1913 г. [1; 2].

¹ Герб Забайкальской области Российской империи. Утверждён 12 апреля 1859 г. Описание герба: «В золотом щите восьмиконечный полисад, червлёный с зелёною, сопровождаемый сверху червлёной буйволовою головою с серебряными глазами и языком. Щит увенчан древнею Царскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединёнными Александровскою лентою». URL: <http://heraldry.hobby.ru/gub1/zboobl.html> (дата обращения: 06.10.2023). Текст: электронный.

Обнаруженный герб имеет утраты, часть обрамления из дубовых листьев утрачена, а изготовлена из сплава бронзы и меди(?).

Представляют интерес монеты из-под монастырских стен: гривенник серебряный 1718 г., деньга 1740 г. (рис. 2). Монеты периода правления Петра I, Анны Иоанновны или Ивана IV.

Описание монеты:

Аверс: в центре изображён картуш, украшенный виньетками, по обеим сторонам две лавровые ветви, сверху – цветочная розетка. Под картушем – две перекрещённые пальмовые ветви с обвязкой (бантом). В картуше надпись в три строки, в которой указан номинал и год выпуска ДЕ НГА 1740. Между номиналом и годом выпуска две прямые черты.

Рис. 2. Денга 1740 г.

Реверс: центр занимает упрощённая версия герба Российской империи – это традиционный двуглавый орёл, но выполнен без сложных элементов. Обе головы несут короны, а третья корона большего размера расположена выше между головами. В правой лапе орёл держит скипетр, а в левой державу [3].

А вот и другая находка (рис. 3).

Здесь мы даём небольшую ссылку, разъяснение. Виктор Абрамов, поисковик, знает свою коллекцию, готовит каталог, мы же только обозначили коллекцию как таковую.

Рис. 3. Гривенник 1718 г.

С данной коллекцией искатель истории щедро знакомит гостей на Байкальском побережье, опосредованно раскрывая роль Даурской миссии Спасо-Преображенского Посольского монастыря, рассказывает о даурских серебряных промыслах, о торговле, торговом пути в Китай, о путешественниках¹.

Кратко представив краеведа и его дело, отметим, что отраднo, когда есть такие люди, люди, которым дорога история и которые собирают её по крупицам и несут в народ.

Список литературы

1. Герб Забайкальской области. Текст: электронный // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Герб_Забайкальской_области (дата обращения: 07.10.2023).
2. Гербы губерний и областей Российской империи. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1880. 83 с. URL: <https://lib.geraldika.ru/t/472> (дата обращения: 07.10.2023). Текст: электронный.
3. Денга 1740 года. Текст: электронный // Национальный электронный нумизматический архив. URL: <https://numar.ru/coins/anna-ioannovna/mednye/denga/1740> (дата обращения: 07.10.2023).
4. Жалсараев А. Д. Даурская духовная миссия. Текст: электронный // Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/171434.html> (дата обращения: 07.10.2023).
5. Посольский Преображенский монастырь (Продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1872. 18 нояб. № 46: Прибавления. С. 594–600.
6. Посольское-самое красивое село на берегу Байкала. URL: <https://dzen.ru/a/YWVIEw8UMWxy1dst> (дата обращения: 07.10.2023). Текст: электронный.
7. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 199. Оп. 2. Д. 481. Ч. 1.

Сведения об авторе

Митыпова Г. С. – доктор исторических наук, краевед, г. Улан-Удэ, Россия, gunsema53@mail.ru

Mityrova G. S. – Doctor of Historical Sciences, Local Historian, Ulan-Ude, Russia, gunsema53@mail.ru

.....

¹ Источниковой базой для определения бытования православной миссии за Байкалом является в первую очередь Указ царя Федора Алексеевича, подписанный 22 февраля 1680 г. о посылке на оз. Байкал на р. Селенгу с поручением построить на р. Селенге в качестве миссионерского центра монастырь. Известно из исторических источников, что Первая миссия состояла из 12 человек братии, под начальством игумена Феодосия (39), с наказом и правилами от архимандрита Павла, митрополита Сибирского и Тобольского, где говорилось, "... приехав в Даурье, Селенгинск и другие города и остроги, приглашать всяких иноверцев к истинной христианской вере православной..." [4; 7, л. 121].

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Представленные к публикации материалы должны иметь научный характер, обладать новизной. Опубликованные ранее материалы к публикации не принимаются.

Правила оформления статьи:

- формат страницы: А 4 (210×297);
- текст набран в редакторе Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, кегль 12;
- без переносов;
- межстрочный интервал – одинарный;
- поля (левое, правое, верхнее, нижнее) – 2 см;
- абзацный отступ – 1,25 см (при создании абзацев не пользоваться табуляцией и пробелами), выравнивание текста по ширине;
- ориентация – книжная, без простановки страниц, желательно без постраничных сносок;
- графики, таблицы, рисунки – черно-белые, без цветной заливки;
- фотографии и рисунки в формате JPEG, с подписями;
- учитывать разницу между знаками «тире» и «дефис»;
- сокращения в тексте статьи оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.12–2011;
- инициалы в статье пишутся перед фамилией (И. И. Иванов), в списке литературы после фамилии (Иванов И. И.);
- ссылки на литературу и внутритекстовые источники оформляются по ГОСТу 7.0.100–2018. Пример: [3, с. 35–38], [4], [2, с. 41; 6, с. 45–46], [8, л. 12; 9, л. л. 9–11; л. л. 8–8об.]. Список литературы указывается в конце, в алфавитном порядке.

Объём представляемой к публикации статьи или тезисов – до 10 страниц.

Краткая аннотация статьи на русском и английском языках. Аннотация должна содержать краткую характеристику статьи: актуальность, результаты исследовательской работы.

Размер аннотации – 5–7 строк.

Ключевые слова и фразы на русском и английском языках (не менее 5–7).

На первой странице указывается название статьи или тезисов жирным шрифтом, строчными буквами (на русском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом.

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом.

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом.

Через пробел аннотация с отступом (на русском языке).

Без пробела ключевые слова с отступом (на русском языке).

Через пробел название статьи или тезисов жирным шрифтом, строчными буквами (на английском языке).

Через пробел по центру фамилия, имя, отчество автора(-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом (на английском языке).

Без пробела город, страна обычным шрифтом, курсивом (на англ.).

Через пробел аннотация с отступом (на английском языке).

Через пробел ключевые слова с отступом (на английском языке).

Через пробел текст статьи или тезисов с отступом 1,25 см.

После текста статьи или тезисов через пробел жирным шрифтом по центру «Список литературы».

После списка литературы указываются сведения об авторе(-ах) (на русском и английском языках).

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

Спорные аспекты истории Русской Православной Церкви в Забайкалье в 1920-е годы

Иван Иванович Иванов

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

e-mail: 12345@mail.ru

Аннотация (на русском языке) ...

Ключевые слова (на русском языке): ...

Текст статьи...

Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Transbaikalia in the 1920s

Ivan I. Ivanov

Transbaikal State University, Chita, Russia

e-mail: 12345@mail.ru

Аннотация (на английском языке)...

Ключевые слова (Keywords) (на английском языке): ...

Текст статьи...

Источники и литература

Сведения об авторах

Иванов Иван Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: 12345@mail.ru

Ivan I. Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of History of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: 12345@mail.ru

.....

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники и литература

1. Архиереи Арзамасского викариатства (1920–1937). Текст: электронный // Благочиние города Арзамаса. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/arxierei-arzamasskogo-vikariatstva-1920-1937-g> (дата обращения: 14.01.2021).
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 234.
3. ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
5. Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы межд. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
6. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 173–202.
7. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 42 с.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2009. 491 с.
9. Rutt R. The Orthodox Church in Korea // *Sobornost*. Summer 1957. № 3. P. 480–490.
10. Zernov N. *The Russian Religious Renaissance of the XX Century*. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.